

ВЯТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

МИФОЛОГИЯ

Департамент культуры и искусства Кировской области
Вятский региональный Центр русской культуры
Котельничское районное управление культуры
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

ВЯТСКИЙ ФОЛЬКЛОР • МИФОЛОГИЯ

Издание подготовила А. А. Иванова

Котельнич 1996

Оформление
художника

**ЮРИЯ
УДАЛЬЦОВА**

(С) Иванова А. А., 1996 г., составление, вступительная статья, комментарии.

(С) Вятский фольклор. Мифология. Вятский региональный Центр русской культуры. 1996 г.

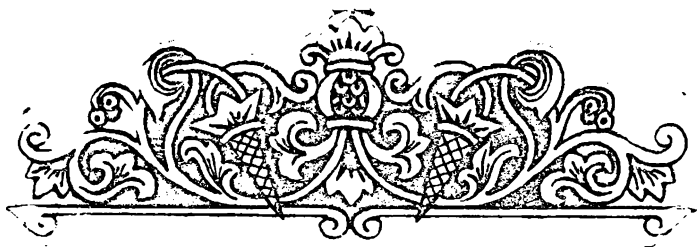
К ЧИТАТЕЛЯМ

Департамент культуры и искусства Кировской области, Вятский региональный Центр русской культуры и Котельничское районное управление культуры совместно с Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова продолжают издание серии сборников фольклора Вятского края. Первые две книги этой серии «Заговорное искусство» (1994 г.) и «Народный календарь» (1995 г.) были с интересом приняты всеми, кто любит и ценит русскую национальную историю и культуру, устное народное творчество. Обе они были представлены в 1995 году на Международной конференции по этнографии и фольклору, проходившей в Санкт-Петербурге, и получили высокую оценку за научный уровень издания.

Книга, которую вы держите в руках, третья из этой серии. Как и предыдущие, она подготовлена по материалам, собранным студентами филологического факультета и учеными кафедры устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова. По сути это первое и в своем роде уникальное издание подобного рода, в котором в такой полноте представлена мифология нашего Вятского края. Надеемся, что она также тепло и с любовью будет воспринята широкой читательской публикой, литераторами и учеными-фольклористами.

**Редактор книги,
заведующий издательским отделом Вятского регионального
Центра русской культуры, член Союза писателей России**

АНАТОЛИЙ ВЫЛЕГЖАНИН.

МИФОЛОГИЯ ВЯТСКОГО КРАЯ

А. А. ИВАНОВА

Настоящий сборник — третий из задуманной кафедрой русского устного народного творчества Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Котельничским районным управлением культуры и Вятским региональным центром русской культуры серии книг по фольклору Вятского края. Как и предыдущие*), он содержит материал, представляющий архаические — в основе своей языческие — верования вятчан. На этот раз вам предстоит познакомиться с рассказами о контактах человека с демонологическими персонажами — домовым, кикиморой, бабником, лешим, русалкой и пр. Исполнители называют их «былями», «бывальщинами», «историями», «случаями», уже самим названием подчеркивая «достоверный» характер повествования. Отсюда и стремление привязать события к конкретным лицам и местам, о чем в начале рассказа сообщается так: «Еще бабушка у меня его (домового — сост.) видела», «У меня рассказывал отец», «Не знаю, правда ли. Но он врать не станет: мужик сурьезный», «У нас в родне было», «В войну было, году в сорок втором», «У нас в деревне было это»... Подобные авто-

*) Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1994; Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995.

ритетные отсылки явно противопоставляют эти рассказы другому прозаическому жанру, сказке, имеющему в качестве доминантной эстетическую функцию (не случайно сказочные события неопределенны во времени и пространстве: они разворачиваются в «некотором царстве, в тридесятом государстве*»). Если сказка призвана позабавить слушателя, то мифологический рассказ (или как именуют его исследователи — быличка) своей главной целью ставит передачу от поколения к поколению информации особого рода: как должен вести себя человек, вступивший в контакт с потусторонним миром. Подобное восприятие, выводящее быличку за пределы собственно искусства, объективно не способствовало ни её собиранию, ни публикации (в особенности в прошлом). Обыкновенно на страницы газет, журналов и прочих изданий попадали не сами рассказы, а характеристики верований, лежащих в их основе*). И все же даже эти скудные, отрывочные сведения представляют определенный интерес, так как позволяют в общих чертах воссоздать репертуар на период XIX — нач. XX вв., когда традиционный деревенский общественный и семейный уклад Вятского края ещё не был разрушен. Основными источниками для подобной реконструкции могут послужить следующие издания:

1. Кибардин Н. Г. Извлечения из материалов, собранных для Географического общества по Слободскому уезду. // Вятские губернские ведомости. 1848. № 17—18 (Кибардин 1).

2. Кибардин И. Г. Хозяйственное описание северного края Слободского округа. // Записки императорского экономического общества. Ч. III. Казань, 1985. С. 1—18 (Кибардин 2);

3. Глушков И. Е. Топографическо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича. // Этнографический сборник, издаваемый РГО. Вып. V. Спб., 1862. С. 1—96 (Глушков);

4. Сенников Д. Семик в Котельниче. // Вятские губернские ведомости, 1862. № 24, С. 163—164 (Сенников);

5. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907 (Васнецов);

6. Зеленин Д. К. Материалы для описания Вятской губернии, хранящиеся в Архиве Русского географического общества. Вятка, 1912. С. 1—51 (Зеленин 1);

7. Котельничский календарь-альманах на 1912 г. Котельнич, 1912 (альманах 1);

*) Исключение составляет сборник «Великорусские сказки Вятской губернии», в который Д. К. Зеленин включил несколько быличек (см. №№ 10, 65, 66, 68 и др.).

8. Котельничский календарь-альманах и памятная книжка на 1914 г. Вятка. 1914, (альманах 2);

9. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии П., 1915 (Зеленин 2);

10. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. П., 1916 (Зеленин 3) и др.

Авторы указанных работ отмечали особую подверженность вятчан разного рода суевериям: охотники, например, «встречно-му, и поперечному, как говорится здесь, внушают, что «не знать, с себя добра не видать» <...> иной охотник позначительнее да в разгульный час так пострашает и дедушкой лесным, без знакомства с ним наскажет столько бед в лесу, что и на возу не увезти. Разумеется, все эти рассказы у многих отбивают охоту заниматься этим промыслом» (Кибардин 2, с. 37). Сравнивая подобные свидетельства с результатами экспедиций МГУ в Кировскую область в конце XX в. (1988—94 гг.), мы должны признать, что вера в домашних и природных духов, хотя несколько и поколебалась, тем не менее все ещё достаточно сильна и вызывает живейший интерес у людей самого разного возраста. Даже те из них, что принародно отрицали их существование, опасаясь показаться перед заезжими собирателями старомодными и неучеными, втайне, на всякий случай, продолжали приносить жертвы домовому, чтобы он заботился о скотине, а заболев, нередко обращались не к врачу, а к знахарю. Вообще граница между верой и неверием чрезвычайно зыбка. Порой достаточно случайного совпадения обстоятельств, чтобы категорическое отрицание потустороннего мира перешло в такое же горячее убеждение в его существовании: «На росстани водила нас одна женщина. В аккурат цветъ бывает. В рожь ходили, на горе там посеяна. Вот нас сколько было, круг оцртили вокруг себя. А у ей мужик служил. Кончилась война, а у ей мужика нет и похоронной нет. Ну, она заветила на себя. И вдруг на этом поле он заговорил. Потом Катя (Катей девушку другу-то звали), она спрашивает: «Как буду жить: хорошо ли, плохо ли?» Вдруг заиграли гармони и песни запели. А у третьей заветили про её и вдруг: «Ого-о-о!» Да так громко! Да три раза! Дак у ей брата посадили и мать посадили. Уж что-то тут есть». Так что к утверждениям типа «А нынче никто не гадает: все лешаки ушли в колхоз работать», «Раньше их много было. При нас-то уж мало было. Мало. Почти не было в наше время. А вот когда мама-то жила, в её-то время было. Как церкви разрушили, так они и исчезли» следует относиться очень осторожно. Чем же в наши

дни поддерживается вера в духов? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, что лежит в её основе.

В соответствии с мировоззрением наших предков, мир, окружавший их, делился на две половины — **свой**, человеческий, освоенный, а потому и относительно безопасный, и **чужой**. Последний фэйтэзия людей населила божественными существами, олицетворяющими природные стихии и явления, и умершими родственниками. От них, как считалось, зависела судьба, материальное и душевное благополучие каждого человека. Иной мир мог быть не только благожелательным, но и опасным, карающим (в особенности в том случае, если человек нарушал раз и навсегда установленные нормы поведения: например, не попросившись у хозяина бани, шел в третий пар; не угощал домового, вводя в хлев вновь купленную скотину; оставлял в непокрытой и непотопленной посуде еду; все поминал лешего или черта и пр.). Именно поэтому с обитателям потустороннего мира, более могущественного нежели человеческий, нужно было общаться по определенным правилам. Этому и призваны были обучить былички.

Языческий пантеон в основе своей сложился ещё до принятия Русью христианства: в нем были божества небесной и земной сфер. После крещения славянского мира небесные языческие духи заменились христианскими святыми («чистыми» божествами), а земные попали в сферу влияния дьявола, получив в результате статус «нечистой силы», «нежити». Так языческий пантеон сузился до божества земной сферы, претерпев при этом количественные и качественные изменения. Несколько иными стали и связи мифологических персонажей друг с другом и с человеком. Первоначально у каждого из них была своя, строго определенная, сфера обитания (по ней они нередко и именовались) — домовый почитался за духа дома, леший — леса, водяной — водных источников и т. д. Поскольку каждый из них стал рассматриваться как бесовская сила, четкость номинации персонажа начала стираться (например, водяной—водный черт—черт). Это способствовало перераспределению мест их обитания и основных функций, а в конечном итоге — изменению состава мифологического пантеона в сторону его сужения. Например, в материалах экспедиций МГУ почти нет рассказов о водяном, тогда как в изданиях столетней давности он упоминается довольно регулярно. Единичным оказалось и свидетельство о духе поля: «Всадник — это нечистый дух, который во ржи живет. Его на белой лошади видели в полях. Он хлеб крадет у тех людей, которые достойны Бога, а иначе если, то с хлебом может плохо сделать» (Носова Серафима Львовна, 1909 г. р., д. Погост,

Лузский район). С другой стороны, персонажи, начинавшие играть все более заметную роль, могли породить новое божество, в котором персонифицировалось какое-то одно их качество (например, в Подосиновском районе популярны рассказы о мани, манихе, водящей человека по лесу точно так же, как это делает леший). Сказанное позволяет рассматривать изменения в составе мифологических персонажей не как однозначно разрушительный, а как достаточно естественный ход развития мифологического сознания людей. Менее изменчивыми, нежели обитатели иного мира, оказались его временные и пространственные характеристики. Так, временем и местом, наиболее благоприятными для размыкания границ между своим и иным мирами, считаются пороговые рубежи: начало года, сезона, суток, порог, окно, ворота, перекресток и т. п. Именно здесь человек чаще всего и встречался с нечистой силой, идя на этот шаг вполне сознательно (как, например, при гаданиях, стремясь узнать свою будущую судьбу) или случайно (нарушив предписанные нормы поведения). При желании с помощью обрядов и оберегов границы можно было укрепить или ослабить: в первом случае прибегали к крестному знамению, молитве, очерчиванию кругом, втыканию в границу острых железных предметов — ножа, топора и пр., во втором — совершали прямо противоположные действия — во время гаданий снимали с себя крест, булавки, кольца, бусы, распускали волосы (распущенные волосы, как известно, были одной из наиболее примечательных черт русалки, лешахи, чертовки), призывая нечистую силу, открывали шесток, окна, двери. И все же, несмотря на сказанное, готовя тексты к публикации, мы использовали уже многократно апробированный принцип их группировки по персонажам (хотя в ряде случаев по указанным причинам сделать это было весьма затруднительно). Местоположение мифологического персонажа в нашем собрании находится в прямой зависимости от того, какое жизненное пространство человека он опекает и в каких отношениях с ним находится: чем дальше от избы, защищенной иконами, обитает дух, тем более злобен его нрав и опасны действия. Сборник открывается рассказами о домашних духах — домовом, кикиморе, баннике, далее следуют былички о природных духах — русалке и лешем. В особые разделы выделены черт, шиликун, огненный змей*), люди, общающиеся с нечистой силой и потому одновременно принадлежащие к двум мирам — своему и чужому — покойник, колдун, ведьма, знахарь, проклятый — а также клад. Завершается

*) Справедливости ради следует отметить, что в Вятском крае различия между ними не так очевидны, как в сопредельных областях Русского Севера.

сборник разделом «Прочее», в который вошли рассказы о гада-
ниях, вещих снах, предзнаменованиях, болезнях и смерти.

Сравнивая мифологический пантеон Вятского края по современ-
ным записям и публикациям столетней давности, нетрудно
заметить, что он отличается незначительно. В прошлом главен-
ствующее место в нем занимал леший (Кибардин 1, Кибардин 2,
Зеленин 2); что не удивительно при наличии обширных лесных уго-
дий и активном развитии хозяйственной инфраструктуры края
лесных промыслов. Ставя свои удачи и неудачи в зависимость от
отношения лесного хозяина, вятчане старались правильно вести
себя в лесу: не разжигали костер на тропе лешего, при встрече
делились с ним нехитрым угощением, не обижали его собак, не
поминали по имени и т. д. И ныне рассказы о лесном очень рас-
пространены: почти каждый исполнитель, с которым довелось
поработать в ходе экспедиций, рассказал о нем не одну историю.
Показателем популярности лешего в Вятском крае следует при-
знать и тот факт, что в номинации мифологических персонажей
лексема «леший» («лешак») стоит на втором месте после лек-
семы «черт» («бес», «нечистая сила»): она может связываться с
такими персонажами, как черт, шиликун, огненный змей, водя-
ной, домовый, банник.

Среди других персонажей мифологического пантеона в пу-
бликациях прошлых лет упоминаются домовый (Кибардин 1, Зе-
ленин 2), русалка (Кибардин 1, Зеленин 3), водяной (Кибардин
1), шиликун (Зеленин 1), вещница, оборотень, знахарь, колдун
(Кибардин 1, Кибардин 2, Зеленин 2, Глушков, альманах 1),
покойник (Сенников, Зеленин 2), кикимора (альманах 1), клад
(Глушков, альманах 1, альманах 2). Все они (за исключением
водяного) представлены и в материалах экспедиции МГУ. При-
чины отсутствия последнего, по-видимому, можно связать с пол-
ным забвением некогда достаточно широко распространенного
в ряде уездов мукомольного промысла*): ведь излюбленнейшим
сюжетом, связанным с водяным, по старым записям, была его
помощь мельнику в ответ на обильные жертвоприношения.

Публикуя материалы по народному календарю**), мы отме-
тили имеющиеся в нем локальные различия, связанные с разно-
временными и разнонаправленными колонизационными потока-
ми. Эти различия в говорах и традиционной культуре отмечал
ещё Д. К. Зеленин. Так, к собственно Вятскому краю он отнес

*) Как сообщили старожилы, на территории нынешнего Котельничского
района было несколько десятков мельниц, о чем свидетельствуют вятские
присловья, например, такое: «У Котельничи три мельнички: ветряница, во-
дяница и паровича».

**) Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995.

только Вятский, Орловский, Котельничский, Нолинский и юго-западную часть Слободского уездов, а на их территории выделил два говора: вятский и котельничский. Обследованные экспедициями МГУ районы Кировской области прежде относились к разным уездам и губерниям: Лузский, Подосиновский, Опаринский и северная часть Даровского районов входили в состав Никольского уезда Вологодской губернии (т. е. находились в зоне влияния сначала Новгорода, а потом Устюжны), южная часть Даровского района, Котельничский, Шабалинский, Свечинский районы составляли Котельничский уезд, заселявшийся преимущественно выходцами из «понизовских», западных, поволжских земель, а Белохолуницкий и Нагорский районы, примыкающие к Коми республике, хотя и были составной частью Слободского уезда (его верховятской частью), в говорах и быту существенно рознились с его остальной территорией (так называемой подгородной, подзаводской, зачепецкой и кайской частями — Кибардин 2). При картографировании локальных различий в вятской мифологии очевидной становится их зависимость от указанных территориальных делений. Приведем лишь наиболее примечательные факты. Рассказы о шиликунах зафиксированы в Даровском, Котельничском и Шабалинском районах (бывший Котельничский уезд); о кикиморе как о домашнем духе рассказывают в Белохолуницком и Нагорском районах (северная часть Слободского уезда), как о болезни, аналогичной падучей, икоте, в Котельничском, Даровском, Опаринском, Подосиновском районах (Котельничский уезд, Никольский уезд Вологодской области). Номинация домового достаточно разнообразна, но только в Нагорском районе его зовут **батаманом**. В Котельничском районе насылание порчи называется **навешиванием килы** (соответственно колдуны именуются **кильниками** — альманах 1), в Нагорском районе — **наложением завета** («Всяко заветы те ложат. Есть вот смертельно ложат опять. Смертельно ложат: года три проболел и умрешь. Есть и под покойника ложат опять. Если под покойника положат: дак вот, пока покойник тлеет, да ты все болеешь... По ветру пускают... На воду пускают... Дак под покойника самый страшный» — Булычева Юлия Дмитриевна, 1932 г. р., с. Мулино, «Заветы бывают разные: на воду, на ветер и в землю. В землю закопаешь — можно назад взять, и человек этот выздоравливать будет. А если на ветер, на воду, тут уж унесет всю жизнь, назад не воротишь» — Костылева Анастасия Афанасьевна, 1918 г. р., с. Мулино). Пока вся территория Кировской области не будет описана и изучена по методу сплош-

ного обследования, говорить об ареалах имеющихся различий и факторах, их сформировавших, сложно.

Готовя тексты для публикации (а в нашем распоряжении было около 4000 быличек, хранящихся в архиве кафедры русского устного народного творчества МГУ), мы руководствовались рядом соображений. Во-первых, стремлением представить все сюжеты, которые удалось обнаружить на данной территории. Во-вторых, желанием наглядно показать, как пульсирует живая традиция: это потребовало отбора текстов, разных по объему и художественности (от кратких информационных до развернутых повествований). Значительная вариативность быличек при передаче из уст в уста составляет одну из их жанровых характеристик: на «облик» текстов влияет множество факторов — конкретные задачи, которые ставит перед собой рассказчик, характер его слушательской аудитории, степень осведомленности о происшествии и многое другое: так, рассказывая быличку непосвященной аудитории (детям, приезжим, к каковому относятся и собиратели), рассказчик стремится передать её обстоятельно, со множеством деталей и пояснений; обмениваясь информацией друг с другом, обыкновенно ограничиваются голый констатацией факта, подразумевая, что знающий человек уже проинформирован о возможных деталях происшествия по ряду аналогичных случаев, происшедших ранее с другими людьми.

Одним из главных предназначений былички, как уже отмечалось, была и остается передача информации особого рода: о том, как должен вести себя человек, вступающий в контакт с потусторонним миром. Эта же информация могла передаваться и в других жанровых формах, в том числе нефольклорных. Среди последних особое место занимают поверья — краткие речевые изречения, в обобщенном, отстраненном от конкретных случаев, виде сообщающих нужную информацию (в то время как быличка — это рассказ о конкретном происшествии, нередко передающий события от первого лица), сравните: поверье — «Если соседушку не позовешь, он будет ходить, реветь. Задавить даже может: он ведь больно мстительный. Нельзя забывать его: он, как сирота, останется. Соседушка от грома хранитель. От Бога самого поставлен хозяином дома. Не мы в доме хозяева, а соседушко. Он от высшего правит. Без него, дедушка-соседушка, до порога не дойдешь», быличка — «Одна женщина уезжала на новую квартиру да не сказала: «Домовой, домовой, поедом со мной!» А потом сон видит. Он пришел: «Ты меня, хозяйка, оставила, а я все равно тебя нашел». Она говорила: маленький-маленький мальчик». Поверье может предшествовать тексту бы-

лички либо следовать после него (реже — вклиниваться в сам рассказ), выполняя при этом разнообразные функции: служить убедительным доказательством, пояснением происшедшего или напоминанием о том, что должно быть включено в повествование (ведь поверье — это своего рода квинтэссенция основных сюжетных событий). В нашем сборнике поверья выделены шрифтом.

Поскольку не все тексты быличек были записаны на магнитофонную пленку (часть записывалась под диктовку или даже по памяти), а потому и не совсем точно, с диалектной точки зрения, при подготовке текстов к публикации мы представили их в соответствии с нормами орфографии и пунктуации современного литературного языка, сохранив (там, где это было возможно) лишь наиболее приметные диалектные и архаические особенности: стяжение гласных в глаголах, чоканье, цоканье, **штё** вместо **что**, выпадение гласных в конце прилагательных (например, **така** вместо **такая**), **ишшо** вместо **ещё** и пр. В конце сборника приложены указатели, содержащие сведения о месте, времени записи об исполнителях, мифологических персонажах, а также словарь диалектных и малоупотребительных слов. Чтобы легче было пользоваться указателем исполнителей, к каждому тексту в конце дается отсылка на соответствующий номер в указателе, под которым проводятся сведения об информанте.

ДОВОЙ

1. В одной семье домовый жил. Сначала он безобразничал, стучал, а потом перестал, показался хозяевам: он такой маленький мужичок, на хозяина похож. Три года с ними жил. Когда переезжали, вместе с ними псехал. У него в доме своя койка была. Ел с ними. Очень сильный был: трактор одной рукой вздымал. (194)

2. Видали нехоторые. Батка-то у нас видал. Он спал. У нас подызибца была. Вдруг видит — идет по избе такой маленький, с бородкой, под венчик. Отец встал, веник поднял, а там нет никого. (17)

3. Мне померещилось одиноза. Стало смеркаться, я лежу и вижу: от порогу бежит маленький старичок, весь черный, халат и шляпа у него, как поп, а борода белая, узенькая, длинная. Тут надо отговориться: «Чур, полно! Чур, перестань!» А он уже у кровати. И тут я закричала:

— Ой, Господи Боже!

И тут ничего не стало, чистой пол сделался. (106)

4. У нас около домов огады в деревне были, а в оградах крыша была на столбах. Иду я как-то и вижу, что вместо столба человек стоит: высокий, в белом халате. Я испугалась, а потом вспомнила, что говорили, будто надо схватить его руками. Я и схватила. Смотрю — столб. Мне бабушка и сказала, что это домовый был. (197)

5. Были у меня маленькие ребятки. Когда маленькие ребята были. И вот один раз муж уехал на сплав. На сплав его мобилизовали, значит, на реке, И я осталась одна с ребятами. И вот как ночь, так мне страшилище казалось. Вот даже не описать. Длинные волосы, лицо какое-то страшное, страшное обязательно. Вот типа обезьяньего что-то такое. Похоже на обезьяну, но не обезьяна. Прямо видно, что бородой обросло, как борода. Как хочешь столкнуть-то, оттолкнуть, так вот холодное-холодное вот чего-то. Прямо уж очень холодное. Заденешь, как сталкивать-то станешь — холодное-холодное.

Но я вот до того боялась, заказала у своего мужа сестре (она в Кокорье жила) и знаю, что она меряла, я заказала ей. Вот она приехала, меня померяла. Действительно — померяла, и больше не стало ничего. (203)

⊗

6. У меня сестра здесь была. Мы сидели с ней. Мати с отцом уехали. Мы с ней играем сидим. Вдруг из подполья выбежал барашек и тут же убежал. Это соседushко-батамушко был. Давно уже было, а я все хорошо это помню. (210)

⊗

7. Однажды мне вроде как соседко, не соседко давил; а никого у меня дома не было. Легла я на печке, а под койкой чё-то вроде как кто катает чё-то. Ну, думаю, внук это. Я ему:

— Андрей!

А мне оттуда:

— Андрей, Андрей! Как тебе не Андрей?

Толстым таким голосом. Так я и выскочила из дому. Так, говорят, соседко это был. (125)

⊗

8. У одного старика две избы было, а в одной мленье. Солдаты шли по деревне, он их и пустил в этот дом. Они легли спать, а в двенадцать часов из подполья идет и голос:

— А я как выйду!

Они соскакали, а один остался: брюк не нашел. Разозлился:

— Выходи!

Да матюгом его. И не стало млеть. (170)

⊗

9. Еще бабушка у меня его видела. Раньше-то с лучиной сидели. Она лучину-ту не засетила, а как-то вот потихонечку хотела вот зайти. Раньше-то вот подвалы, голбцы зовут, голбцы. И вот двери-то были в голбец-то вот за печью. Ходили. Она легонечко наклонилась: соседчиха там зыбочку качает, говорит:

— А-а! А-а!

Синенькой огонечик горит, как свечка.

— А-а! А-а!

Та головой-то стукнула — никакого огонька, ницего не стало. (36)

⊗

10. Одна женщина уезжала на новую квартиру да не сказала:

— Домовой, домовой, поедет со мной.

А потом сон видит. Он пришел:

— Ты меня, хозяйка, оставила, а все равно я тебя нашел.

Она говорила: маленький-маленький мальчик. (136)

⊗

11. Есть соседка, есть. Вот как было-то. Раз здесь была одна дома. Слышу — ходит и говорит:

— Перешла в другую комнату, а меня не позвала.

Два раза в окошко стукнул:

— Ты мне место приготовила? (120)

⊗

12. В городских квартирах сн тоже водится. Жили где-то студенты (я вот не помню точно). К ним повадился батаман. Они и перестукивались с ним. Вот сидят они, говорят:

— Чисто денег нет. Хлеба не на что купить.

Он откуда-то свистнул и притащил денег им. (144)

13. А у меня рассказывал отец. Не отец, а дед. У меня дед жил девяносто девять лет. И вот у них жил соседко. Так он вот что рассказывал. Вот придешь лошадь поить — у лошади вся грива заплетена в косички. Прямо вот косичка за косичкой, вся грива заплетена косичкой. А раньше-то туалеты были какие? Туалетов вообще не было. В оградке где-нибудь. Вот сградча, где-нибудь одно место, куда все ходили.

— Ну и вот, — говорит, — пойдешь там в туалет. Только, — гсзрит, — штаны снимешь, присядешь, вдруг у тебя промеж ног выскочит кура. Ну, ночью какая кура?! С наступлением темноты ведь куры слепеют, они садятся на наседа.

Ну, он говорил:

— Чего только не было?! Каких только страстей не было?! (127)

14. Если он лошадку любит, он ее расчесет, размажет, не любит — все от нее заберет и гоняет по хлеву.

Дед послал маму поглядеть Савраску. Видит — она стоит вся гладкая, а на Карьку лезет-лезет кто-то. А в Назаровцах видели — катится мотылька овса — это он любимой несет. (136)

15. Если не по двору корсва или лошадь, то возьмут табак, завернут и положат в ясли: «Вот тебе, дедушка, табачку. Не обижай мою корсвушку, ласкай».

У нас в старое время было. Моя бабушка рассказывала. У нее четыре брата было. Вот отец какую лошадь ни возьмет — все не по двору. Зиму проживет — одни кости. Вот батюшка и говорит:

— Дай я лягу, проверю, есть ли соседка.

Лег и слышит — и вот ходит:

— А-а! Хороша лошадь мала и пеганька!

И вот на другой раз он взял пеганьку у цыгана. Она два месяца прожила и така хороша стала. Вот слышит — он ходит и похлопывает ее:

— А! Вот это лошадка! Вот это лошадка!

Значит, он все сено убирает у лошади, сгружает сено у лошади. И вот дядя придет во двор — сено сгружено. А он так сгрузит, что не достает. Не достает лошадь-то сено. Ну вот. А как это получилось, пеганьку лошадь-то взял — хоть когда ни придет, у лошади все сено напихано. (36)

16. Еще корову-то когда выводишь, надо рожью ее посыпать и гсворить слова, чтобы дедушка-суседушка не мучал скотинку: «Дедушка-суседушка! Каурюю пусти мою коровушку! Пой, корми, на меня не надейся. Будьте, мои слова, крепки да лепки. Аминь». Это надо говорить, чтобы суседка не плел гривы у лошадей, чтобы коровы чистые ходили.

Случай был. Один мужик все кормил лошадь да хорошо, а она все худея и худея. Мужик-от стал караулить ее. Вдруг дзерь в стойло отворилась — идет старикашка с фонарем, сел на лошадь да стал качаться. Это суседка был. Он ее мучил, потому она и худая была. (46)

17. Вот я тебе расскажу. Это жил мой дед, папин брат. У него дом хороший. И вон тот дом, где Сиволатиха живет. А деда-то и говорит:

— Давай меняться домами,

Раньше отец говорил:

— В этом доме, ребята, никому не жить.

Нам говорил:

— Не соглашайтесь!

В этом дому все люди поживут — все каки-то напасти. Сиволатиха купила этот дом и нас приглашала: корову переводила и все честь по чести. Перешла. Перву посадили кошку. И знаешь, эта кошка вся укатана была, вся шерсть, как войлок, как валенок, вся така клочьями. Она мне показала эту кошку:

— Гляди, — говорит, — Тамара, как на кошке-то все урвалось.

Только я не спросила, эта кошка пропала ли куда делась. (53)

❶

18. В новый дом приходят. Построят — надо переезжать. Первым делом кошку пропускай: дед-домовой кошку не любит, боится ее. Он ведь злой: вот его и прогнали.

Как-то раз сидим мы, а котеночек на стуле сидит. Вдруг его кто-то со стула так и сбросит! Это дед-домовой. (160)

❷

19. К одной женщине ходил домовой. Мужа она похоронила. И вот он все ходит, стучит. Ну, чего делать? Пень здоровенный ей принес сын. Он принес пень, а ей показалось сначала — голова телячья. А когда она утром вышла, вместо голсы лежит пень. Потом ей в трубу кляп дров заткнул. И вот она пошла, а ей:

— У тебя поселился домовой.

И она уехала. В этом доме никто не стал поселяться. (107)

❸

20. Как вечер, бывает, ходит наверху. Никого нет. Все стучит в переднем углу и кашляет. Год не прошло — дом сгорел. Гореть начал с переднего угла. Весь совсем сгорел.

Потом новый дом на том месте построили — опять все не по ладу: стучало все, скотина дохла, куры не неслись, молоко портилось — все плохо. (215)

❹

21. Если соседка невзлюбит, показывает: всяка мелочь пропадает — ножницы там, карты, иголки.

У нас было. У сестры сидим. Вечер. Тихонько так, ладно. Тут маятник (там старые часы с маятником были) упал. Сестра думала, потом найдет. Все перерыла — нет: соседко унес, украл. (216)

❺

22. Сплю как-то, слышу — на грудь кто-то вскочил, легко так руками как бы шупает. Смотрю — никого. Встаю, нагнулась, хотела носки подобрать — ан один только! Утром варежки понадобились, полезла в мешок, а носок-то в мешке! Баловался соседко-то. Зубы в стакан кладу я. Собралась в город — нет зубов! Очки опять же искала, искала — нету нигде. Полезла в мешок за сухарями — там очки, в мешке. Ну, вроде не совсем ишло свихнулась, чтобы туда очки положить. (116)

❻

23. Пошел я к соседу на гулянку, сел на полати. Вдруг кто-то за волосы меня хватает. Смотрю — мужичок маленький, серый, бородатый. Ну, я только закричать хотел, а он шорк за полати и нет его. (190)

❼

24. У меня мама была. У нее косу вила суседиха. Она как спит, во вре-

мя сна. Это у многих бывало. Засуслит — не можно никак расчесать. Остригать не велели: говорят, голова заболит. А потом мама остригнула (уж замужняя была). А остригнешь, говорят, она в другом месте завьет, да не по одной косе. (177)

●

25. Раньше, мала была, лягу спать, слышу — будто веретено шоркает. Я спрашиваю маму:

— Ты что там робишь?

Она говорит:

— Ничего. Спи.

А я вижу — медвежонок рехает, с печки идет. А наутро проснулась — у меня косы все завязаны, а концы-то не заплетены. Вот это тоже домовый был. (163)

○

26. Я видела во сне батамана. Жила я на квартире. Жила в комнате у хозяев. Поздно пришла раз, заснула. И вдруг вижу — дверь открывается, идет батамушка: мальчик в черных сапожках, черные штанишки пышные, красная рубашка подпоясана и прыгнул на меня. Мне и тяжело и больно. А я его схватила и отбросила. И, видимо, рукой-то махнула, по столу стукнула и проснулась. (146)

○

27. Про соседка я сама расскажу. Сын пришел из армии. И он уехал на машине в Варюховщину. Приехал ночью, часа в три (а это осенью было), ушел в клеть спать. А я легла на диван. Слышу — он бежал по подполью, топал. Слышала сама. Он на грудь лег и давит. Я кричу:

— Витька!

А у меня ничего не кричится. Никак не могу кричать. Он на меня лег — у меня нет духа. Я спрашиваю:

— К чему давишь?

А он:

— К худу, — говорит. — Я тебя как давил, дак и обоссался.

И слышала — убежал в подполье. Я пришла утром на ферму, говорю:

— Меня соседко ночью давил. Сказал, что и обоссался.

{Соб.: Так что-нибудь случилось потом?}

Дом загорелся ночью, в три часа ночи. Остались, в чем были. И сына посадили. А до этого и после не давивал. (119)

○

28. Две сестры у меня. Одна на этой кровати спит, а другая на той. Вот та, которая на этой спит, она у нас черненькая. Вот она лежит и чувствует, что кто-то мякной лапкой так прям на нее наваливается. Она слышала, что вроде есть такой соседко. Слыхала, что спросить надо: «Что ты меня давишь — к добру, к худу?» А он три раза ей сказал:

— К худу.

Он такой мяконький, ласковый. И она умерла. (133)

○

29. У нас клеть-то большая. Мать-то на печке спала, а я ушла в клеть, потому что прохладно. Вот сплю. Но еще не сплю, как будто засыпаю, слышу — двери в клеть у меня открываются и идет кто-то не в обуви, а босиком. Двое идут. Так и слышно, как шлепают ногами. Лапкой мяккой меня потрогало и шумит:

— Душить будем?

А вроде как вижу — лохматенькие, пушистенькие. Я спрашиваю:

— К добру ли, к худу?

— К худу.

Я слетела с полатей. Одна, никого нет. Бегу в избу, сама реву, не могу остановиться. (133)

○

30. Давит — это предвещанье. Сыну было у меня четырнадцать лет, в школе учился. Сына я в больницу отправила: чесотка у него была. Я на печку легла. Вдруг ко мне старик лезет. А от мамы я знала: «К худу ли, к добру?»

Я спросила, а он:

— К худу. Шестнадцать лет будет и умрет.

Два года прошло, и Шуру задавило у дома трактором. (103)

○

31. Меня суседко давил: чую, как кот, бежит и прыг мне на грудь. Я спихнула его и сама упала. А он такой теплой. А мама мне сказала:

— Симка придет, мужик мой.

Он и пришел скоро с войны. (30)

○

32. Батаман в подполье живет, не в доме. Батаман меня давил. Мальчик на меня улегся. Я ему:

— К чему ты меня давишь?

— К добру, к коневьему хвосту.

А волосы больно дерет. И муж из Слободского приехал на лошади. (136)

○

33. Перед свадьбой сестра мамы спать легла и слышит вроде голоса:

— Дело будет! Дело будет!

И как рюмки чокаются. После этого вскоре пришло письмо: «Мама, приезжай на свадьбу». (31)

○

34. Мама все рассказывала. Она видела — не видела. Нет, слыхала — прят сидел на прятке домовой. А ее кто-то научил:

— Спроси, — говорит, — к добру ли, к худу это дело.

А он прялку бросил и ушел. И вот сестра-то мамы умерла через полгода: старая уже была.

Раньше их много было. При нас-то уже мало было. Мало. Почти не было в наше-то время. А вот когда мама-то жила, в ее-то время было. Как церкви разрушили, так они и исчезли. Ночью надо смотреть было суседку. В страшные вечера казались. (218)

⊗

35. Однажды сижу я дома. Не знаю уж, почему на работу-то не пошла. Муж ушел, дома только я да сын мой Геннадко. Сынок мне говорит:

— Я пойду посплю маленько.

Ушел, лег на кровать. А я слышу, пряду и слышу — в голбе кто-то воет, вот как ребенок ревет. Пошла по дому, посмотрела: Геннадко-то спит. Кому же быть-то? А дело зимой было. Глянула я за окно: там кто не озорует ли? Нет никого. Потом подумала: ну, никак домовый ходит. Спросила:

— К добру ли, к худу?

И вот не поверите — снизу откуда как ответит:

— К худу!

Это зимой было. А летом война случилась. Мужик мой ушел, а через три месяца его убило. (22)

36. Дедушка-соседушка не к добру давит. Выглядит, как мужик. Он манит тоже.

Вот я во сне видела на Христову ночь: старичок за кровать схватился седенький. Я спросила:

— Чего, — говорю, — мне так худо пришлось жить?

А он говорит:

— А ты меня не вини. Это у тебя по судьбе так худо. (19)

37. У мужика сестра была Оля. Она рассказывала про сон. Вот как сон сбывлся. Она не с родным с отцом жила. Он был шумливый.

— Вот ложусь спать и думаю: «Как это вся жизнь надоела! Никто не поласкает. Ничего». Бежит в белых штанах небольшой человечек. Я и говорю: «Возьми меня с собой». — «Нет. Я побежал за Манькиной душой. За тобой придет судьба роковая — смерть».

В ту ночь Манька и удавилась. (176)

38. Я вот еще что слышала. Тут недалеко, в соседней деревне, человек один жил. И построил он себе новый дом. Стали они в него въезжать, а соседушко-то он и не уважил. Забыл он чего ли — не знаю, обидел, в общем, соседушку. И вот не заладилась у него жизнь в этом доме и все тут. Свежее молоко с вечера поставит — а утром оно скисло уже. Хлеб свежий вечером положит — а он наутро, как камень, такой черствый делается. А почему — неизвестно. Говорят, что это соседушка сердится на хозяев. И люди говорили, которые к нам приходили: вотходишь в дом, и нежилым пахнет, тяжело как-то. Сколь ни убирались, а по углам всегда паутина висит. Откуда она только бралась?! А потом мужик этот сам говорил, что ночью весь дом скрипит, стонет, спать-то страшно. Так и продал мужик этот свой дом, не стал в нем жить. А потом уж уехали они куда-то. Люди вот говорят, что все это из-за того, что домового не уважили, хлеб-соль ему не поднесли, он и разобиделся. (76)

39. Это был. Парень один жил. У него, видно, умерла семья. А ходили тоже на Рождество в такие же дома нежилые собираться. Он пришел домой, лег на печку. А у него не один раз так случалось. Лег на печку и тут к нему кто-то придет и лягот. Лягот возле него. Он боится, никому не говорит. И потом он рассердился, сбросил его с печи на пол. А тот закричал:

— Ну; — говорит, — таким ты мне будешь!

Ну, значит, отомщу я тебе.

— Таким ты мне будешь.

Он потом в следующий день ушел на вечер, а у него дом сгорел. Значит, это у него домовый так устроил. (166)

40. Суседко в доме есть, ходит он. Его не освещают. А у одного мужика лошадь гонял: вся в пене. Он решил подкараулить ночью. Вот он на лошадь сел, а тот фонарик навел.

— А! Ты меня осветил — и я тебя!

Через две недели дом сгорел. (103)

41. А вот жалел. Это дело уже в осенях было, не Рождеством, а в осенях было, где-то в сентябре. Вот не знашь, жали? И вот кто-то в лесу все ходит, ухает, говорит:

— Скажите батаманихе: батаман помер! Скажите батаманихе: батаман помер!

Раз до пяти эдак будто все ухал, ходил в лесу. А около лесу участок-то был большой, дак так на жатке жали, а мы вязали. Ну, мы пришли, обедать и, знашь, рассказываем эдак. И вот одна девка дома-то стала рассказывать: у них у дома-то из подполья вдруг дверь открывается и вышел лохматый человек (как привиденье какое-то сделалось!) и ревет. Ушла, говорит, из избы. Это у них несчастье было: двух коров медведь задрал в тот год и волки съели овец. Наверно, штук двадцать было стадо...

Видимо, в доме жила батаманиха с ребенком, а потом ребенок у нее, видно, еще оставался здесь. Потом снова, видимо, приходила. Уже после этого ее видеть стали. Она жила, видимо, в подполье... В человеческий рост, без одежды, лохматый такой, как обезьяна. (43)

О

42. Мужичок ехал из районного центра, а дорога в гору. Значит, он с сажень-то слез, идет, покуривает и слышит:

— Дяденька, передай окутихе — остожиха умерла.

Он шапку приподнял, чтоб лучше слышать, и опять голос:

— Дяденька, передай окутихе, что остожиха умерла.

Огляделся — никого нет вокруг. Пришел домой, сели ужинать, он жене и рассказывал:

— Мне, — говорит, — сегодня послышалось: «Дяденька, передай окутихе — остожиха умерла».

И вдруг слышит: кто-то тихо, тоненько заплакал, а потом дверью хлопнуло — кто-то ушел. Потом в деревне рассказали им. Говорят:

— У вас жила окутиха в кути, а остожиха — это у стога. (64)

КИКИМОРА

О

43. Ну, ладно. Чё будет, то будет. Это у нас получается как? Не помогут, так не пообижайтесь. Ну вот. Уселись за стол есть, значит. А ей не угодили, видимо. И вот полетели эти лапти, опорки! Полетели на стол, на пол! Чё попало летит на стол. А он, хозяин, говорит:

— Отступись! Хватит баловать!

Ну и вот. Я не знаю, чего она — отступилась — не отступилась ли от этого хозяина. А потом, значит, кончилось это, в город поехали. Все хорошо у их в дому. Поехали. В город приехали. Тамotka чё накупили, надо опять домой ехать. И вот она, видимо, не находилась еще по городу, не нашлась — нигде не могут найти хомута! Ни хомута, ни дуги, ничего нету! Чё делать?! Лошади-то есть, а хомута нету. Хомута нет, дуги нет, ничё нет. И вот она находилась по магазинам, по городу, посмотрелась, все принесла:

— Поезжай домой!

(Соб.: А кикимора всю жизнь в доме живет?) Дак ведь это опять какой-то приговор есть — выводят из дому. Я не знаю, какой уж приговор, не слы-

хала. А вот как ее стали выводить, как она заревела. И так это страшно просто! (211)

44. В деревне бабушка рассказывала. Один строился. Очень был нервный. Раньше говорили — ярый. Ну и вот. А чего-то не угодил строителям. Они посадили кикимору ему. Кикиморой называли. И вот эта кикимора, как садятся есть (лапти носили, лапти, валенки, онучи) — и все это бросает на стол. Все летит. Как только садятся, и говорят:

— Кикимора, садись!

И ничего не безобразничает. А потом жена-то ушла с детьми в баню. А пришел из бани-то, она бросила лаптем в него. Он сбегал в ограду, схватил топор и с топором машет во все стороны.

— Я тебя, — матерится, — убью! Сейчас, кикимора, я тебя зарублю! Давай уходи!

Гонял-гонял ее и выгнал эту кикимору. И назавтра её приснился сон: — Как живешь с таким мужиком?! Чуть мне голову не отрубил!

[Соб.: А какая она из себя?] А на кого заветы: если на женщину — женщина, а мужчина — дак мужчиной будет ходить. (208)

45. Вот когда сядут есть за стол — и вдруг валенки, лапти, сапоги — все летит на стол с печки. Сушить вот кладут обувь. Летит все на стол. Иной раз даже в суп прилетит, в чашку. А вот никто не видел и не знает. Все, говорят, в доме кикимора... Никто не видал. Никто не знат. Филипп Максимович только ярый мужик, его, видно, не любила ли чё. Вот он сядет есть, в первую очередь он больно над дитями издевался, никогда за стол не садил вместе есть ребят. Вот поест, чё останется на столе, тем и кормил ребят-то (как бы огрызками). И вот кикимора его, видно, не любила, этого хозяина. Он только садится — и раз! — по башке то сапог, то валенок к ему подлетит. Вот он заматывается: опять лешего поднял! Кикимору ругает. Проклинал, ругает. Ребята тут сидят. Потом ребят проклинал. Дак ведь так ни одного ребенка у них в живых не осталось. Всех проклинал. Одну переломило в лесу дочерь, двух в войну убило сыновей. (143)

46. Свекровка-то рассказывала. Они у Михевны жили. Пришла кикимора приколдована к одному мужику. Мужик в избе, она-то под окошко. (Соб.: А где она живет, кикимора?) В воде <...> Молодая, волосы длинные. Отец-то заиграл в гармонь, а она и заплакала. Ее-то не видко, но слышно, что пляшет. Подали вино, и вино она выпила. Спрашивают:

— Ты отколь приехала?

— Меня Палашка привезла на хвосту у лошади.

Так мужика-то этого вот как ломало: он приколдован к ей. (118)

47. Кикимора какая-то. Это все я от старых. Чего они имели в виду? В праздники старинные они все спали на полатах: кроватей не было. А раньше же на прялке пряли куделю, шерсть вон пряли. И так эта пряха у них стояла с вечера. И она рассказывает:

— Вдруг слышу ночью — прядет кто-то у меня на прялке. Так и шумит. Я так струсила! Хочу Илью своего позвать, а он на печке. А между печью и лесенкой голбец и полати. Он на печке, а я на полатах. Думаю: позвать Илью или нет? Ой, не буду звать лучше. Лучше утром расскажу. Забоялась просто рассказать ему. А сама так ясно слышу — на прялке прядет. А слов не слышу. — Утром, — говорит, — встала, первым делом иду проверять, чего это такое. Посмотрела — метра полтора накручено: где-то тонко, где-то

толсто. И подумала — да! Тогда и сказала домашним. Рассказала домашним и думаю: надо как-то отговориться.

Вот, видимо, тогда находили женщины и отговаривали. (140)

БА Н Н И К

О

48. В бане сидел ране банник. Ночью нельзя в бане мыться одному и ходить туда. Одна баба и пошла.

— Я, — говорит, — ничего не боюсь.

Стала мыться, а ее кто-то поглаживает. Она испугалась.

— Кто же это? Я баню заперла.

Обернулась, а перед ей мужичок маленькой, страшной, весь волосатой. Она и закричит. И голая, как есть, — домой.

— Ты штё?

— А в бане мужик.

— А то не мужик, то банник, — бабушка ей сказала. (42)

⊕

49. В бане девки гадали в двенадцать часов ночи. Накрылись скатеркой, а кто-то по головам бух-бух! Они вскочили, убежали, одна опоздала. Смотрит — а на полке старичок сидит:

— Зачем меня разбудили?

И грозитя. Она закричала и убежала. Старушки говорили — это банник был. Нельзя в бане гадать без разрешения. Надо спросить: «Дедушка-банничок, можно у ты погадать!» Он знак даст. (11)

⊕

50. Свекровка баню топила.

— Пойду, — говорит, — заночую. Тепло там.

Пошла. Только села, оглядывается, а на полке такой лохматый-лохматый сидит. Замахнулся. Она и убежала обратно в избу. Банника потревожила. Перед причиной, перед похоронкой, ей и было это видение. (32)

⊕

51. Мужик у нас был смешной такой, интересный. Он сидел, а ему вроде показалось, что кто-то ему крикнул:

— Пошли в баню!

Вроде позвал. Он пошел. Слышит — в бане кряхтят, прячутся, вениками хлещутся — и не один человек. Мужик подумал:

— Это что-то не чередом.

Сел при бане. Ему страшно показалось: там же не на один веник хлещутся!

Стал домой идти, а тут мне баба навстречу — пошла в баню. Она двери открыла — а там никого! Помылась хорошо. (67)

О

52. Вот один мужик рассказывал, как он в одной избе на постое оставал-

ся. Хозяйка баньку истопила, вся семья ее помылась, и она потом говорит этому мужику:

— Иди мойся, а то баня уж остывает, прохладно стало.

А он ей и говорит:

— Так я пойду, поддам жару.

Пришел в баню, донага разделся, плеснул воды на каменку, а ему голос говорит:

— Давай жарчая — обдирать будет ловчая.

Ой, как мужик тот побежал из бани, а то не успел бы: нечистая сила его и уморила. (16)

53. Где, когда, но кто-то рассказывал мне, помню. Вот что случилось. Одна женщина пошла в баню, взяла квасу и говорит:

— Ой, хоть в последний раз напиться.

Никто из домашних внимания не обратил. Она ушла в баню, одна ушла. Моется, моется долго. И закрылась в бане-то, не пускает никого. В окошечко посмотрят — видят, что она моется. А потом:

— Что так долго? Почему так долго моется?

Давай ломать двери. Двери сломали, и когда зашли в баню мужчины, то мясо женщины лежало в каменке, а кожа на каменке. (228)

54. Вот оставили роженицу одну в бане. Подождали, подождали. Думали, она придет. Пришли в баню, а она уж неживая лежит в каменке. Кто-то ее туда запихал. Видно, нечистый дух. Она же роженица: у нее молитвы не было взято.

По уставу, по закону, роженица через шесть недель должна пойти к попу и получить от него молитву. Он над ней должен прочитать. А если она молитву не получит, она дальше порогу не имеет права ходить в церкву. (188)

55. Был такой случай. Одному очень хотелось научиться на гармошке играть. А чтобы научиться играть, надо в рождественскую ночь в баню идти. Он взял гармошку и пошел. И чудится ему, что кто-то учит его играть. Когда научился, спрашивает:

— А чем мне заплатить?

Ему говорят:

— Я встану на четвереньки, а ты меня в зад пни, только посильней.

Он размахнулся, пнул со всей силы и попал в каменку. У него нога заболела, а потом ему ногу отпилили, и он стал на всех вечерах только музыкантить. (84)

РУСАЛКА

56. У нас, говорят, возле реки Лузы есть Черная яма. На ней рыбу бородили. И все говорили, что нечистая сила там живет. Придет кто, бывало, ночью в двенадцать часов, так и видит ее — сидит такая вроде как женщина. Сидит и черным гребнем черные волосы расчесывает. А тут один мужик был.

— Пошли, — говорит, — рыбу бородить в этой яме.

Ну, пошли мужики наши, выбрали щуку — во! Сроду такой не видывали! Разрезали ее. Думают:

— Не будем больше бородить.

А уж ночь была, двенадцать часов. Один мужик трусливый. Говорит: плохо, мол, что мы ее в двенадцать часов вытащили. Ну, и они пошли домой, не чистят, сидят, ждут. И вроде как им страшно всем стало. Они за рыбиной наблюдают, сами говорят: ничего, мол, все хорошо будет. Вдруг окошко распаивается! Смотрят — стоит женщина высокая. В избу:

— Давай, — говорит, — мое дитя!

И на щуку им указывает. Тут погода поднялась. Они ей рыбину в окошко бросили, она взяла — и не стало ее. Вот как! Не щука это была, а ейный ребенок. Потом, говорят, она оттуда переселилась на другое болото. (24)

57. Отец мамы говорил. Жили они не больно близко, где-то у реки, недалеко от реки-то. Телушку потеряли.

— Идет, — говорит, — утром рано дед, и сидит чертовка, — говорит, — гребень так восияет. Да. А волосы, — говорит, — у нее, до чего длинны волосы! — говорит. — Дак и конца я не видел. Я, — говорит, — подхожу, она и говорит: «Как ты не вовремя подошел. Хоть бы скашлял». Дескать, надо было скашлять. И сама, — говорит, — только я ее и видел, бухнула в воду, — говорит.

Вот было ведь раньше, всяко было. Это ведь сказки есть про чертей. Это ведь было и на самом-то деле, было ведь. Да и казалось ведь. И млило раньше. (105)

58. Ну а русалка. Шел мальчик домой. Идет домой, тихонечко идет, замечтался. Видит — русалка на берегу сидит, голову чешет. Ну, как был гребень золотой. Подошел ближе, а она ему и говорит:

— Ты хоть бы скашлял!

И в воду бухнулася. И больше ее не видел. (112)

59. Сережа наш пошел к реке. Человек сидит на берегу — водяница чешет голову. Железна гребенка така. Увидела — сразу в воду, а гребенку оставила на берегу. Она вся в моху, нагая, волоса-то длинные, черные. (88)

60. Русалки живут. У нас на мельнице жила. Девушка была. Волосы длинные и хвост. На водяном колесе сидела. (216)

61. Русалок видели на реке на Вятке.

Мужика в армию призвали, а он был на сенокосе. Дак молодушка бежа-

ла за ним позвать. И видит — на берегу сидит русалка, волосы длинные чешет. Она потом рассказывала:

— Как заслушала меня, бульк в воду.

Показывается русалка не к хорошему, к болезни.

Пришла она на покос, позвала мужа, поехали они с покоса, стали вниз спускаться к реке. Она рассказала ему, что видела. Ну, сели они в лодку и поплыли. И потонули оба, а ребеночек маленький остался. Она, девочка-то, выплыла: не роковая была. А Вася-то сильный мужик был, хорошо плавал, все равно потонул. (215)

62. Когда люди шли на покос, то они увидели на реке девушку с длинными волосами. Парень решил пойти купаться. Его отговаривали, а он никого не слушал, пошел. Его долго не было. Когда пошли его искать, то нашли на берегу одежду, часы, а его нет. Старики говорили, что русалка утащила. (194)

ЛЕШИЙ

63. У нас в родне было. У бабушки сестра была отдана в лес, в починки. Муж был обыкновенный человек, овины сушил. И сушили все до полночи эти овины. Идет домой, и поет этот бес по лесу. Песня-то — «Шел по Питерской, Московской» (эту песню я слышала в радио). Пришел, жене рассказывает:

— Ой, нечистый в лесу поет песни, гремит. Так ведь и раздается.

Дожили до Рождества они, а мужики стали в карты играть Рождеством на вечерках. Девки пляшут, а они в карты играют. И он стал ходить в карты играть. Красная рубаха на нем. А они все лешего вспоминают, матерятся. А он не сказывается, хохочет: ему это на руку. Ладно. Он, значит, ходил все Рождество, играл в карты с имя. Раньше две недели было Рождество, так он все ходил на вечерки. Этот мужик, что овины сушил, взял топор и пошел в лес после Рождества. Идет по дороге, и вдруг этот мужик ему навстречу (который в карты играл). Рубаха на нем красна.

— Здорово, дружище!

Поздоровался с ним. Он дорогу-то перешел ему, в лес зашел этот нечистый. А этот мужик остановился, поглядел ему вслед: так он выше лесу стал, этот дружище. Как начал он вершины ломать, только все трещит и верещит. Мужик-то сам понял, кто с им ходил в карты играть. Пришел, сказал:

— Вот кто ходил к нам: бес-от!

Тогда и узнали. Это все я помню. Это бабушка рассказывала мне. (187)

64. Я один раз высмотрела сама. Коров гоняли далеко туда, за шохру. Парни шли, лешакались, свистели, смеялись. Вдруг видим — едет кто-то: лошадка маленькая, серая, а сам высокий, длинный, ноги по земле. Уж это

я сама видела. И ведь вперед шла — воды на дороге не было, обратно идем — вот сколько воды! Там у нас Евангелие было. Стали читать — и куда он делся. И поехал, дак куды сколь громко свистит! И как мы все испугались! И парни испугались. А старики потом говорили:

— Дак пошли за делом — не лешакайтесь! (83)

○

65. Раньше млило у речки Стоицы. Один мой товарищ вечером, часов в одиннадцать (мы работали вместе), он напился, да не больно. Хотел домой идти.

— Не ходи: у речки млит.

— Ой, никого я не боюсь.

Пошел. Стоицу прошел, слышит — едут. Сани скрипят (а было это после Рождества или до, не помню уж). Дождал, дождал — никого нет. Сел покурить.

— Слышу — собачка лает. Подождал, подождал — никого нет. Пошел домой.

Видит — к ему идет большой, с елку высокий.

— Ой, чертило какой-то!

Он сказал:

— Ой, Господи!

Он повернулся и сухал:

— А-а! Догадался!

А он говорит:

— У меня волосы содрало с головы <...>. Недаром его называют «дядя лесной». (118)

○

66. Опять у нас зять пошел сено воровать (а колхозный стог!). Так ему тоже прикарзилось. Натеребил он, санки привез. Он ему и показался. Брат пошел с сеном. А он высокий и с носилкой стоит. Брат ему меж ног прошел. (149)

○

67. Мы работали за починком: дрова пилили вдвоем с женщиной. А осины такие толстые! Мы так устали. Мы вечером пошли домой и сказали: «Ну его к черту, это место! Больше не пойдем сюды». Потом нас послали сушняк пилить. Мы все спилили, сделали. А дров-то надо еще. Не хватило для маслозавода. И нас послали в Рождество на это место. Пришли мы утром. Солнце. Нигде не шелохнется. Первую березу стали пилить — заподувало. А на небе чисто, нигде ничего нет. Вторую — започкачивало, будто витиком зашлепало, будто кто едет. А там и дороги нет! А третью стали пилить — осины шатают к земле. Я говорю:

— Тая, давай молитвы читать.

Я начала:

— Верую во единого Бога Иисуса Христа, сына Божия...

Все это знали и:

— Чур, полно! Чур, перестань!

Засвистело, зашумело, Господи, помилуй! И после молитвы успокоилось все. Никакого шума, ни ветру, ни поскрипывания. (177)

○

68. У нас дедко лешего знал. Он в ограду приходил.

— Вышел, — говорит. — Два огня вижу, — говорит, — как трубку кто-то курит. Он, — говорит, — у него на ногах не валенки, а копыта конские.

Мы молодые были, боялись. У дедки специально были отговорки. Он про себя говорил, не слышно. (206)

69. У Борихинцев за грибам ходили. Далёко было. Находимся, собираем. И вот у Борихинцев дойдем до места одного — там все хлебом пахло, как ни дойдем. Что за дела? Лесу кругом на много верст, человека не встретишь, а тут хлебом пахнет и таким свежим, только спеченным, как с печи только. Это в том месте, говорили, лешой хлебушко пек. (200)

70. А вот мама у меня видела собак дедушки лесного. Сторожила склад она. А есть нечистые места такие. А недалеко от склада лог был: Лобанник назывался. Огонек там всегда горел, береза вдруг розовая делается, как кто опалил ее. А мама видела этих собак: большие, пестрые, как телятки. (147)

71. У нас на погосте-то раньше кабака был. Дака шел мужик пьяный, сам на себя дорогой забрался. Ему навстречу мужик шел, говорит:

— Пошли доведи.

Все вел по дорожкам. Говорит ему:

— Иди за мной,

А мужик-то думает:

— Куда он ведет?

Помолился (одну всего молитву знал, ту и прочитал), перекрестился, тот и закричал:

— А-а! Догадался!

Сразу вскочил на вершины, на елки и пошел. А у самого глаза такие черные, рога большие. Километров за пять завел. Мужик-то еле вышел. (23)

72. А вот еще. Лесной человек мужика водил. Пошел тот за грибами да и заблудился. Ходил все буреломом. Ходил неделю без воды, без еды. Наконец, понял, что леший его водит, взял две палочки, сделал из них крест и пошел. Вдруг слышит за спиной как человек засмеялся и говорит:

— Догадался все-таки крест сделать. Ну, теперь я тебя отпускаю.

Тот и вышел. Ведь лесной, он любит людей сбивать: идешь по правильному пути, а он тебя в сторону уведет. А этот случай был во время войны. (196)

73. Мне мама рассказывала. Давно было. Она ездила на мельницу. Обратно домой поехала, ей говорят:

— Не едь, Александра, ночью: может тебя поманить.

А она:

— Я не боюсь ничего.

И рассказывает:

— Еду, еду. Темно уж. Вижу — кто-то на белой лошади, а моя не идет, остановилась. Посмотрела вокруг: ущелье, раньше здесь не бывала. Тогда я передела хомут другой стороной, перевернула его. Слышу: кто-то в ладоши хлопнул громко так. Говорит: «Ага! Догадалась!» Неизвестно кто, голос какой-то. А я-то выбралась и дорогу потом нашла. (9)

74. А вот мать рассказывала. Раньше они, вишь, коров выпускали без пастухов в лес. У каждого хозяина был свой колоколец на коровах. Ну и вот, Они собирались, эти девчонки, в лес. Пришло время за коровами. Попадает

женщина знакомая из другой деревни. Она как бы шла, но это леший-от и есть. Вот она и говорит:

— Вот ваши коровы. И колоколец слышно. Пойдемте за мной.

А она идет вперед, и вот сзади девчонки. Они молитвы знали. И одна и говорит, что это нас леший ведет. И она зачала молитву читать, эта девка — и она остановилась (это как бы леший остановился). И захлопал в руках:

— А! — говорит. — Поняли!

Ну вот. Ветер подул — и его не стало. И они оказались в такой чаще, что и еле вышли. Ничего не стало. Это у нас с матерью было. (98)

○

75. Один раз девочку унесло аж к Пинюгу. Далеко это. Она потом рассказывала, что через лог она не шла, а летела. Два дня ее искали в Серкине у нас. А как дело было.

Пошла она с девками в лес. Одни шли впереди, а другие сзади. А она как сквозь землю провалилась. Лешак-то ее и подхватил. Отец девочки в лес ходил, плакал, приговаривал:

— Лешак, отдай мою девочку! Она не твоя, а моя.

А когда девочку-то эту в деревне нашей искали (я тогда же ходила), один человек ругнулся, да тут ветер такой сильный сразу поднялся! Нашли ее потом аж в Пинюге. И никто не знает, почему ее лешак потащил. Отец потом в лес ходил, на камень встал да говорил:

— Спасибо тебе, лешак, что отдал девочку. (7)

○

76. Мужики рассказывали. На охоту они ходили. Идут. Должны были на линию выйти (узкоколейка), не вышли. Сели, покурили, окурки в пень воткнули. Ходили, ходили, устали. Сели, покурили. Хотят опять окурки в пень воткнуть. Смотрят — а в нем уже их окурки. Поняли: это тот же пень. Один говорит:

— Это нас леший по кругу водит. Выворачивайте фуфайки.

Мужики посмеялись, но вывернули. И сто метров не прошли — линия. Потом над ними все смеялись. (195)

○

77. Мне мать рассказывала. У ней отец с лешим знался, у него в гостях пировал. Место одно было у д. Боронят. Это место нехорошее было: там млилось, мнилось. Вот отец в лес за грибам ходил. Уже к вечеру подходит время, а он так себе, немного набрал. И все хороший гриб не идет. Ну, он и выругался. А в это время он как раз на то место, где млится, пришел. Ну, выругался и глядит — как-то так сделалось, ну, не так как-то. Люди какие-то кругом пляшут, поют. Пир идет, все угощаются. И его угостили за руки. Тоже угощают, поют. Затащили в пляску и все руками показывают так. И ухают! Вроде говорят, а слов не разобрать. Он оттуда еле выбрался: молитвы знал. Но потом какой-то не такой стал: ведь он у лешего на пиру был. Ему людьми показалось. (201)

○

78. Отец рассказывал. Ещё у него такой случай был. Лошадей лесной уводил, да кажется, не одну. Они их искали всем поселком по тоненькому снежку. И потом они к Николаю (исаковскому) ездили. Привезли его, он в воду смотрел. Он ушел один в лес недалеко от дороги.

— Я пойду, — говорит.

Он пришел, говорит:

— Ходят лошади кругом, как на молотилке, все у них утопано, как будто их кто-то водит.

Он, лесной, их и водил. Вывели их, он их не велел запрягать в тот день. Этих-то мало людей, которые откликались. (151)

79. В войну было, году в сорок втором. Тогда женщины все больше работали и ребят брали с собой. А один мальчик не хотел идти. Говорит:

— Не буду я тебя слушать.

Мать осерчала и как закричит:

— Понеси тебя леший за башку!

Леший и унес. Пятеро суток не было его. Отец говорит:

— Если я не найду Вовку, тебя застрелю.

На Петруньки поехали гадать к одному колдуну. Тот в воду посмотрел, говорил:

— Он недалеко от вас, но найдете не вы.

А колдун этот был Николай Слепой и жил в д. Монастыре за три речки. И точно: через день в д. Деревенцево Маруся боронила и увидела его под бережком. Сидит, ягоды щиплет. Бросились ловить — никто не мог поймать. Отец тогда опять к колдуну пошел, тот ему и говорит:

— Давай убирайся на улицу, чтоб я тебя не видел и ты меня не слышал. Будет парень.

Через два-три часа привел его всего распухшего, и сказал, что Вовка вечером никуда больше не пойдет и будет спать только на печке за трубой. Пока мальчика домой взяли, он все дрожал. И каждый день, как найдет час, когда его леший утащил, он начинал смеяться и смеялся по целому часу.

Как-то его бабка в Ильин день пошла с ним в гости. Как до Лукашин дошли, ветер зашумел, березы, елки до земли гнутся. Бабка молится и мальчика из рук не выпускала. Их так и перебросило. А по лесу как ураган пошел. Когда домой пришли, спать легли, а бабка и видит сон, будто она молитвы читает. Чуть отчитала, ей голос:

— Не в свои сани села, скоро вывалишься.

И точно: скоро она уже не могла Вовку опекать.

А я как-то тоже пошла с Вовкой к колодцу (у нас колодец был особенный: в нем вода всегда чистая и температура всегда пять градусов). Стали к колодцу спускаться, надо через ельник пройти, а Вовка не идет:

— Мне, — говорит, — дедушка не велел в лес ходить.

А когда он идет, то всегда за руку берет. Я тогда стала его спрашивать, а он говорит:

— Я лежал, всех видел, а меня нет.

Я спрашиваю:

— А ел-то что?

— Я так питался, — говорит, — как вы в Христову Пасху не питаетесь, но дедушка не велел ничего рассказывать.

Скоро он в школу пошел. Учительница знала, что его леший-то носил, и ребята тоже. Вот на уроке он сидит, а тут придет час, он и начинает хохотать и так целый час. Так пошло до четвертого класса. Потом перестал, пошел в армию, женился. Теперь хорошо живет. (206)

80. Раньше Настасья рассказывала. Шли в баню какие-то люди. Бабушка гладила лопоть и сказала своему внуку:

— Иди в баню!

И отдала ему белье. Он сказал:

— Не надо мне это белье. Это, бабушка, твоя рубаха, это твои штаны.

— Иди, иди. Другого не дам!

Он сказал:

— Никак не пойду!

Она тут и сказала:

— Понеси тебя леший! Уж и баня выстудилась!

Он пошел в баню. Вдруг его около бани дедушка седой встретил, взял за руку и повел с собой. Прошли они девять пряслов огорода, он с него снял крест с говтаном и повесил его на девятом прясле и увел. Его нет и нет. Потерялся ребенок.

Прошло две недели или сколь. Пошли в церковь, молебен отслужили. Шли через село, вдруг голос раздался. И мальчик-то тот отвечает (а его образа нет):

— Сулите молебен на Афонь-святую гору, тогда меня, может, отпустят.

Они сходили, молебен в церковь посулили, и через две недели он оказался дома на охлупне, на князьке сидит. Его принес леший. Увидели родители, перекрестились, домой принесли, спрашивают:

— Чем ты питался?

— Ой, дедушка всего нанесет, лучше домашнего я там питался.

Это бабушка Настасья нам все рассказывала. (184)

81. Был у нас случай. У нас мальчик учился в классе во втором или в третьем. Мати-то его в избе пол скребла. Она ему все говорила:

— Не бегай! Дай поскрести!

А он все бегал. Она его веником огрела да:

— Понеси тебя леший, дьявол! — сказала.

Вечер, а ребенка нет и нет. Его взялись искать. Искали. Неделью не было. Так вот ходили в церковь, отслужили молебен — ребеночек-то оказался на крыше дома: сидит за козухом, держится двумя руками.

— Коля, где ты был?

— Дак дедко какой-то все меня таскал под пазухой. Через рску тащил — у меня ноги смокли.

Грешно, значит, матерям ругать ребенков. (188)

82. Говорят. Сказка ли? Парня дома поругали. Он пошел за лошадью, ему старичок попал:

— Пошли со мной.

И водил его, водил. Его стали искать. В церкви помолебствовали — ему водить-то больше нельзя. А они с лешим шли все по елкам твердо так, как по полу. А потом парень видит — колышек. Леший говорит ему:

— Держись за колышек, хватайся!

Спрашивали потом:

— А чем он тебя кормил?

— А пряниками. Вон у меня в кармане ещё пряник.

А это конское г... Дедушкой он кажется. Вот все водил, водил. (39)

83. У нас в деревне было это. Я ещё девчонкой была. За два километра от деревни женщина жила. Ушла с дочкой в баню, а там холодной воды не хватило. Мать говорит:

— Сбегай по воду.

А ей не захотелось, так мать и скажи:

— Понеси тебя лешой!

И пропала девочка. Искали её две недели. Видели её вроде по-закрайну. Покажется по-закрайне и опять исчезнет. И ходили в церковь. Молебен она сулила. И спим ночью. Вдруг как зашумело, вроде как на тракторе, ворота —

бум! — открылись, вся изба и задрожала. Вышла и видит — она лежит на подворотнице, девочка: голова тут, во дворе, а ноги за оградой. И ничего ей не сделалось.

Говорят, не з хорошую минуту такую сказать можно — и скотину, и человека вот может унести. (125)

❸

84. Мама рассказывала. Её ровесник, мальчик лет восьми, мешался у бабушки под ногами. Она возьми и скажи:

— Лешак тебя понеси!

И он исчез: вышел из дома и не вернулся. Искали целый месяц. Нашли в лесу — сидит на пне, кругом болото. Пытались достать, но не могли. Со-служили молебен — и добрались до него. Сидел на пне, а вокруг него помет разный: лошадиный, коровий, овечий. Рассказывал, что его дедушка унес, посадил на пень и кормил каждый день пряниками да конфетами. Это ему помет казался конфетами. После этого мальчик стал заикаться. Когда вырос, женился. Семья у него была большая. Все хорошо было, только он лошадей менял часто. Уедет куда-то километра за два, а возвращается на новой лошади. Часто было, что ехал на лошади, а она останавливалась. Тогда он с неё дугу снимал, выворачивал и ехали дальше. А ещё он очень сильный был: мог лошадей поднимать. Или к избе подойдет да поднимает за угол. Его все очень уважали и боялись. (213)

❹

85. Свекровь покойная все рассказывала. Мать сына прокляла, все его ругала:

— Да унеси тебя!

И носило его полтора месяца. Потом хватились, все стали ей говорить:

— Вот ты его ругала, дак его носит теперь.

Стала она Богу молиться, в церковь ходить. И его принес и посадил на крышу. Увидели его, сняли. Он сначала как ненормальный. Потом спрашивали, он говорил, что носил его дядя какой-то: ему хоть какая река — по колено, лес сколь ни высок — он головой не заденет. Он его кормил, кто его знает чем. А вернулся, видно, что кормил. Он говорил ещё, что на свадьбах кормились: придут и сядут, только их не видит никто за столом. (128)

❺

86. Девочку-то теряли. В баню пошли с мамкой. Мать-то вымыла девке спину:

— На, — говорит, — мне помой.

А та не стала. А мать-то и вылешакалась. Девка-то и не пришла домой из бани. На четвертый день нашли. Знаешь ли окошечко под крышей? Вон смотри-ка. Вот в нем торчит-то. Три старичка молились за нее Богу-то. Разгарили её, в больницу повезли. Она как окаменела вся. Нсс её, говорит, над огнем:

— Брошу.

А она держалась рукой-то. Потом над водой:

— Брошу.

Потом над лесом:

— Брошу.

А потом под крышу-то и воткнул. Вот у ней та рука-то и онемела, какой держалась-то. Вот это было-то в 1937 году, а ты говоришь. Это не то что в старинные, давнишние годы. (78)

❻

87. У нас бабушку прокляли. Дедушка знался с лешим, разговаривал. Это было в д. Липовой. Трое суток её не было. Он ушел и сказал:

— Ничего между собой не говорите, а то без руки-ноги приведу.

А они не дождалась — начали. Он пришел без руки. Она говорит:

— Я всех вас видела, а он меня не отпущал. Я питалась — во Христову Пасху так только кормят. (206)

88. Нельзя лешааться. Лучше матючки сказать, а то унесет.

Один мужик поехал за бревнами-то. Набрал, а лошадь не идет. Он и слешакался, повернулся — а лошади нет. Ох, ох, штё это?! Он упряжь собрал и пошел. В деревню приходит, а наутро — искать. Вот мужики и нашли лошадь через день меж двух берез. Это кто же её туда затянул? Леший и есть лешак. Не слешакайся мужик, ничего бы и не было. (33)

89. У нас корова потерялась: мы её не благословясь погнали. Ещё излешакаешься иногда, так она потеряется. Мы всей деревней весь лес пробежали, так нашли на третий-четвертый день в такой гущаре: никак ей самое не зайти туда — кто-то бросил. (128)

90. У нас мама чего-то с отцом разругалась. Масла много было у них приготовлено, а надо было его прибрать. Отец говорит:

— Надо сейчас сделать.

А мать не хотела вечером. Говорит:

— Давай до утра оставим.

Вот поругались они, а мама говорит:

— Понеси тебя леший с маслом!

А наутро встали — нет масла. Все заперто было, а масла нет. Это леший его и унес. Он ведь и дом поднять может. Вот, наверное, ночью и унес. А ведь как долго мы это масло копили! (207)

91. Один раз тоже было. Копали яму на угоре: там овощи ссыпать надо было. Ну и поссорились:

— Понеси тебя леший с этой ямой. Не будем туда валить в этом году.

Вот он и понес! Пришли на другой год, а ямы-то этой нет. Искали, искали, не могли найти. Так и пропала. (207)

92. Вот ещё один случай был такой. В первый год войны было, весной. У меня дядя вез его раз, лешего. Он ехал от своего шурина из гостей на санках на лошади. Был под мухой немного, выпивши был Матвей Александрович. Подъезжает к ложкам. А между оврагами приблизительно один километр расстояние. Один ложок проехал, видит — идет наш сосед — копия Иван Нилович и голос его. Ну, он пригласил его:

— Садись!

Тот ему сел в зад саней. Начали как вроде отпихиваться — лошадь-то его не тянет, не пошла, полоз скрипит. Дядя хотел с ним говорить, да неохотно он отвечал на его вопросы. И дядя-то тут говорит:

— Я в деревню заеду к знакомому.

А он говорит:

— Нет, не заедешь.

Тот спорит.

— Заеду. Как же не заехать? Заеду обязательно.

А сам лошадь понуживает кнутом. А та не тянет, шагом идет, не бежит. Ну, и он когда подъехал ко второму ложку, лошадь изо всех сил вдруг бросилась бежать, сколько мочи было у нее. И не стало в санях этого мужика, только ветер да снег поднялся, как буран, как вихрь. В которую де-

ревню хотел заехать, только огоньки увидел, промелькнули. Тогда он понял, что вез он хозяина леса, лешего.

Недели через две он полностью сгорел — и дом, и все-всё. Не повезло этой семье после этого случая. У самого в молотилке правую руку оторвало. Вся семья нарушилась после этого: его сыновей года через три-четыре убило. (150)

93. Шли из гостей, и нам тоже вот лесной на лошадь-от сел. И вот лошадь-то не пошла. Понужали-понужали — и вот никак сдвинуть не может. Вся она в пене и не может с места. Прыгат-прыгат — и никак не может с места сойти. И вот ещё при отце. У меня отец-то был. Вот он:

— Слезь с саней-то.

И сам с себя снял. Зимой ехали, дак на санях. С себя снял, выворотил шубу, потом рубашку на себе на леву сторону выворотил и три пуговицы у рубахи-то оторвал.

— На тебе, — говорит, — если нужны пуговицы.

— Зачем?

Ничего он тоже не знал, а вот это слышал, тоже ведь верно. И у лошади-то взял оброть поворотил, на леву сторону надел, потом хомут перепряг (к деревьям) и седельницу на другой бок заседлал. Также три предмета сделал неправильно, не эдак. И лошадь дернула и пошла легонько. Вот это уж вот на моих глазах было. Вот это уж я помню. (142)

94. А я вот. Только не сама я, конечно, а это у меня, значит, мой отец. Раньше-то вот возили куда-то в Климовку, руды возили. И вот, значит, один раз едил туда. Ну и вот когда уже из Климовки ехал домой, домой вот отработался и домой ехал. И вот тоже из лесу как бы идти, говорит:

— Вдруг лошадь никак не едет. Никак! Потрясется-потрясется — никак не может с места! Вся, — говорит, — вся извымучилась, — говорит. — Дорога хорошая. Где бы чего бы — ничего нет! Они только в санях.

И вот еле-еле-еле она довезла их. Довезла она его, и значит, как видимо, вылезти-то, не до самого дома, а до какого-то места они доехали:

— И, — говорит, — так сунулась лошадь! Так быстро сунулась лошадь и, — говорит, — пошла, пошла, пошла! Ничего, — говорит, — не могу понять. А уж потом, как приехал, стал говорить, дак ему сказали, что:

— Это у тебя леший ехал. (200)

95. Задержался один мужик в гостях. Ему и говорят.

— Ты не езди: ночь уж. Завтра поедешь.

— Нет, поеду.

— Ну, смотри, у нас страшноё бывает.

— Как-нибудь. Ладно.

Вот поехал на телеге. Поле ехал — ницё, а в лес заехал — ёму мерещится, будто человек с им рядом идет: то ростом с ель, то как травиночка. Он вздумал:

— Штё такое?

Остановился, оглянулся — нет никого. Сел, а лошадь не идет. Ну, он измучился шибко. А она не идет. Пока налево не передел все, не пошла: леший спортил. (41)

96. Один старичок больно толсто знал: знахарём был. Едет на мельницу с друзьями. Вдруг лошадь стала: не везет воз и все тут. Они погонять ста-

ли — дуга выскочила. Тогда старичок сел на воз, закурил трубку и рядом огонек тоже стал виден. Старичок сидит и разговаривает с кем-то, просит, чтобы тот воз отпустил. Это он с лешим разговаривал. Друзья лешака не видят, а он видит. Ну, тут лошадь с места тронулась, они и поехали. (191)

○

97. Егор-от, хозяин у меня.

— Шли, — говорит, — по улице с парнями. Идем, — говорит, — с парнями по улице. А телеги-то раньше хлебные помнишь ли? И эта стояла, видно, ему на дороге, лешему, и как, — говорит, — пнул — и телега на мосту. Мы с моста телегу-то табуном стащили. А он пнул — и она на мосту. Это точно я знаю, всех людей помню: Алешку, Аринку, всех помню. (90)

○

98. Говорят, что как идешь в лес, на крестах нельзя жесть костер, а то леший покарает, если будешь класть костер. Он, леший-то, вроде как хозяин леса. Вот он и не любит, чтоб его послушались.

А у нас тут был один случай. Охотник рассказывал. Пошел он в лес да костер на крестах разжег. Да так и уснул. А тут как поднялся ветер, аж лес гудит! Да понес охотника. Он еле живой остался. Да так на другое место его опустили. (29)

○

99. Отец рассказывал. Ночевал он на реке. Лег спать. Буря поднялась: лесной шел. Все головни полетели, разбросал все, весь костер разметался. Он, отец, ушел с того места, спать не стал. А тихо-тихо было. А лесной ушел, как свадьба проехала с колокольцами. Это было мгновение. А потом опять тихо стало. Не на месте он, отец, лег: дорога тут его, лесного, была. (151)

○

100. А вот по ягоды идешь, на дороге огонь нельзя класть. А уж кладешь, соль туда вали. А мы-то не сделали. А он потом — только головешки разлетелись. Ой, мы зачуркали:

— Чур, полно! Чур, перестань!

Выше лесины такой белый пошел. (181)

○

101. А в лесу есть тропы чертовы. Мой зять рассказывал. Он охотник был. Ночевали в лесу с товарищем. Надо ночевать. Расклали огонь. Да. И около полуночи ветер страшный задул. Так страшно задул, что лес чуть ли не к земле пригибает. И ихний огонь как схватил, как выше лесу выбросил головешки. И сказал мне товарищ:

— Неладно мы расклали огонь: на чертовой тропе.

Расклали в другом месте. Ночевали — и тут все в порядке. Не знаю, правда ли. Но он врать не станет: мужик серьезный. (56)

○

102. Вот я расскажу. У нас отец трелевать поехал в лес. Уж поздно, идти некуда. Коня привязал, а сам наклап огонька, сидит. Ночь. За двадцать километром ни жилья.

— Сиж у огня, вдруг чую: хрустит наст. А с которой стороны, не слышу. Вижу — идет человек и пиджак не застегнут, и на голове ничего нет. Это что такое? То ли меня кто пужать идет, то ли кажется. Топор к себе подвинул, топор-то возле себя в бревно и воткнул. Если пужать меня пришел, то не пущу живого. А на лошадь не гляжу. Внимание только на мужика обращаю: и пуговиц на пиджаке нету. Подошел к огню, поздоровался: «Здравствуй!» Ну, я сказал: «Здравствуй!» — «Давай мне закурить». А

раньше мешочки были под табак и из газет бумага была. Я взял кошелёк, так положил и спички положил так между пальцами. Сколько крестов вышло! Подаю — он не берет. Я взял так, по-правильному, положил, взял, закурил. Тогда я узнал — это меня манит. Он закурил, а я, — говорит, — про себя начал молитву читать, да он захохотал, и пошел ветер. Костер у меня разметало, только головешку схватил. Думаю: только посветает, да и поеду домой. А я на лошадь-то внимания не обратил, а на ней пена пригоршнями: то ли на ней ездил, то ли тут билась, что до пены вся. А утром, только светать стало, уехал домой. (52)

103. Отец в лесу капканы ставил на зайца. И вдруг ему большой-большой человек показался. Выше лесу мужчина. И говорит отцу:

— Ты зачем по моей дороге ходишь?

Отец упал. Долго ли лежал — не знаю, Тот его как ударил — одна лыжина здесь, другая в другую сторону отлетела далеко. (215)

104. Мне как-то три раза причудилось за зиму. Мама тогда умерла. Я жила одна. Вдруг мне ночью (и все это было по четвергам или по пятницам) приснилось: сначала по полешку, по два, по кучкам стало падать, а потом вся поленница хруп! Хотела я двери-то открыть — не открыла, лежу. Вдруг услышала кто-то на лошади едет по овраге. Скрип, скрип, скрип, скрип!

— Господи, чей это?

Потом скот заходил по оврагу. Уже тут я подумала, что мне причудилось. А утром мы ходили запаривать корм скоту. Я пошел в четыре, а не в два (забоялась раньше идти после полночи), открыла ворота: вся поленница стоит, ни одно полешко не упало и весь скотик на месте. А соседка мне говорила:

— Это у вас дорога тут, лешего дорога. И не надо дом было ставить. И так мне в тот год три раза казалось. (139)

105. У нас в деревне был дом. Он весь был выкрашен полой краской, а потолок черным. Он был очень мрачным. Его купец строил. Купила его семья: муж, жена и девочка. Им говорили не покупать, так как он на тропе лешего стоял, а они не послушались: дешево стоит, а жить где-то надо. Все в доме было неладно.

Решили два мужика проверить, что там случилось. Залезли на чердак. В двенадцать часов спускается с лестницы голая женщина с ребенком на руках. Ребенок тоже голый. Один мужик убежал, а второй за ней пошел. Дошли до переднего угла и исчезли. Стали копать в этом доме — нашли черепа взрослого и ребенка. Говорили, что в доме жил купец с двенадцатью дочерьми, и все они умерли не своей смертью, их под домом закопали. Скоро этот дом сломали, потом на его месте новый, но и тот сгорел. Видно, нельзя, раз тропа лешего. (213)

106. Мой дедка с лешим знался: ходил с ним табак курил, Выхожу как-то на крыльцо, вижу — у плетня дед курит, а рядом ещё огонек горит, а кто курит, того не видно, Дед говорит бормовато, не понять о чем, а ему отвечает грубый, низкий голос. Я его спрашиваю:

— Дедко, вы о чем говорили?

А дед не мне, а отцу говорит:

— Твой новый дом не на месте, Не уживете вы там. Крапива там скоро порастет: на тропе лесного дом поставили,

И точно не ужили: скоро ушли из дома, а до этого много странного приключилось. (198)

○

107. Шла женщина домой через лес и в месте, где, говорят, леший водится, ветер задул. Она любопытная была, слышала от стариков, что если между ног посмотреть, то лешего увидишь. Она так и сделала и увидела, но ничего не помнит, так как тот её перебросил через голову, и она еле домой дошла. (194)

○

108. Лесной действительно есть. Он и людей водит. Он может и человеком показаться, и скотиной. Если скотина разговаривает, то, значит, это лесной. Я с ним тоже знался: от деда мы с ним знакомы. Встречались мы с ним, он мне помогал. Но мы с ним в прошлом году поссорились. Он обиделся и оттолкнул меня с крыльца. Я сломал ногу, и она до сих пор плохо заживает и болит. Видно, так и останусь хромым. И вообще, если встретил лесного, то не надо об этом рассказывать. (199)

○

109. В этой деревне, в этой ограде корзилось: большие собаки бегают. Повели женщины коров поить. Одна по собаке-то хлестнула — она и пропала. Лесной её и повел. Она идет, ни с кем не разговаривает, потом говорит:

— Ой, я озябла.

Он и подает её рукавицы. Она:

— Ой, Господи! Какие большие рукавицы!

И ничего не стало вдруг — одна среди поля. (153)

●

110. Дедушка покойный рассказывал. Мы ещё в Костроме жили. Так он жил в лесу, много лет охранял лесничество <...>. Приходит к дедушке мужик:

— Покорми меня.

А дедушка говорит:

— У меня уже ничего нет.

Мужик и говорит:

— Посмотришь, какой я тебе буду!

И он шел выше сосен, мужик этот. А как подошел к избушке, сделался маленьким. Дедушка ночью ушел из шалаша. Вернулся, а в той лавке, где лежал, топор торчит. Этот мужик топором ударил за то, что ужинать не дал. Так то леший был. (54)

○

111. Сено-то я в огороде накосила, а сметать-то руки не владеют. А тут пьяный деверь пришел:

— Дай сделаю.

— Отстань, — я ему.

Напортит ещё. А он как матерно заругается! И вдруг (у магазина тополь высокий стоит) как зашумит. А ветру-то нигде нет! Шумит тополь, а ветру нет. И вот где мы с ним шумели-то, ругались, у меня вихрь забрал сено-то и поперло сено мое да выше дома! Так вот подхватил и понес стожок. Ой, я зачуркала:

— Чур, меня!

Он, лешак, тут и сыпнул его за изгородью. Вон лежит. И унес сено-то. Это, верно, лесной. Боюсь теперь поросенку давать. Ой, как страшно-то. Прямо с тополя пришел вихрь-то да на сено. А ни у кого боле ничего. (149)

112. Я в балагане один раз ночевал, в маленьком домике в лесу. Ну вот. Лег спать и где-то примерно около полуночи дверь открылась, заходит бородатый человек, здоровый. Я глаза открыл, личность высмотрел, никого не стало. Глаза стал закрывать, опять дверь открылась, и он вошел. На третий раз это случилось, я встал, достал нож и порожек крест-накрест перекрестил. Никого не стало. И сколько ни ночевал там, больше ни разу там не млилось. (137)

113. Ой, манило, манило! Ой, мы ехали с похорон. Мы сноху хроняли в Притыке. Поехали с похорон — за нами маниха гналася. На лошади ехали. Сани раньше большие были, задки высокие, Вот мама у нас начала молитву читать свою какую-то. По лошаде хлестала крестом: как будто крестила лошадь. И вдруг отстала от нас. Приехали домой, лошадку выпряг, все, двери запёр. Хозяйка оставалась домовничать. Двери запёр снова. Раньше горелочки были, маленькие коптелочки. Со светом мы легли. Легли. Вдруг заломилось в двери. Тамока в большие двери заломилось. Потом в колідор заломилось. А мы лёжим на печи. Тут в избу зашло — и стала до потолка женщина. Женщина стала до потолка. Вот долго мы с этой штукой бились. Вот долго ходила к нам, потому что шелковик не положили её (сарфан) да полшало шелковый не положили. Пока мамка не съездила к попу. Он там чего-то сделал, почитал. С этой поры не манило. Прикрыли эту музыку. (179)

114. Ночевали у нас в Иванцеве как-то мужики. Тогда ведь чего только не рассказывали! Один рассказывал такую историю.

Говорит: сенокос был, вихрь играл, сено хватил. А сын этого мужчины, мальчик, бросил ножик в этот вихрь. Бросил — исчез этот ножичек в этой пыли.

Поехал этот мужчина уже зимой на мельницу. Ехал-ехал, вся дорога-то есть, а до мельницы доехать не может. И увидел огонек, дом в лесу, в доме огонек. Ну и вот. Дорогу-то леший украл у него. Зашел он в дом: открыто, ограда не заперта. Заходит в дом — лежит мужчина длиннющий на лавке. Пришел, поздоровался:

— Можно ли ночевать?

— Ничего. Ночуй. Сейчас выпрягут у тебя лошадь. Садись, — говорит, — ко столу, — говорит.

— Я сел. Он встал, — говорит, — достал, говорит: «Это не твой ножик?» Посмотрел — на столе лежит наш нож. «Этим ножом твой сын моего сына поранил в ногу. Когда вихрь играет, не бросайте нож: это дети мои играют», — говорит.

Переночевал я у него, утром оказался на дороге. И оказался на мельнице. (208)

115. На сенокосе были. Ветер подул. Сели обедать — всю еду ветер выдул, а мужик нож в вихрь бросил:

— На тебе, леший!

В ногу угодил. Нет ножа. Искали-искали — не нашли. А он, леший, пришел как мужиком:

— На, вытащи нож из ноги.

Стал креститься и с молитвами вытащил. (80)

116. Есть такое место, где у черта дорога проходит. Если чуть вихрь,

ветер, он все сбрасывает. Вот из-за этого на этом месте нельзя строить. И в лесу у их (чертей — соб.) есть дороги. Даже огонек нельзя развести на этом месте: он его унесет.

Вот, например, один охотник ночевать остался в лесу. Стемнело. Разложил огонек. Немножко погода ветер фырк! — и огонек с головешками разбросало. Разложил второй раз — опять так же, как первый-то раз. Он забрал головешки, охотник-то, и в этот ветер стрелил. Немного погода идет к нему человек, говорит:

— Пойдем со мной.

Этому-то охотнику. Он, конечно, трусил, испугался: куда ночью человек это зовут? И кто он такой? Пошел. Шли, шли, пришли. Избушка стоит в лесу. Зашли в эту избушку. Лежит на нарах молодой человек, катается, ревет. Ну, он говорит, этот, который его привел, этому охотнику:

— Вот ты стрелил, ты его ранил.

А что дальше было, как он выбрался, больше он мне не рассказал. Мы жили с мужем на лесопункте, этот человек жил с нами за стенкой. Лично мне в глаза рассказывал. (55)

117. Мужик бабе говорит:

— Затвори квашонку: к нам леший в гости придет. Я его позвал. Она:

— Ах ты, старый черт, чего удумал?!

А чего сделаешь? Наладила квашонку, все чином. Дак ведь пришел, гостем показался, посидел немного и ушел. (214)

118. Ночевал я в лесу один. Сидел у костра. Сначала я услышал шум — песни ли, рев ли. Ближе, ближе, ближе. У меня огонек был и собачка. Собачка мирно сидит. А звук этот все ближе: как песня, как рев, как плач. Прошло с час. Все двигается и шумит лес, ветер вроде сильнее, чем обычно. Звук этот ближе. И понять слов невозможно. И вот времени прошло порядочно. Вроде как много шагов слышно, как будто шагают люди. А потом это удаляться стало. Дальше стали уходить. В это время огонь у меня потух. Стала темень, темно. Дрожь нехорошая пошла во мне (вроде как испугался). Снова разожет костер. Было это часа в два ночи. Вдруг вижу — красные валенки через меня шагают, переступают. Сантиметров по девяносто валенок! Переступили, остановились рядом. Но огонь не потух, и собака мирно лежит. А потом вдруг оказалось — человек стоит тут: борода длинная, окладистая, седая, одет в камзол какой-то, цвет неопределенный, на голове старая шапка ношенная. Это было весной, на Пасху, где-то в апреле. Я подумал, что это какой-то охотник. А не охотник это был! И спрашивает этот мужик (а я валенки в это время покатывал): «Сможешь ли скатать валенки из пуда шерсти?» А на том-то человеку не были уже красные валенки, тогда мне не показались, что красные. А что-то сразу смекнул: дело тут неладное. И спрашиваю его: «Вы не слышали, тут шум был где-то в час ночи?» Он тогда мне отвечает: «Это у нашего старшего лешего жена умерла. Мы хоронять ходили. А я знаю, что покатываешь валенки. Не скатаешь ли и мне?» Ну, я пообещался ему: «Скатаю, — говорю, — если будет хорошая шерсть принесена». Ну, однако, катать мне не пришлось. Ушел я из леса, больше не ходил, испугался и валенки катать не стал. А пошел он от меня, опять на нем были красные валенки большие... Году в 1942. (150)

119. Дед у меня валенки катал. Пришел к нему один валенки катать, говорит:

— Скатай мне валенки из двенадцати фунтов.

— Вошел маленький мужик, а вышел, — дед говорит, — выше леса.
(109)

120. Портной ходил по деревням-то. Знаешь, шьют они по деревням. Дак никто его признавать не стал: не шили у него. Вот он надежду потерял, осерчал и говорит:

— Хоть бы черт или дьявол меня позвал!

А шел он по дороге. Вдруг ему мужик навстречу:

— Пошли ко мне шить.

Привел его к себе домой, дал сорок овчин и говорит:

— Сшей мне из сорока овчин.

Ну, тот сшил ему. Мужик-от опять пришел, денег ему рассчитал, все отдал. Потом взял его и поставил на то место опять на дороге. А к себе его вел, дак он никогда той дороги-то не видал. Ну, пришел пертной домой да только два дня и пожил. Так лесовой его напугал. (164)

121. Была у нас волость в Пишнуре, Пишнурская волость. А писарем, волостным писарем, был Никанор. А он мариец по происхождению. От Пишнура марийская деревня, Кывырла она называется. А лес почему-то называли, называли лес «шерметь». И вот все говорили: там так млит, так млит — страшно! Но вот однажды дед откуда-то узнал, что там очень много рыжиков и говорит бабушке:

— Ты бы, Пелагея, сходила за рыжиками.

И бабушка пошла. Бабушка взяла пестерь, взяла корзиночку и пошла в этот шерметь (вот как по-марийски перевести, не знаю; он и теперь этот лес стоит и недалеко от Пишнура). И бабушка вот сколько нашла рыжиков — страшно!

— В жизни, — говорит, — не видала. Ну вот как прямо их кто-то насадил. И вот сплошь одни рыжики.

А она полный пестерь набрала, корзину набрала, сняла с себя нижнюю юбку, завязала подол-то вот узлом — полную нижнюю юбку набрала! Вот сколько рыжиков! Ну, бабушка говорит:

— Сколько беру рыжиков, а они не убывают.

Вот сколько рыжиков! И не знает, куда идти.

— Вот туда попойду — лес все гуще и гуще. Туда попойду — лес все гуще. Ой, — говорит, — да и думаю: не надо никакие и рыжики. Все брошу, только бы домой выйти.

А дело к вечеру. И вдруг откуда ни возьмись вот этот Никанор-писарь. И говорит:

— Ты чего, Пелагея, тут ходишь?

— Ой, Никанор, рыжиков, — говорит, — наломала, да не знаю, как унести. Дак вот, — говорит, — и дорогу не могу никак найти. Куда ни пойду, а лес все гуще, лес все гуще.

— Ой, Пелагея, — говорит, — дак вот дорожка. Айда я тебя выведу.

— И я, — говорит, — наверно, шагов десять шагнула — правда, дорожка! Вот у самой дороги была!

Ну ладно. Принесла эти рыжики домой. Не бросила, все принесла. Ой, дед удивился:

— Ой, рыжика-то, рыжика-то!

Ну ладно, Рыжики обрали. Хорошо. На второй день дед сидит у окна. А дед, он у меня не пил, Андрей, не курил. Сидит у окошечка дед. И вдруг бежит Никанор, этот писарь. Он бежит на работу в волость. Дед открыл окно и говорит:

— Никанор Михайлович, ой, спасибо-то тебе какое!

— А за что, Андрей Михайлович?

— Да ты вчера мою старуху вывел из леса. Ведь рыжиков-то нашла! Заблудилась старая.

— А какую старуху? Я ведь вчера, Андрей Михайлович, никуда не ходил. Я ведь не ходил никуда, Андрей Михайлович. Я ведь дома был.

— Да как, — говорит, — дома? Да Пелагея говорит: ты ей указал дорогу. Она пришла домой-то, пришла. Дак ты ведь ей дорогу указал.

— Нет. Она с кем-то меня спутала.

Вот. Вы понимаете?! А бабушка утверждала — это был Никанор! (128)

122. Жили двое молодые. Отец с матерью отделили их. Пошли пахать да зыбку оставили на ветке, забыли. Ночью она пошла с ним за ребенком. Страшно. Идет, говорит:

— Спи, дитятко. Мать тебя оставила, отец позабыл.

Подошла к тому месту да и говорит:

— Братец родный, отдай ребеночка.

Дак он потом, леший, гонял корову домой, говорил:

— Сыне, сестрины коровы, домой!

Так ему понравилось, что она его братом назвала. (95)

123. Мужик с бабой поехали на покос, а люльку с собой взяли. Баба побежала домой стряпать, мужику говорит:

— Ребенка с собой домой привези.

Тот покосил да и вернулся, а ребенка забыл в поле. Как вышибло из ума! Баба на покос бежать. Прибегает вся в слезах, глядит — леший люльку качает, приговаривает:

— Баиньки-баю, отец оставил, мати плачет.

Баба подходит, говорит:

— Братец мой, оставь мне ребеночка.

Он оставил. Коров раньше без пастухов гоняли, а этот братец стал её коров домой гонять. По всему лесу слышно:

— Сыне, сыне, домой!

И догонял коров-то, что умерла баба. (94)

124. А потом она про этого старика рассказывала. Он знался с нечистым, с лешим. Он раз сено вез: не один воз на одни сани наложил. Да как это он в гору все повезет? Да лошадь у него бегом бежит: ему кто-то помогает. (144)

ЧЕРТ

125. А ещё женщина говорила. Пришла в церковь. Люди шли как люди, а в церкви стоят — и хрюкают, и кукарекают, и ржут. А внизу черти шныряют. Если ноги раздвинешь, они к бабам под юбку лезут во время молитвы и хрюкают, хрюкают. (116)

⊙

126. Вот у нас Микола ходил в Лидийке-то. Дак поздно возвращался. А договорился с Валею вместе идти, в двенадцать часов встретиться по дороге. Ждал он Валею, ждал, решил идти один: может, догонит. А там идти мимо пруда. Вот Валя-то его догнал да как-то все идет, толкается: и так его толкает, и сяк больно. А вперед его не идет, все сзади. Микола ему говорит:

— Ты чего толкаешься?

А он молчит и опять толкает его. До бани дошли, Микола глядит — Валя-то весь в шерсти, да и говорит Валя:

— Кабы у тебя пуговицы не крестом пришиты, я б тебя задавил.

И исчез, как и не было. Вот это нечиста сила. И уж если она поманит, дак это не к хорошему, к беде. (45)

⊙

127. Вот как-то в апреле под Пасху ходили на поля. Глядим — а там сколь много зайцев бегало. Это бесята бегали. Мы все плюнули три раза через левое плечо, дак они исчезли. Все пропало. (188)

⊙

128. А вот ещё один случай был. Сестра у меня старшая была. Она боялась все. Боязливая такая была. Я убегу в другую деревню, а она:

— Нинка, не ходи никуда! Я боюсь.

Она думала что ли о чем. Я ушла раз вечером в соседнюю деревню, а она лежит и не спит. Вдруг две потолочины отставляются и лезут, лезут сколько-то человек. Сперва крюка выставилась, баба в белом во всем и мужик. И говорят:

— Тащи её сюда! Тащи!

Я пришла, так та уж без сознания лежит. Так тоже едва отходили. Манит, говорят, думаешь-то. Боишься, так манит. (15)

⊙

129. Вечером один человек собирался домой с праздника идти. Ему говорят:

— Не ходи домой.

А там от речки перелесок такой, болото.

— Напугают тебя.

— Я никого не боюсь.

Человек был в здравом уме, во всем. Перешел, значит, эту речку. В гору. Это летом было. Сенокос. Иванов день, дак стога уж наметаны были. Это сейчас что-то плохо косят. Скот выпускали. Да вот чтобы скот не подтербил стога, огораживали их кругом. Он только перешел эту болотину, к полю уже стал подыматься:

— Ну, — говорит, — не пугали ничего. Дошел, — говорит, — хорошо. Никто не напугал, никого не было.

Только подумал — услышал: сзади как едут с колокольцами, ухают, свистят.

— Мне, — говорит, — куда деваться? Ко стогу, в огород заскочил только, под стог сел, сижу. Кто? Люди — не люди. Черти, может быть, бегают вокруг стога-то. Одни говорят: «Взять его!» А другие говорят: «Нельзя брать его!»

У его крест на шее был. Покричали, уехали. Он в чувство-то пришел. Все.

— Чё такое со мной?

Дак вот он помешался. У него вся голова так. Он сначала все рассказывал, что было. А потом и рассказывать не стал. И у него все время голова так тряслась. (129)

○

130. У нас там была женщина одна. Она жила на хуторе одна. Пригласила девчонок гадать. Вызвали нечистую силу, а сказать «Чур, не нас» забыли. Может, померещилось, может, испугалась. И вдруг слышат из печки голос:

— Пишите помадой! Пишите помадой! Пишите помадой!

Они взяли помаду (у одной была) и всю печку исписали «Чур, не нас». А потом в забытьё на пол упали. А когда утром очнулись — печь чистая и следов помады не осталось.

○

131. Ещё знаю. Жил один дедушка на хлебосушилке. И вот один соседский мальчик стал ходить туда. А дед всю ночь топил печь: он знался с бесами. Родители мальчика стали беспокоиться. И однажды отец решил подслушать, о чем они говорят. Подкрался вечером туда и услышал:

— Я тебя научил, и ты должен кого-нибудь исколдовать.

А кто ночью может быть? Только отец и мать. Отец испугался, бросился домой и все рассказал жене. Они заперли двери на ночь. Мальчик пришел, стучал-стучал, но ему не открыли. А наутро его нашли мертвым: черти задавили. (175)

○

132. Раньше молодые парни дают веревку в эти праздники в Рождество.

— Давите веревкой. Если я черта увижу, рукой помашу, дак вы сразу сжимайте веревку.

И говорит:

— Ну, первый залез, замахал рукой. Они сняли. «Ну, видел ли черта?» — «Нет. Не видел. Только зелено». Ну, давай второй полез. Второго давай. «Кек я увижу, вы снимайте петлю». — «Что? Видел?» — «Нет. Ой, только зелено». Третий: «Что? Не могли высмотреть черта? Я полезу высмотрю». Третий-от залез, рукой-то стал махать-то, вдруг прибежал милиционер: «Чего делаете?» Веревку сняли. Задавил его черт, а тех не задавил. <...> Это не милиционер, а черт. (179)

○

133. Раньше, как родишь, шесть недель пройдет, идешь в церкву молитву взять. А я дак неживого родила да мне все и недосуг. Я не пошла к батюшке, вот мне и привиделось во сне два нечистых: глаза такие черные, рога у них, хвосты длинные. Схватили меня за руки, назад выкрутили вот на угоре-то под березками и вниз толкают, в реку. «Все равно утопим», — говорят. Я со страху за березки ухватилась со всей силы. Тут меня Шура-то и разбудил: «Ты чего? — говорит. — Ты чего, Дуня?» Я его во сне-то за жи-

вот схватила: думала, что за березки держусь. Он мне потом сказал: «Иди в церковь-то». Я уж наутро и побежала, взяла молитву. (23)

134. Загубить очень просто может. Вот который человек задавиться хочет, дак он просит душу человека-то. А один что сделал. Черт привязался к нему. Он взял веник. Черт и говорит:

— Ты меня обманул!

Он когда привязал веник, тот стал трясти его. (120)

135. Девушки в нашей деревне часто ворожили на сеновале. А деревенские парни однажды выследили их и решили напугать. Вот послали на сеновал одного. Закрылся он в сено, затаился. Одна из девушек спрашивает:

— Кто мой суженый, отзовись!

А тут голос странный такой, вроде людской, а вроде и нет:

— На сусеке пересечен.

Перепугались девушки, стали по сему шарить и нашли мертвого парня — ни ранки, ни царапинки, а уж мертвый лежит. Это над ним нечистая сила подшутила: не пугай других. (1)

136. Один пьяный пришел на мельницу:

— Я никого не боюсь!

А черти там золото делают. Он увидел:

— Это все мое!

А крикнул-то громко, не сдержался. Черти-то выскочили да его удавили. (166)

137. Черт, говорят, водит. Нас Бог спас. Это было вот в Безденежных. Девчонка была годов, я не знаю, двух или трех ли. А у нас пилили пыльщики дольной пилой — один сверху, а другой снизу. И они вот пилили у Филиппа, а девчонку тащит черт — вихрь-от. А раньше вот были огороды. И они видели, как тащил этот вихрь. И тут был угорчик. Они:

— Чур, пополам! Чур, пополам!

И он тут её оставил. Они взяли эту девочку и сообщили матери, отцу. Анисья звали девочку <...> Мати, видно, поругала. (120)

138. Вот это я знаю. А вот у меня братан был, Петром звали. Ну, а вот уж чего не угодил отцу: послал за лошадей, он не сразу пошел, отец и сказал:

— Понеси тебя!

И вот он пошел за лошадей, а тут был сметан круглыж сена.

— И вот, — говорит, — подходит ко мне человек и говорит, дескать: «Отступись от лошади. Пойдем в карты поиграем».

А он будто:

— Нет. Меня тятя послал за лошадей. Надо лошадь скорее вести. И вот, — говорит, — он меня берет за шею сзади, вызнял выше стожара и бросил.

Вот с ним сделалось неладно: он сделался как без ума. Возили его в церковь, молебен отслужили, а ничё. Он исцелился, вырос большой и женился. Это нечистый дух его. Не надо эдак говорить: «Понеси!» По часу, видно, сказал. (171)

139. Лешакаться нельзя. Лучше сматюгаться, чем слешакаться: а то унесет, Унесет черт. Скотинку потеряешь. Пожалеешь, а свои слова не возьмешь обратно.

Одного мальчишечку и унес. Мать ёму:

— Штёб ты черт унес!

Он его и унес. А когда было семнадцать ёму, он обратно пришел.

— Где ты был?

— У черта.

— А чё делал-то?

— Работал на ёго. (42)

140. У мамушки была сестра малая — двенадцать годков. Она с бабушкой пошла в поле. А бабушка ещё другую маленькую девочку с ними идти приговорила. Вот они долго гуляют. Сестра мамушкина говорит:

— Ой, бабушка, надо домой.

А она:

— Понеси вас окаянный!

И не стало девочек. Уж мама ходила в церкву, молебны заказывала, а все их нету. Только видели около деревни двух собачек. Они бегают совсем близко, а людям не даются. Смотрели потом — следочки после тех собачек девичьи. **Надо было с иконой за ними ходить**, а того не сделали. Так их и не нашли. (24)

141. А вот ещё был один парень, Алеша. Его изругали. А он в лес ходил по ягоды или дрова рубил. Он один раз вернулся из лесу, залез в избу через трубку (дверь закрыта была) и стал говорить:

— Вот крынка перекрещенная, а вот эта неперекрещенная.

Стал об этом хозяевам рассказывать. А вот откуда узнал он? Черт его, наверно, научил. Его проклинали: вот он с чертом и связался и мог сказать, из какой крынки можно есть, а из какой нельзя. (67)

142. Было. Нас собралось шесть человек. Годов так по пятнадцать было. Пошли березки драть так километров четырнадцать от села в лес. А раньше станки были нарублены с печкой, чтоб в лесу ночевать. Вишь, мы собрались, березку надрали. А лапти носили крестовые (плетенные крестовообразно — **соб.**). И вот мы, что ночь, огонь кладем, а наверху дыра. Мы лежим и давай вызывать:

— Если черт есть, дак к нам должен прийти.

Не боимся вроде. И вот мы. звать да звать. И приходит: как растворил дверь — у нас огонь раскидало и всех как поволокет! Давай мы:

— Господи, помилуй!

— А-а! — говорит. — Догадались!

А у нас лапти-то крестовые: он нас не мог взять. А потом как хлопнет, что все обрушилось. Думали — живы не станем. (53)

143. Ругаться — ой, чё ты!! Не надо. У нас была баба одна. Села прясть. Она все матюгалась. Легла спать на полати. Стучат. Она дверь открыла — ой, завизжала: он пришел, черт! Он её перевернул вниз головой. Между печкой и лавкой нашли. (136)

144. Шел-шел мужик по дороге — и вдруг у него дорога потерялась, и он не знает, куда идти. А кто-то когда-то ему говорил:

— Когда дорога потеряется, надо сесть на межу, чтобы межа вот так была, и поговорить. (Это значит — нечистый его перепутал). Говорить надо: «Тебе дорога, мне другая». Три раза так скажи, и дорога окажется нормальной.

Этот человек сел на дороге и сказал:

— Тебе дорога, мне другая.

Три раза так сказал и поглядел: и дорога оказалась ему нормальной. Это, значит, нечистый дух. (156)

145. Вот Дуся Петиха гнала корову, на какой-то она след наступила — её ветром подняло, юбку раздуло, расчеперило, покружило. Она приземлилась. Здоровый вихрь был.

Вихри-то бывают: говорят, в этих вихрях бесы. (118)

146. Раньше, рассказывали, манило, а теперь не манит. Дома и в лесу всяко манило. Вот у нас тетка мне будто была. И попадья у нас была. Её поп и послал за попадьею. Едет она на лошади. А дорога-то грязная да изругалась вся. Вдруг парень ей попадает:

— Подвези меня, молодушка.

— Садись.

Он сел к ней — лошадь ни с места. Еле везет. Вся в мыле. Как подъехали к мельнице, он соскочил — лошадь как споткнулась и побежала. Говорят, что черт с ней ехал. (6)

147. От бабушки слышала. Девчата пошли на перекресток каких-то дорог. Завечали: выйдут ли замуж. И одной черт задал загадку:

— У кого три косы?

Они не знают. А среди них была одна, подросток, которую не хотели с собой брать, так она отгадала:

— Одна у петуха, другая у девушки, третья, которой мы косим.

Вот так и отгадали. Не знаю, чего было бы, если б не отгадали. Они испугались и убежали. (87)

148. Я какую бывальщину вспомнила. Лет сто назад было. Я была годов пяти или шести, когда слышала. Так ведь тоже интересно. Посиделки раньше собирались. Вот у Зарубиных и собирались. Там я и услышала.

Жили две молодницы в войну. Мужики на войне. Они шибко расстраивались, переживали, что убьют. У обеих по мужику было. Стали бояться-то ночами. Вот одна и говорит:

— Ты ходи ко мне спать-то: все веселей.

Она говорит:

— Ладно.

Ходила, ходила и перестала ходить. Потом первой пришла похоронная, и та говорит:

— Ты ходи ко мне ночевать.

Она прособиралась (поздно уже) и не пошла. Прошло около половины ночи. Вот смотрит — кто-то стучает. Открывает дверь и смотрит — пришел муж. Как на самом деле. Обрадовалась. Он говорит:

— Скипаи мне чай.

Она поставила самовар. Потом говорит:

— Надо наколоть сахару.

Стала колоть, комок сахару откололся и упал под стол. Она и говорит:

— Саша, слазай, подыми.

Пацаненок полез, поднял и говорит ей:

— Мам, это не папа: такие, — говорит, — ноги не человеческие!

А он говорит:

— Я с дороги хочу в баню.

Она ему затопила баню.

— Иди, — говорит, — в баню.

По-настоящему ночью истопила баню, и он как будто пошел в нее. Ну, сидят они, ждут, а он долго нейдет. И она пошла узнать-то.

— Не идет никто-то, — говорит, из бани-то. Пойду, — говорит.

Ну вот пошла. И двери не открываются. Она говорит:

— Ну, раз двери не открываются, враз бы на этом кончилось.

Она вернулась домой и проснулась. Вот. Пришла, вернулась.

— Ну, — думает, — пусть уж так.

А оказывается — так вот она во сне будто видела. Ей показалось. Ну вот. Она рассказала это своей подруге. Та говорит:

— Ладно. Я-то опять буду к тебе ходить спать, раз такое дело, — говорит.

И вот точно при ней вдвоем повторилось. Точно так же за полночь опять стучится. Им обоим стало показываться. Он и говорит:

— Ставь!

Стали ставить чай, самовар, истопили баню. Она и говорит:

— Иди, — говорит.

А он:

— Сегодня приходи и ты. Сегодня двери будут открытые в баню.

Ну ладно. Она говорит:

— Я не пойду. Чего это? И что двери-то закрыты были?

На вторую^а ночь, говорят, мужик этот-то:

— Приходи, я двери открою.

Ну вот. Ладно. Так они и сделали. Опять она пошла. Пошла, и её долго нет оттуда. Эта подруга-то пришла, а она уже без сознания лежит. Кое-как её отходили: спирта-то не было, водой, всем остальным. Как-то потом она говорит:

— Ой, ничего-то не помогает.

А она говорит:

— Надо молиться. Молись, — говорит.

И опять больше ничего не стало говорить. Так подруга, говорит, стала молиться на коленях, молилась, старалась молиться, чтобы только в чувства её привести. Потом сказали людям. Так они ездили в церковь и свято-сти привозили. И всю избу святить пришлось. Даже пригласили попа этого самого. Монахи эти-де говорят:

— Вы ни к чему не прикасайтесь тут. Мы все сделаем сами.

Так после этого не стало показываться больше. Так вот это все было на самом деле, хотя бы во сне: а то ведь на самом деле и самовар утром горячий был и все это дети подтверждают. Ребенок подтверждает-то:

— Точно было, заходил дяденька. И точно было.

Вот такие были привидения. Вот это я запомнила. Лет пять, наверное, мне было. (50)

149. Мы жили там в одном селе в Бслохолуницком районе. И одна при-
 созила мужа, баба молодая. А жили с родителями, в одной ограде раньше
 — два дома: она в маленьком, а родители жили ещё с сыном. И думала-
 думала она о своем муже: одна осталась. Ну и вот он стал к ей ходить.
 Он стал. Говорит, придет, разговаривает. Глвное — ночью! Почему-то
 ночью приходит. Когда отпустят, да долго ведь идти надо.

— И никому, — говорит, — не говори

А в деревне стали видеть — сноп какой-то летает. Сноп над ихней кры-
 шей. И вот тогда кто-то сказал свекрови-то:

— Наверно, к вашей снохе сноп летает.

Ну и вот. Она говорит:

— Признайся!

— Поймала меня в ограде: «Признайся!» Потом, — говорит, — я призна-
 лась. Чё? Дак он убьет меня, задавит.

Свекровь опять с кем-то там поговорила:

— Убеждена она, что Вася ходит, муж.

— Ты поставь на стол пельмени. Ну и вот. Ты настряпай пельмени. Бу-
 дешь есть — урони вилку: узнаешь, какие ноги.

— В сапогах приходит, — говорит.

Ну вот. Сели, говорит, есть. Пельмени принесла, водки налила стакан
 ему.

— А тебе?

— Я не пью.

— Ну, дак как ты не пьешь?!

— Не буду пить.

И нечаянно как уронила вилку. Говорит:

— Нагнулась под стол-то — у него лошадиные ноги. Скорее выскочила
 из-за стола. Сказали: «На печку и перекрестись!» Походил-походил — и
 так не мог! Никак не мог! И вот привозили знахаря (старичок был). И вот:
 «Муки поставьте на полати-то» Как-то называли — сеянцы ли чё. «Сеянцы
 муки поставьте туда». И вот он отговаривал три ночи. Дак как пошел в по-
 следнюю ночь, дал по муке — вся по полу рассыпалась.

Лечили долго её. (208)

150. Вот опять Двенадцать часов ночи. У меня дядя (отца брат), его на
 фронт взяли. Не вернулся. Не знают, где похоронен. Тетка все думает о
 нем. И вот он к ней начал летать. Летит сноп огненный, искры летят, возле
 дома падает, разлетается на искорки. Все закрыто, а он искоркой в дом
 залетает и начинает воевать. Все перевернет. Двое ребят было у них. Они
 спят. Первые разы он подходит и говорит:

— Можно лечь спать?

— Ложись.

— Только меня не обнимай: у меня спина болит.

Это не муж, а черт, а у чертей спины нет. Видят, что лежит со стороны
 кладбища, а он не похоронен там. Сказали люди: обсыпать вокруг дома
 маком; пока мак не соберет, больше в избу не зайдет. Сделала она так.
 Он подлетит, а в избу и заходит. (209)

151. Кто-то рассказывал, что якобы приходил к ней муж. Умер у нее
 муж. И она, значит, все думала-думала о нем, и он стал к ней приходить.
 Соседи стали замечать, что кто-то как бы прилетает как бы к ней (вот за-
 была в виде чего), опускается на крышу и в трубу. А он уже в образе её

мужа приходит. Они разговаривают с ней. Она его садит, угощает. И потом он стал спать ложиться с ней. Так прошло с ней время. И соседки стали замечать, что она готовит для кого-то. И стали с ней разговаривать, что:

— Давай. Нельзя!

Что:

— На самом деле он к тебе не ходит, что это тебе только кажется.

И чтобы вот это убедиться, что это действительно видение, они типа за-сады устроили у нее дома. Не у дома, а в доме. И вот, значит, когда он прилетел, они как-то очертили то место, где они были-то. Они очертили — и он видит их, но он не может к ним попасть-то. И когда она посмотрела на ноги-то, то увидела, что они мохнатые какие-то, а не его собственные. И вот бабушка, которая знала об этом, начала молитвы читать, чтобы он больше не ходил. И вот так они сделали три раза. И он пришел и что-то крикнул ей едкое:

— Додумалась!

Что ли. И ушел. И больше не бывал. (203)

❶

152. В войну-то жена горевала шибко по мужу. А к ей нечистый ходил. Евошную одежду оденет и придет:

— Ой, опять голодный!

Он все ходил в полночь, в двенадцать часов. Она коврижку принесет, он съест все. Она днем бабам-то рассказывает:

— Ой, у меня-то был мужик, накормила.

— Ой, да что ты говоришь! Это неладно.

Не верили.

— Дак вот пойдёмте, ночуйте на печке, так высмотрите. Не показывай-тесь только.

Время уж много, она не спит, его дожидает. А её соседка научила:

— Ты перекрести-ка хлебушко крест-накрест, корочку.

Он не наелся. Она другую коврижку принесла и другую перекрестила. Он не стал есть.

— Догадалась! — говорит. — Тебя научили.

И не стал ходить больше. А писем-то долго не было от мужа. Она по-шла на почту. А этот нечистый вышел из леса, показался длинным черным мужиком, как лесной, и говорит:

— Вот тебе письмо, но не ходи!

И вывалил ей полный фартук писем. Принесла в деревню — а ей все это были подтирочны бумаги из туалета. Она уж попуталась, билась. Закричала, её мужики связали. (186)

❷

153. К одной женщине черт повадился: ходит как её мужик, а настоящий её муж-то в города уехал. А черт ходит, будто он (муж-то) никуда не уез-жал. Сосед встречает:

— Петр, ты уже приехал?

А все ведь видели, как он собирался.

— Угу.

Ну ладно, хорошо. Черт ходит, та женщина его принимает. А он утром-то до петухов уходит. Она думает:

— Чего это он? Раньше такого не бывало.

Вот он опять так собрался. Она лежит, а сама все слышит. Он за дверь — и она за дверь, он во двор — и она туда же. Тут петухом-то и пропели. А она калитку-то открыла, смотрит — а перед ей спина черна, волосата. Она онемела; мужик ведь вышел из избы! А тот повернулся:

— Будешь ещё подглядывать?

Она и слова сказать не могла. Её насилиу водой и отлили бабы. Тот приехал, мотоциклу поставил:

— Здравствуй!

А ей какое «здравствуй»? (37)

О

154. Умер муж, значит. Прошло сорок дней или нет! Месяц прошел со смерти мужа. Она вечером села ужинать. А женщина смелая, видно, была. Одна жила. Детей, видно, не было. Вдруг дверь открывается и заходит мужчина, говорит:

— Вот ешь сама-то, а меня не дождала.

Она не растерялась:

— Да садись, садись. Давай поедим.

Ну, сел, поели. А она слыхала от людей: надо посмотреть на ноги — ноги или чертовы копыта? И она как бы случайно уронила ложку под стол. Он ей и говорит:

— Не поднимай, возьми чистую. Зачем с пола поднимать?

— Да нет, — говорит, — я подниму, а потом возьму чистую. Зачем на полу ложке лежать?

Резко так наклонилась — и увидела копыта. И сразу громовой голос услышала:

— А! Догадалась!

Как будто нечеловеческий голос:

— А! Догадалась!

И все. Исчез он. (114)

§

155. Или вот во время войны был случай. Жили две женщины: одна — с мальчиком, другая — одинокая. И вот однажды вечером зашли к ним в дом два солдата. Женщины пригласили их пить чай. А мальчик сидел за столом, баловался и уронил сахар. Его мать нагнулась и увидела, что у солдат не ноги, а копыта. Она испугалась и говорит малышу:

— Пойдем спать на печь.

В двенадцать часов ночи солдат и говорит другой:

— Пойдем погуляем.

Потом он вернулся за первой, но она отказалась слезть с печи. Тут пропел петух и дух святой прошел по земле. А черт изгрыз зубами всю печь. Утром женщина все рассказала бригадиру. А другую женщину нашли мертвой. (175)

О

156. А тут в деревне мужик был нехороший: пил, блудил. Тут жена у его умерла. Он сестру позвал:

— Приходи: боюсь один.

Вот легли спать, вдруг ночью идет жена, открывает одеяло и к нему ложится спать. Он вскочил, к сестре прибежал:

— Пусти, я замерз! Пусти погреться!

А сестра сразу поняла. И он на следующий день рассказал:

— Луша пришла, ложится ко мне спать.

А это не она, это враг ходит. (161)

О

157. Случай мама рассказывала. У одной девочки мать умерла. Как-то ночью ей привиделось (то ли действительно так было). Заходит мать её в дом и говорит:

— Покорми меня, дочка.

Та стала собирать на стол, ложку уронила, наклонилась — ноги-то лохматые! Подняла голову, а за столом чудовище сидит страшное. Девочка убежала из дому дак, и петух скоро запел. Вот как он бывает! (152)

О

158. Перекрестись, дак никто к тебе не придет. Я вот одна, дак все перекрещу — и двери, и окна, всё. Укрещусь, дак никто не придет.

Как-то эдак-то разговор-от был. Рождество. Три девочки. У них парни были на службе. Они собрались. Скучно. Вот сидели, баловали, баловали, говорят:

— Чтoб теперя наши парни пришли!

Немножко погодя они и идут в военной одежде, в шинели. Эти:

— Как это? Правда — не правда?

— А вот нас отпустили, мы пришли.

Такие веселые. Ну, точно они! Одна испугалась девка, говорит:

— Этого быть не может!

Поглядела — у одного-то ноги — копыта! Ноги-ти — копыта! Она убежала на печку, эта девушка. А говорят, что на печке враг не придет, ничего не сделается: боится печки враг. Она убежала на печку и сидит. А они сидели, сидели, вот и полезли на их. Что только не делают! Они, девки-то, испугались, выскочили, надо убежать. Выскочили, избу распахнули да убежали в курятник. Да перекрестили двери, одумались. А эта на печи. Да вот этот, говорят, у её миленок всю печь исцарапал, бегал, а достать её не мог. А те-то только двери верещат. Чего они только не делали! Упали, только успели перекреститься те-то две девочки. Они не могли сломить двери, ничего. На другой день идут, изба отворена, никого нет:

— Это чё тако? Куды девки девались?

Пришли — они без сознания лежат обе в курятнике-то живые. Эта-то с печки слезла, все и рассказала, что было. В полночь, как петух спел, все исчезло. Тишина, куда-то все девалось, миленьки убежали. Везде надо крест, матушка. (158)

О

159. Хозяин. Лешаком зовут. Его везде поминают, вот он и перестал показываться. Они притворяются. Они сделаются, как человек. Раньше вот видишь — Рождество бывало. Да в Рождество знаешь, как черти на пляску ходили!

Все пляшут, веселятся — молодежь и молодежь пришли. А женщины на печи лежат, смотрят — а это нечиста сила пляшет на копытах и хвосты волочатся. Девкам скажут:

— Девки, вы зря с имьям связались: это нечиста сила, бесы.

Да в вот сколько девок на плясках нарушают и девкам диван капут. И девки заболеют, заболеют и кончаются. (179)

О

160. Раньше шибко манило. Если пустая изба стоит Рождеством, идешь мимо, посмейся: «Эй, пойдите на пляску!» Обязательно придут, обязательно нечистые будут.

Одна девка позвала, парни пришли. А старуха на печи лежит. Посмотрела — а у парней лошадиные ноги! Она говорит:

— Девки, сядьте на местечко, перекреститесь!

Так чуть всю избу не снесло, парни эти пошли! Нечистая сила была это. (178)

О

161. У меня отец-то. Пошли они на танцы. А пустая изба была. Пустой дом, вернее. А тут шел парень. Он умер. И вот говорят:

— Давайте позвоём ради шутки! Эй, Иван, пойдём на танцы!

И вдруг огонь, говорят, загорелся, там забежали, запрыгали в домё.

— Чур, полно! Чур, перестань! Чур, полно! Чур, перестань! И все И всё пропало. Это черти там собирались. (111)

●

162. Игрища раньше были. Муж-от ушел на игрищо у одной женщины. А она, жена, только родила у его. И он её одну оставил дома-то. И к ей, видимо, пришли эти бесы-то. Вот. Идут другие мужчины на игрищо-то и говорят:

— У тебя, слышь, дома так и пляшут!

Он:

— Как пляшут?

Он пришел домой-то — бабы пляшут и руки-то кверху. Ей помлело. Он-то не видит, а ей кажется. Плат сняла, вся выпотела, а никого с нею нет.

Это ещё мама-покоенка рассказывала. Вот раньше нельзя оставлять одну женщину, если она родила ребенка. (112)

●

163. А вот мне мама говорила. У ей дедушка с чертями знался. У одного мужика клад в ограде вышел — бочки. И коров нечистый давил. Он к деду:

— Убери эту бочку.

— Ладно. Купи три ведра вина, уберу.

Двенадцать ковриг хлеба ему испекли. Дедушка всех бесов напоил. На полати спать улеглись они. А люди-то их не видят, только кольца у них на руках сверкают и хрюпоток.

— Ну, выпались. Пойдем на работу.

Они выкатили бочки да убрали их. (182)

●

164. У нас сосед был очень памятливым и вот рассказывал. В солдаты ушел этот мужик. Вот не так далеко от Вишкиля. А этот сосед-от учился в то время. А он уж тогда старый был, семьдесят лет. И я ишшо молодая была. Да. Вот сестру отдали взамуж. Они не отпустили. Потом через год пишут: другую отдали. Он матерится да матерится, этот солдат-от:

— Все свадьбы без меня пройдут, слышь!

Вот уж охота, а не отпускают. Матерился. Здорово матерился. А долго бес-от к матогам подходит. И вот утром-то умывается этот солдат-от, и подошёл к нему другом он, этот бес-от. Как раз выходной был.

— Айда! Выходной — выпьем, в лес отойдем.

А кресты-то раньше, в прежно время и солдаты носили. Дошли до лесу-то, говорит:

— Снимай крест, влезай на сучок.

— Я снял. Все слушаю. «Садись на плечи, — говорит». Я сел. Да как понес лесом! Да по вершинам! Дак только вершины гнутся, — говорит. — Понес. Пришли мы, — говорит, — сели на мост. Это сели на мост. Говорит: «Смотри, не сознавайся, — говорит, — а то с ума сойдешь, что мы сидим (а ведь их не видко, не видать)»

Тут он отговаривается. Да все по божьему закону делали. Выпили, слышь, они. Ну, заматерились, запели, заплясали.

— Мы сели за стол и наелися и ушли на поветь спать. Утром-то тут стали, — говорит, — слышь, мы. Тут уж утром плачут, благословляют, уж не поют. Под венец невесту. Так велося. Да. Мы пошли без завтрака. Солдат — дак надо идти. Зашли, — говорит, — принес он меня в магазинчик. Он берет-берет, а он деньги не отдаёт. (Это я от стариков слыхала). Набрал,

— Говорит, — и пошел. Пошли. А она бежит, продавщица, говорит: «А деньги-ти?!» Он ей показался, этот-то. Запросила деньги-ти она. «Бог с тобой!» И к стенке поворотилась. Он большой, страшной, гнусной! Да. Потом идем. Ести захотели, — говорит. — Ну, поели что.

Сколь вина они взяли тут. Гонят коров.

— Утро уж, — говорит. — Ночь-то всю он нес.

Коров гонят утром. Попадают бабы. Заходит в это хозяйство. Крупу она молола. Раньше, может, вы видали, — крупа... И две крынки молока нацелено, ставлено и не закрыто: вот не перекрещено-то.

— Хочешь ли крупы-то? — спрашивает он его.

— Дак что? — говорит.

Зачерпнул чашку, съели.

— Хочешь ли ишшо? — говорит.

— Ну дак что? — говорит.

Баба-то пришла, слышь, стала раскрывать крупу-то и двинула как-то мимо:

— Ох, Бог с тобой!

Тут уж они чашку оставили: нельзя уж им. Вот. И ушли.

— Пришли мы.

— Слышь, — где были?

Он рассказал, этот солдат: вот так-то и так-то. Вот все это он рассказал по порядку. Ему не верят начальство. Ведь все-таки солдат ходил, его искали. До ночи его и взяло. Он не свое заговорил. Два месяца в больнице лежал: отправили в больницу его. (110)

О

165. Колдуны, они могут наколдовать: бесы эти в квартире будут, поселятся.

На свадьбе сына колдунья была. Она невесту подлечивала. Ну вот. Она во время свадьбы осталась ночевать. Уехала, а бесы остались.

Ну вот. Лежит он после свадьбы на кровати, кричит:

— Ой, опять черти пришли!

Стали они ему казаться. А мы лежим рядом. Он опять:

— Слышите? Бес на одеяло ступил!

А мать лежала на печи. У нее руки болели. Она руку с печки спустила, они её на пол за руки потащили. Потом поехали к её матери:

— Маленькие черти, большие черти, идите сюда!

Ему уже интересно: покажутся они ему, не покажутся. Тут забрякали вьюшки: они в кожих пришли. Молодые уехали, и черти с има уехали.

А пока жили с нами, как лягут спать, они им кажутся, по им ходят. (118)

О

166. Я помню маленькая была, и бабушка моя рассказывала. Пошел один мужик в лес: что-то ему там надо было. А дело было зимой. А он пошел после обеда. Ну, зимой-то ведь рано темнеет-то. И вот заблудился он. Потом рассказывал:

— Хожу, — говорит, — туда-сюда, а все на одном месте верчусь. И места вроде знакомые, а на дорогу никак выйти не могу. А тут ещё и темнеть стало. А в лесу ночью-то страшно очень: замерзнуть можно да ещё и звери всякие бродят. Мало ли что?!

И вдруг он видит огонек. Ну, пошел мужик на этот свет. Подходит, видит костер, а вокруг костра какая-то компания веселая сидит. Поют, хочут. Много их. Увидали мужика и давай к себе зазывать. Рюмку водки протягивают, говорят:

— Пей дак подходи, грейся!

Ну, мужик подошел, взял рюмку и выпил. И только выпил, как захотелось ему страшно спать.

— А больше, — говорит, — ничего не помню.

А когда он открыл глаза, то увидел, что сидит-то он в сугробе по самый пояс под какой-то огромной елкой, а в руках у него вместо рюмки еловая шишка. Вот так рассказывали. Ну а потом он до дома-то дошел. На другое утро это уж было. Говорят, это черти были. (76)

167. В страшные вечера было. Один парень был. Каждый вечер по вечеринкам ходил. Мать говорит:

— Что ты ходишь? Хоть бы тебя леший увел!

Он говорит парням:

— Пойдете на вечерку, постучите в окно, позовите.

Ну вот. Мать уже спит. Черт пришел, стучит, показался знакомым парнем. Эхот собрался, гармошку взял. Идут-идут, заходят в дом — там все знакомые. Парень сел играть. Играет, играет. Вдруг петухи пропели: рассвет скоро. И сразу вокруг темно стало. Он свечку:

— Ой, меня черт на мельницу затащил.

Он Господа помянул (а черти не любят, когда Господа поминают). Он выходит (а он в овине был). Деревня тут близко, надо идти. Видит — огонек в одном доме. Пошел на огонек. Пришел, стучится в крайнем доме-то. Мужик подошел к окну:

— Хозяин, а вы меня не пустите?

— А ты откуда столь-то рано?

— Да я вот расскажу. Со мной случай произошел.

Ну, мужик открыл, с фонарем стоит. Тот рассказал:

— О, — говорит, — тебя кто-нибудь поругал или сам ругался, лешался.

— А сколь километров до деревни?

— А пятнадцать.

За пятнадцать километров увел!

— А то, — говорит, — я ноги-то помозолил.

Привез его домой. (107)

168. Трое нас было: один парень и две девки. Чтобы лишний был человек, а то не покажется. Я сходила к колодцу за водой, свеженькой воды в стакане принесла. И нужно взад-пяти ходить. Ну и вот Принесла эту воду. И надо обрубальное кольцо. Откроешь выюшки в кожухе, чтобы бес выскакивал. В печке на шестке поставишь блюдо. Тут насеешь ситечком золу, чтобы было чисто, никакой порошок не было, возьмешь из головы волос и на этом волосе спустишь кольцо в воду: «Вот если есть у меня какой суженый-ряженный, значит, покажется». И что вы думаете? Вот так сидишь. И вдруг вода возмутится и покажется человек. Это истинная правда. Я сама делала.

И скажешь: «Чур, полно! Чур, перестань!» Зачуркаешь. Встряхнешь колечко, и быстро все убирается. Это уже показывается, когда последний год ты в девушках сидишь, перед замужеством.

Одни. А двое стоят в стороне. А парень никого не высмотрел: молодой. А мы высмотрели. И точно такое обличье выходит.

Это надо только в полночь, до двенадцати, а дальше ничего не покажется: дак там уж петух споет и черти убираются, у них уже нет силы показываться. (100)

169. На расстанье ходили завечать. **Надо чтобы ходил человек, который умеет завечать.** Нас водила одна старушка летом (мы на сене работали), не знаю, на какой день. Она песком очерчивала круг и завечала:

— Собирайтесь, все лешаки, из болот, из озер, из рек! Что буду завечать, вы исполняйте, отвечайте!

А нам скажет:

— Вы из круга не выходите и Богу не молитесь.

Раз она их, чертей, вызывает, где же тут молиться?! А вот одна девчонка была в положении. Она, старушка эта, и говорит:

— Если доски взбрыкают, ты умрешь. А если бабы заговорят или ребенок заплачет, ты родишь.

Так доски забрякали и ребенок маленький заревел как будто под землей. Она и померла на родинах девкой. А про себя мы уж не завечали: шибко боязно!

А ещё одному парню завечала, так собаки лаяли сильно. Это худо. Когда закончили, она сказала:

— Усто, стань! Усто, перестань! Усто, нет никого!

Она эти слова сказала, мы все пошли домой. (2)

170. В Крещение в десять часов утра ходят на воду попы: в это время воду освящают. А одна девка вздумала гадать. Напекла пирогов, взяла петуха и пошла в нежилую избу гадать. Пирог на стол положила, а сама под стол залезла. Сидит, петуха держит. Вдруг дверь открывается, входит парень, тулуп скинул за печку, а сам за стол сел и пироги ест. Вдруг девка смотрит — а у него вместо ног копыта! Она испугалась, скорее петуха шилом пихнула, петух прокукарекал, а парень исчез — только тулуп остался. Девка его прибрала и домой побежала. Мать с отцом со службы пришли и рассказывают, что много людей собралось у реки. И вот что произошло: вдруг вихрь налетел и у одного парня тулуп исчез.

Через некоторое время девуку сватать стали. Парень был хороший. Пожились они. А потом оказалось, что тулуп тот, который она припрятала, и есть его тулуп, который в Крещение исчез. А этот парень и есть её муж. (48)

171. А тут у нас ещё дед рассказывал. Пошел рыбу сачити. Идет, смотрит — береза стоит. А раньше её не было. И солдат стоит. Дед и думает:

— Ну, солдат! Я тебя все равно задавлю!

Только руки развел, чтобы броситься на него, а это береза! Это человек показался березой. Поманило. И сразу он вернулся. В избу свою зашел, а там баба сидит посреди избы. Он ей и кричит:

—А! Пришла воровати! Я тебя все равно найду.

Кинулся за ней, а она — в угол. Он за ней, а она исчезла. Это чертовка была. Тоже поманило. А после этого мать деда парализовало. **Это не к добру манит.** (67)

172. Только вот у меня мама рассказывала. У нее брат. Ему охота научиться играть в гармошку, и он... Ему кто-то сказал:

— Возьми в баню пойд и играй в гармошку, учись в двенадцать часов ночи.

Он-то ушел, говорит, раньше.

— Ну и вот, — говорит, — сижу, в гармошку играю, пилю. Вдруг двери открываются, приходят ко мне, тащат, — говорит, — доски и, — говорит, — меня ложат на эти доски. Ну! Ложат на эти доски. «Сейчас, — говорят, —

мы померяем, отпилим и гроб тебе сделаем». Ой, я испугался. Слышу — пилят! Ну вот это все они сделали, убежали. Никого не осталось. Ну, я опять сижу, играю опять. Потом, — говорит, — я уж играл, играл, играл. До чего уж я долго сидел. Вдруг ниоткуда взялся заяц. Как эдак ко мне подворотился и пукнул всюю. Тут, — говорит, — рассветало. Ну, пришел домой. Ну, больше я не пойду! Столько страху я повидал! Беда! Черти, конечно, не народ. (82)

173. На Великий четверг с вечера в баню идут: если надо чему-нибудь научиться, надо в баню идти и там делать — петь ли, пряхсть, вышисать, лапти плести.

Брат мой на Великий четверг собрался с вечера в баню. Он больно одну девчонку полюбил. Глянулась ему Пелагеина дочка, а она на него и не глядит. Но она больно плясать любила и пела — на деревне первая пельсеньница была, у своей тетки училась песни-то петь. Она все на парней, которые пляшут, хорошо глядела. Вот он решил на гармошке играть научиться. Это чтоб на всех гулянках быть и ей понравиться. Он ночью пошел, уже темно. И в бане темно. Потом кричит, бежит: ему черти в бане показались, Он и гармошку там бросил. Так ночью вроде играли у бани. (201)

ШИЛИКУН

174. Она рассказывала о своем родном брате — Василии Ивановиче. Он охотником был заядлым. Вот он так ушел в лес и вот в это же время гадать у кострища. И вдруг поднялся шум и над лесом шиликун! Это знаете? Шиликун называют здесь. Голова такая острроверхая. Растет-растет-растет-растет-растет. Глазища огненные такие! Владимир Иванович:

— Цюр-то, полно! Цюр. перестань! Цюр-то, полно! Цюр, перестань! Цюр-то, полно! Цюр, перестань!

Не помогает. Тогда стал читать молитвы. Так? И когда он прочитал «Отче наш» — шиликун стал рассыпаться и:

— Ага! Догадался! — кричит.

Так? И рассыпался. Потом все бабушка рассказывала, понимаете:

— Не ходи в страшные вечера хоть в лес. Не рискуй. (173)

175. Выезжали на мельницу часов в двенадцать ночи, чтобы пораньше поспеть. Вот дед мой поехал, а лошадь не идет. Он лешакнул — и тут шиликуны: шапки острые, с ногайками едут, свистят.

— И чуть, — говорит, — меня не по голове ногайкой-то. Увернулся, дак меня за волос задело. Чуть у меня воз не раздьянули. Потом на мельницу привез, все, потом домой поехал.

А у него новина шелкова: черти всю новину шелком выткали. (81)

176. Одна девка села в клеть за стол, заветила про свою судьбу. И взяла с собой петуха. Она сидит, и вдруг судьба пришла к ней, парень. Сел к

ней рядом, разговаривает. Ну, и она чего-то уронила на пол. Наклонилась и увидела — этот шуликун все ноги ей хвостом попутал. А с ней был петух. Она с петухом что-то сделала, он закаркал или запел, и этот шуликун убежал. (115)

177. Девки бегают в пустой, нежилой дом, слушают. Вот чего покажется, то и будет в году. Одни пошли. Вот сидят. Вдруг голос:

— Зачем пришли? Отгадывайте мои загадки, а не то удавлю всех.

Загадал он загадку:

— Что на голове у меня?

А сам-то невидимой. Как угадаешь? Оне-то и не сказали. Он так сшумел, а девки из избы еле убежали! Это шиликуна была. В пустом доме живет. (159)

ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

178. К одной женщине змей летал, мучил её. Она и стала тосковать (а у ней муж недавно помер). Она днем к бабушке одной ходила, а та делала не то — не помогло. Тут в деревню человек один пришел (колдун был). Она к ёму:

— Помогил

Он:

— Это тебе эта старуха сделала.

Заговорил эту женщину, сказал, чего сделать надо. Вот змей прилетает, а она и сделала, как старичок велел. Змей и перестал лётать. Всё. Вот какие колдуны бывают. (41)

179. И к другой тоже ходил муж. Он к ней через трубу летал как огненный змей. Все соседи видят — змей, а ей кажется, что это её муж. Жила с ним, как с мужем. Скоро с ней соседи поговорили, и она сделала крестики из палочек и во все углы, а сама на печку залезла. Змей опять прилетел, посреди избы треснул — только искры полетели и больше не прилетал. (190)

180. У нас огненные снопы летали. К одной женщине девушки шли на вечеринку. Смотрят, а к ней в трубу огненный сноп залетел. Та женщина все о муже погибшем думала. И к ней он ходил. Ей казалось, что муж, а все видели, что это огненный столб. Когда ей рассказали, она испугалась и сказала, что когда он к ней придет, то под стол ляжет и спит, как собака. А когда она женщину позвала, чтоб одной не спать, то её муж эту женщину спихнул с печки. Тогда ей посоветовали взять соль и идти домой задом наперед и сыпать соль — засыпать дорогу: тогда сноп не найдет дома. Так и получилось: больше он к ней не ходил. (194)

181. Про домового вот что я могу рассказать. Соседка у нас жила Дуня. И к ней летал домовый. Он летит, как ржаной сноп. Летит и весь горит. Мы даже сами это видели. Может, это и кажется, не знаю. Она разговаривала с ним, и он уйдет. Он вроде как огненный змей назывался. Ночами летал. Я-то тогда ещё маленькая была. Это в Стерлягах было. (Соб.: А как он в дом попадал?) Может, через окно, а может, в трубу. Этого никто не видел. Он долетит до дома и исчезнет. Это по стихии бывает, если кто переживает, такое недоразумение в человеке делается, когда мужа кто схоронит. Это часто случается. (212)

182. Я работала в Кошатах в июне 1947 года в школе начальной. В этой школе жила учительница. У нее муж ушел в армию. А я пошла одна на вечерку. Выбежала на горочку — вдруг огненная стрела летит: с начала толстая, а хвост тонкий. А я уже слыхала, что к Нюре летает муж в облике. Долетела она до школы и над ней погасла: к Нюре он прилетел. Она страшная такая была. А соседи слышали: разговаривает с ним она, есть готовит, гремит. (147)

183. Умрет человек — летает огненный над домом. У нас одна кудесила, дак у её дома видели — стрела летит, у её дома и рассыплется. Я видела. Она людей и коров портила. Она как умирала:

— Ой, Санька, возьми.

А никто не берет. Пока не сняли две доски, охлупень с крыши, она не умерла. (104)

184. К моей соседке лесной ходил. По улице шар катится быстро и свистит и к ней в избу заворачивает. Раз пробежал, другой. А она к Тихоновне пошла, та и сказала:

— Ты возьми соль и в двенадцать часов сделай кресты из соли на дороге и сказать: «Как соль солоня, горька, чтоб ему солоню, горько было, а мне, рабе Божьей, ничего не нужно».

Сделала она так и вдруг слышит — опять бежит. Вдруг как засвистит да захохочет. Раз пробежал, второй, третий. А на третий раз, видно, всю соль собрал и бросил её о штaketник — как горох застучал! И больше не бегал. (204)

185. В светё, это говорят, если солнышко закатилось, не выходи из дома один. Пугали вот именно нечистой силой... Меч огненный, я слыхала, в трубу к кому-то залетел в святки-то. Какой-то как нечистый дух.

Вот залетел он. И он, видимо, поселился в этот дом на печку. И вот, значит, долго он у них жил. Как они садятся за стол, и он начинает с печки прямо на стол сбрасывать им. Прямо на стол лупит им. Ну и вот они сидят, сидят. Даже поесть не даст. И кого-то они приглашали, кто-то читал молитвы — и он ушел. Это у нас в Иванцеве было. Мякишевы они. Вот у них вывели. Дакая-то нечистая сила появилась в доме. Как садятся за стол, так все летит с печки. (203)

ПОКОЙНИК

186. Ну, сторож в церкви, в часовенке. Привозят с вечера отпевать, а он там лежит. Ну, сторож (ходили слухи, что еретник) это. Ну, он берет с собой клюку, берет петуха в клетке, берет с собой шило и на печку, русскую печку. Ну, он на печку забрался. Ночью двенадцать часов пробило, петухи двенадцать прокричали, он туда заскакивает, еретник, руки на груди, оторвать не может. Ну вот. Он туда залезти не может, так-то руки оторвать, зубами цапается, а тот его клюкой оттолкнет, тот за кирпич-то держится. Выдернул раз так, ну, уже подобрался близко, печку разбирает. А он шилом-то петуха, сторож-то, ткнет, он и вскукарекал. Тот раз заполыхнулся, застыл какой-то момент и снова, второй раз лезти. Тот второй раз петуха шилом, тот снова вскукарекал. Тот было бежать собрался, а он третий раз вскукарекал, тот и упал.

Утром приходят эти люди-то, ну, отпевают его, смотрят — снег выпал, не подметено крыльцо. Видать, правда, еретник, что погубил сторожа-то. Двери-то открывают, смотрят — сторож на печке сидит, а этот уже лежит мертвый тут. (38)

○

187. Значит, в церковь принесли покойника. И вот. А там, значит, жили сторожа. Ну вот. И поставили его в паперть. Вот. Два сторожа жили. И вот услышали — крышка взбрыкала. Услышали. Ну, а выйти они не смеют.

— Чё?

— Крышка сбрыкала.

Переговорились друг с другом. Ну вот. А мужика звали как? Полуха! А он плохо знал это: с чертями таскался, возился. Ну вот. И он ушел. Ходил, ходил, ходил. Пришел. Сам лег на гроб. Вот как петухи должны пропеть, он должен в гроб ложиться. И вот в гроб лег. Ну так вот это пришли. А крышку-то неплотно прикрыли (она плотно-то была). Лег в гроб. Его же бесы некрывали, наверно. (36)

○

188. Рассказывали вот ещё люди из деревни. Девка одна болела, болела. Она терпеть не могла, задавилась. А красивая была, волосы длинные-длинные. Здесь у нас крутой лог есть, она в этом логу многим казалась — сидит на самой вершине елки и поет песни:

Вы не вейтесь, черны кудри,

Над моею больной головой.

Я теперь больна и бессильна,

Нету в сердце бывшего огня.

Она и в живности все эту песню пела, пока жива была. (113)

○

189. У нас женщина одна была. У её дочка взамуж пошла. У её денег на свадьбу не хватило: она там заняла. А идти через лес. Потом уж она, зима это, ровненький снежок. Получку получила. Она дояркой работала. И понесла этому мужчине деньги. Идет поперек лесу, и старичок идет, ей тропинку перешел зимой вот в варежках, в одной рубаше и в одних кальсонах, и шапка на нем надета.

— В руках, — говорит, — веничек. И идет. Я, — говорит, — и не думаю, что этот старик умер.

Она пришла, этому мужику деньги отдала.

— Я сейчас, — говорит, — Виктора Ивановича встретил.

А он глаза, говорит, вытаращил на меня и говорит:

— Ты его видела?

— Да. Он мне тропинку перешел, пошел в баню. Рубашка на нем, шапка надета. Я тут спросила: «Виктор Иванович, куда пошел?» «Я, — говорит, — в баню пошел».

— Да что ты, Семеновна! Он два года как умер! (102)

❶

190. Вот одна девушка была, умерла. Об ней шибко ревели. Так вот её родные собирались на могилу идти и не пошли. А потом приходят и видят — на могиле старичок сидит. Это их поманило. А старичок и говорит:

— Сейчас девушка тут была и поджидала на могиле. В таком-то платке была, — говорит, — в таком-то платье.

Описал её всю.

— Посидела, поглядела и ушла. Вас все поджидала, а вы где были-то?

Это как будто им Господь показался. Все мы не верим, а все правда. И платок описал, и платье. Все испугались. А старичок исчез. Не знают, куда девался. Это дума им показалась. (19)

❷

191. Знаете, какой сон у нас приснился? Рассказывают ведь очень часто все. У меня муж говорит, значит: открывает он двери и в сенках у нас сидит дед и будто в комнату не заходит. И вот у меня муж сидит:

— А где бабушка? Где мать наша? Почему один пришел?

Его жена-то ведь... Мы рядом похоронили, вместе. Вот и говорит:

— Во сне-то вижу. Знаю — похоронен уж. И знала, что с кладбища пришел.

А он отвечает:

— А я её ещё не видел. Встретился там с мужиками и проиграл в карты. Да и долго, — говорит, — вылезал, из могилы долго вылезал: земля, — говорит, — какая-то сырая.

А сын-то:

— Так мы тебя хоронили, земля была сухая.

Вот он ему на ответ говорит:

— Не-ет ужю. Земля вся отсырела. Я чуть вылез.

Ага.

— Дак заходи, завтракать будешь. Чаю попей.

Приглашает его в комнату.

— Ой, чаю, пожалуй, попью.

Зашел будто в комнату:

— Да и пойду, — говорит, — обратно. Там ведь ждут, — говорит, — меня. Да и дежурство у меня.

Это после двадцатого дня было. (140)

❸

192. Ты вот это не записывай, так я расскажу. У меня ребенки-то померли когда, двое в одну могилу, я сильно плакала. Папаша-покойник, свекор, хороший был:

— Анют, не реви, — говорит, — а то утопишь в слезах ты их, — говорит. Когда, — говорит, — мать ревет, дак Божья мать в окошко на их смотрит. А когда мать заревет, и окошко закрывает.

А я-то молодая была так же вот, как вы. Так, думаю: правда и неправда это. А не могла терпеть, все редела.

— Не рези!

Папаша-то ведь очень хороший был и мамаша, хороша семья была вся, жалела меня. Да. Потом я все ревела. Мне уже стало казаться. А муж коношил у меня поночно. Как уходит, они не оставляли меня. Они на повети спали, а я в избе: зыбка здесь была. Мамаша:

— Айда с нами спать!

Не ушла. Чё? На своем месте лучше. Слышала — взревел ребенок у меня в избе маленький. И тогда испугалась я и ушла. И пойду на речку... Все он валеж таскал, ребенок, вот у меня и кажется вот — бежит. Оглянулась — нет никого. А все не прекращала реветь-то. А золовка-то жила (раскулачена тоже: они богато жили, дак и дети хорошо вышли), а мужа посадили на десять лет. Она жила никуда. Все у ей завезли. У её трое было ребят. Девочка увидела большая ночью (она звала меня тетя Нюра):

— Вот, тетя Нюра, ты все время плачешь, — говорит, — Коля-то в реке сколь глубоко!

А это он первый, Коля-то, был.

— А Миша ручку подает, — говорит, — Миша тоже в реке, — говорит. — А тому ручку он подает, — говорит.

Во сне. А ещё я о втором муже ревела, дак он пуще в воде. Потом она же опять видела:

— В колодце сидят, — говорит, — оба ребенки.

Мамаша-то и говорит:

— Утопила всех ребенков. Утопила дитятков всех во слезах. Грех ведь! Говорили!

И я вот скрепилася и не стала реветь с тех пор. А вот сколько годов уж прошло: в тридцать пятом году. (110)

О

193. Вот опять крестна моей сестры была, крестила моих сестер. И вот она к нам. Тоже деревня в двух километрах была. Я и забыла, как деревня называлась, часто туда в гости ходила. И муж у ней умер... Третий-то ребеночек в зыбке качался. Сколько было времени, я сейчас уже не помню. Два ребенка побольше, а маленький в зыбке качался. В зыбке качали детей.

— И вот подбегу к нему, реву-реву: «Зачем ты меня оставил?»

А раньше-то в село на работу ходили. Дорога-то через кладбище.

— Приду на могилу, брошусь, пореву, пореву, соскочу, домой побегу: ведь ребята дома, ни садинов, ничего не было. Ребята одни оставались. Вот прибежала однажды под вечер уж. И вот пришел мужик, говорит: «Надоела ты нам всем», — говорит. Поглядела, — говорит, — глаза большие — по ложке, — говорит. Высокий. Ой! Да и реветь-то забыла! Побежала домой-то. Прибежала. «Ты, — говорит, — всем нам здесь надоела! Ревешь, — говорит, — каждый день по два раза, Ходишь, мешаешь нам», — говорит. Ну вот это-то. Ночью легла спать. Чё? Сенокосная пора, ночи-то короткие. Раньше-то ведь работали допозна. И вот зыбку-то под себя, под себя зыбку-то, под зыбку легла, рядом положила ребят. Ребенок заревет ночью, я вскочу машинально и снова сплю. И вдруг среди ночи открываются двери (закрыты были) и заходит вот этот мужик с большими-то глазами и говорит: «А! Догадалась укрыться младенцем!» И, — говорит, — постоял ещё. Да я ни жива ни мертва. И, — говорит, — ушел, хлопнул дверью. С тех пор я на могилу не захожу. (208)

О

194. А потом слыхала. Потом одна женщина тоже плакала так о муже, о сыне. Пришла я на могилку. А на могилку нельзя тоже одной ходить. И

так ревела, так ревела над могилкой. И подходит к ей женщина, вся в черном, слышь, одета и говорит:

— Дак пойдём со мной. Я тебя выведу.

Она вывела на дорогу и исчезла. Ага.

— Только, слышь, больше не плачь.

Вывела на дорогу и исчезла: никакой женщины перед ней, слышь, нет. Это просто такое как приведение. (111)

③

195. Я как тосковала по мужу! Все во сне видела. Годов шестьдесят жили вместе. Страшными снами видела. На кухне брякалось. До сорока дней меня одну нельзя было оставлять.

А один раз легла я спать, чую — изба отворилася, идет. Идет и ко мне ложится на койку. Ложится теплый какой ко спине-то. Я прижимаюсь. Эдак рукой меня обнимает. Я и думаю... Девочка была у сына-то. Когда она у меня ночевала, а девочке-то ещё только пять годов. Я её щупаю руку: ну-ко, девочкина ли рука? Уй! Большая рука-то! Кто это ко мне лег? Я повернулася. И все как будто я не сплю. Повернулася и вижу — мужик лежит. О! Это какой мужик?! Того соседа подумую, другого — нет, это все не то. А не думала, что это мой мужик пришел. Не палось это на ум, а все про соседей. Какой только? Вдруг он говорит:

— Иди мне надо.

Встал и пошел. Как ушел, я очухалася:

— Господи, я на того да на другого думаю, а ну-ко рубаха у меня у своего мужа, которую накинуду, дак мужик-то, я видела, это он приходил.

Дак ладно — сын ночует. А не ночует, дак я с ума схожу. Как сороковая прошла... У меня сын живет на Украине, в Одессе, у них там церковь есть. Они приезжали его хоронить, дак мне сказала невестка:

— Я вам его отпою да землицы пошлю, — говорит, — в посылке. Дак ты, — говорит, — земельку эту неси на могилку: дак он как отпетый будет. Он ведь крещеный, его надо отпевать.

Как только она послала земельку, как мы съездили в сороковой день на могилку, его помянули, этой земелькой, я вывалила, так с меня гора свалилася. А то мне-ка никакой жизни не было. Хоть куда девайся! (72)

④

196. К свекровке как-то пришла. И говорит:

— Ко мне Афанасий ходит.

Его Афанасием звали. Я говорю:

— Как это ходит?! Зарыт в могиле, дак как он может ходить?

— А вот так ходит. Вот ходит.

— Ну, расскажи ты, мамаша, как?

— А вот, — говорит, — лежу на печи. Дверь, — говорит, — стукнула. Открывает кто-то дверь. Я, — говорит, — подумала, что Ваня-то идет (сына-то, который дядя). Я ведь подумала, что Ваня идет. Ну, я, — говорит, — посумерилась, на печи стряпалась, в общем — погреться. А приходит, за печину держится, за кран за этот. «Ольга, пусти меня погреться». О! Афанасьев голос! Это чего будет-то? Ну ладно. А я к кожуху ближе двинулася — и молитву читать.

Она много молитв знала. Говорит:

— Афанасий, я тебя не пущу: ты умер, тебе место дано, ты и лежи там. А зачем ко мне пришел? Ты меня оставил, и я буду жить одна, тебя не пущу. Иди, иди, на свое место иди.

Ладно. Ночь прошла.

— А как, — говорит, — пошел, как пошел, по дверям дал — так у из-

бы углы закачались! Да. Я, — говорит, — догадалась. На другой день, — говорит, — заперла избу на крючок и сеньки на крючок, сама все перекрестила и углы и опять на печь залезла. Пришел под окошко и стучится: «Оля, пусти меня, пусти. Чего ты меня не пускаешь?» Я, — говорит, — молитвы читаю и речи не отдаю. Да как, — говорит, — пошел да как дал чем-то по углу — изба и закачалась. Я и мучилась, — говорит, — недели две все ходил. А тут жить уж невозможно стало. Поехала в церковь, батюшке рассказала: «Батюшка, у меня вот умер он, не старой умер. Тоже с войны пришел, нога была отнятая, с сердцем плохо». Батюшка её отпел и сказал: «Иди, не бойся». И с той поры все... Отчитал — и ходить не стал. Чё-то недалеко схоронили, чё-то неправильно, на что-то обиделся. (89)

197. Анастасия Семеновна. У ней утонул муж. Девочка у ней маленькая была, второй годик, и мальчику лет шесть. Она схоронила, как положено. Она осталась одна в квартире. Она говорит:

— Как двенадцать часов, кто-то идет на кухню и начинает искать есть. Если молоко — убывало, если хлеб — тоже.

Ночью она спала, вдруг слышит:

— Собирай ужну!

Ей стало страшно. Зажгла лампу — весь дом вздрогнул! На следующую ночь пригласила бабу, накрыла отдельно ужну. Двоим слышалось, что кто-то дверь открыл и вошел. Смотрят наутро — тарелка чистая. Когда ух-дил, дом дрогнул. Наутро бабка говорила что-то и так три раза.

— Догадалась! — сказал и больше уже не приходил. (62)

198. Ко мне муж покойный ходил. Я его очень любила и убивалась, когда он помер. Пришел ко мне наряженный, взял за ноги руками и стал разговаривать. Мама не видела его и говорила, что нельзя с покойниками разговаривать. А дочь его тоже видела. Он через дверь приходил просто, как человек. Потом приходил, в чем утонул. Я ему говорю, а он все молчит. Потом пришел под окно и говорит:

— Ну, как ты? Ты осталась одна, боишься ли ты?

А через год в троицкую субботу приходил, с собой звал:

— У нас, — говорил, — так хорошо. Там столько народу, так хорошо. Дядя тебя лестница в яме сделана.

Я испугалась. Мне посоветовали ножницы положить на порог. Говорят, они всегда до году ходят. Ножницы и помогли. (193)

199. К женщине покойник ходил. Она и не жилица была: ссохла вся. Ей присоветовали бабушку. Она и натакала женщину.

— Пойди на кладбище в праздник какой после молитвы в церкви, собери земли в платочек с могилы, но штеб никто не видел, и побросай у входа-то: у дверей, у окошечков.

Она и сделала. Собрала в один всё день, как старушка сказала. Вот двенадцать часов. Она не спит: муж должен прийти. Слышит, кто-то стучит громко. Она лжжит. Тут стучать в дверь и в окошки чем-то стали. Ей мнит-ся: ломают дом-то. Лжжит. Р-раз! Окошки зазвенели: разбили стекла и дом раскачивается. А крик, шум страшные! Она всё молитвы читает лжжит. Петух скукарекал — и пропало все. Она вскочит — окошки целы. Соседей спрашивает:

— Слыхали, дом кто-то ломал?

— Ты ште? Тихо было.

Вот это она отговорила покойника: он не являлся уже к ей. (11)

200.

Это ещё мама рассказывала. Старуха давно жила, а старик у её был колдун. И он умер. Она одна осталась. Осталась только собака. А он, её мужик, как умирал, крестики просил сделать на ногах (это знаешь, так принято, как колдун умирает, чтобы у него на стопочках прямо кресты начертить). Она не посмела. Ночь пришла, она села на трубочку, на печку, стала молиться Богу, чтобы кто пришел к ней (а это страшно, знаешь, ей стало). А гроб в избе стоял. Изот в двенадцать часов ночи стал он, мужик её, в гробе подниматься. А она смотрит — и страшно ей так! Собака-то подскочила к нему, он и свалил собаку. А потом встал, подходит к печи и стал у ней зубами голбец грызть. А она молится все Богу. Двенадцать часов кончилось, она уже дрожит вся. Вдруг отворяются двери, входит окаянной и хресь его, колдуна, ключами!

— Все, — говорит ей, — спи спокойно. А то в море корабль тонул, мы пособили.

Они его помогли в гроб уложить, черти-те. На следующий день его схоронили. А если бы кресты у его на ногах сразу начертили, то этого бы не было. (24)

201.

Говорят: на печи не кажется. А на печи спала женщина. И свекровка умерла. Она спала на печи, а эта свекровка была колдунья. И вот кладбище-то бы с которой стороны, придет с кладбища, дверь открывает и идет на печь. Та вся лежит, дрожит на печи. Идет, садится, посидит-посидит да пойдет вниз. Идет вниз. Только тут так ошиблася. На столе был квас на кухне, а она ушла к этому к столу и говорит:

— У, сволочи, и квасу-то нету.

И правда — квасу-то не было. И потом пошла и говорит:

— Избу-то благословясь оставляй. Спать-то надо благословясь, тогда млить не будет.

И тоненьким голоском запела, пошла на кладбище. Вот так раньше млило. (166)

202.

Мне подруга рассказывала. У нее бабушка умерла, только похоронили. И вот первая ночь, как без нее спали. А бабушка у них всегда первая вставала и шла сначала к скотине, а потом на кухню — завтрак готовила. И вот, значит, подружка и говорит мне:

— Я что-то рано проснулась в то утро-то. Не спалось мне. И вот лежу на кровати, вдруг слышу — шагает! Явно так, даже половицы скрипят. А в доме все спали: рано ещё было. Потом дверь хлопнула и ведра загремели, будто взял их кто. И затихло все. Потом через некоторое время дверь опять хлопнула и опять шаги чьи-то да в сторону кухни. И там вроде как посуда звякнула, вот когда её достаешь. А потом смолкло все.

Вот это правда было. Говорят, что умершие в первый день после похорон приходят проводить своих родных, в свой, значит, дом. (76)

203.

Спать лягут — боятся покойников, что они придут. У нас Марья жила. Она свою бабушку шибко худо держала. Бабушка ей и говорит:

— Я умру, к тебе ходить стану, все стукать буду.

И стала ходить стукаться каждую ночь в окошко, куда ли. Её один человек научил:

— Кол в могилу колони и приговор скажи. И камни с поля положи на могилу, чтоб она не выходила.

Вот она сходила, кол поставила, камни положила — бабушка боле не стала ходить. Мужик этот говорил ещё:

— Кошакайся пуще, чтоб не ходила она. (70)

❖

204. У нас одна женщина врачом работала. У ей мать удавилась. Они поехали хоронить её. Домой приехали. Она поехала с могилы и причитает. — Вот, матушка, я поехала домой и ты поедем со мной!

Зовет с собой. Вот она, покойная, и поехала за ней. В день похорон они людей дожидают, ложки брякают. Потом она пошла корову доить, видит — мать стоит на крыльце, глаза горят. Три дня они прожили, она все ходит, ложками брякает. Стали они людей спрашивать, им сказали, что это нечистая сила. Сказали — на могилу поехать, кол осиновый вколоть и сказать: «Мама, мы за горами, а ты за двумя горами. Нам с тобой не видеться».

Нельзя звать удавленников. Хошь удавленников, хошь такого человека. Никогда не зови. Это на самом деле было. (58)

○

205. Раз меня поманило. Не надо ночами реветь. Как сын умер, прошло месяца два, не больше. И каждую ночь, ни одну ночь не сыпала. Надо спать ложиться — я давай реветь. Мне все на ум придет, как мы жили, и зареву:

— Господь же ты, мое дитятко!

Заревела, а сама на кровать. Вдруг идет человек. А собаки не лаяли. Вдруг мне в дверь вот так два раз. Это что такое?! Кто?! Я шабашила реветь, слушаю. Да что? Собаки-то где? Потом вторично опять два раза так стукнет. Я говорю:

— Кто?

А его и голос и все:

— Мама, — говорит, — открой.

Тогда у меня волосы стали дыбом. Одна ведь! А я и говорю:

— Почему? Ты прибран, на место положен с Христом. У меня тебе делать нечего.

А он и говорит:

— Мама, ты боле никогда не реви ночью.

Видно, это враг Ваниным голосом поманил. И ночью не поминаю. Утром встаю, поминаю. (13)

❖

206. А вот это недалеко от нас лог Ревунок есть. И раньше, как десять часов, все слышно — женщина ревела и ревела. А потом чего? Видно, не похоронена была женщина, и раньше ведь убивали друг дружку. И она, видно, в сучьях завалена была. И пока её косточки, кто убил, не похоронил, все она ревела. Коров караулят вечером. Как уже время десять часов да одиннадцать, а в двенадцать петухи запоют, голоса и не слышно. Её не видели, а голос слышали. (78)

○

207. Мне дедушка рассказывал. Мужик-от два дома построил. Со строителем-то не захотел рассчитываться, убил этого мужика и схоронил, говорит, в подполье. Идет, говорит, солдат:

— Пусти ночевать.

— Ночуй. Только вот, — говорит, — какое дело: у меня в доме никак жить нельзя, — говорит.

— А чего такое сделалось?

— А вот, — говорит, — как ночь, выходит из подполья кто-то.

А этот, говорит, солдат, видно, знал что-то.

— Ну, давай, — говорит, — я пойду к тебе ночью.

Пошел он ночевать, все чего-то оградился, все окрестился чем-то. Он говорит:

— Правда. Середь ночи и выходит этот человек, какого он убил-то, похоронил в подполье. Я, — говорит, — его оградил, он так и остался.

И стали жить в доме. Это все дедушка рассказывал. (90)

❶

208. Гадали девки на Рождество. Пошли на игрище:

— Давайте погадаем.

— Ладно, давайте.

А шли мимо дома пустого, где никто не живет. Никто не жил, а кто-то постукивает. Они и сказали:

— Старая соседка, приходи к нам на беседки!

Слышат — оттуда отвечает:

— Сейчас приду, прялочку возьму.

Они испугались, пришли и сказали хозяйке избы, где беседушку делали:

— Мы соседку позвали, она и отозвалась.

Хозяйка:

— Вы что? С ума сошли? Вот вам крынки. Сидите! Как придет, ничего не говорите!

А она пришла, они сидят и прядут. И она прядет, прядет, пока все не спряли, пока петух не спел. А спел петух, она уходить стала, прялкой по горшкам давай:

— А! Догадались! (162)

❷

209. Вот мама мне что рассказывала. В одном доме умерла девка, невеста. И все там умерли. Ну вот они (девки) шли на вечерку, старуха их велла. Раньше ведь девок одних не отпускали. Теперь только девок одних отпускают. Подошли к этому дому. Одна-то девка с простой души сказала:

— Нинка, пошли на вечерку!

А она отвечает из пустого дома:

— Сейчас, — говорит, — иду.

Они испугались и побежали с молитвами. А она все равно за имя бежит. В том наряжена, как замерла. Поди, в белом положено, как девке. До дому добежали.

— А чего, — говорит, — звали, дак не дожидаете?

Дак они со вечерки только утром пришли домой. (119)

❸

210. Мама мне рассказывала. Один старик умер. Шутливый был такой. А раньше по деревне ребята ходили, всех на пляску созывали. Вот они решили пошутить да крикнули, вроде его позвали с собой:

— Эй, Ефим, поехали на пляску!

А они уж знали, что он умер. Так тот всю дорогу за ними бежал. Они позвали покойника, он за ними увязался. Так еле отговорили, чтоб отвязался. (68)

❹

211. Шли парни на вечерку. А женщина уж умерла. Проходят мимо её дома и говорят:

— Пошли на вечерку.

Голос раздался:

— Сейчас иду.

Приходят в дом и видят — она заходит. А женщина, у которой вечерка была, шибко знала и говорит ей:

— Хлеб да соль.

И та из-за матицы не вышла.

— А! Догадались!

И пошла обратно. (131)

○

112. Я ещё мала была. Пустой дом у нас стоял. Девчонка там умерла. А девки идут на вечерку:

— Паранька, пойдем с нам плясать.

Она пришла и пляшет и всех расталкивает. Старушки не знают, что и делать. Они весь мот скрутили и говорят:

— Разбери по ниточке.

Она попуталась и не смогла. До петухов все бесы ходят. Не успела — и чурка березовая на полу лежит. В первом часу первый поет. (130)

○

113. Один мужик бабу свою схоронил и все жалел, что она во сне к нему не приходит. Все говорил:

— Хоть бы показалась она. Пойду на кресты в двенадцать часов постою.

У нас одна дорога туда, а рядом с крестами лес. Стоит он. Ветер задул, снег пошел. Вдруг из леса выходит женщина высокая такая — вылитая евонная жена да одета ишшо в то, в чем мужик хоронил-то её! Идет ему навстречу и говорит:

— Ты хотел меня видеть. Я пришла.

Подходит к нему и все хочет поцеловать, а потом щекотать его стала. Мужик перепугался, жарко стало. Он давай с себя скидывать — все, а она от него не отстает. Еле вырвался. Прилетел в одной рубашке в деревню. Отглянулся, когда домой бежал, а сзади вроде яма и земли нет. Божился потом, что приходила она. Говорит, мол, пойдите, посмотрите следы. Да только один евонный след был, её следу не было. Вот ведь поманило как! (10)

○

114. Тут случай был тоже. Одна девушка вот как любила парня, парень её. Вот парень-то умер. Умер парень, ухажер-от её. Вот она все ревет да ревет, все скучала об ём. И вот он ночью показался ей чертом. Пришел к ней ночью, постучался:

— Иди, — говорит, — сюда.

Она вышла на улицу. Он целовал её, миловал.

— Ты, — говорит, — не реви обо мне, Анюта. Я ведь живой. Я живу хорошо. Если ты согласна со мной жить, то давай завтра складывай все. Я за тобой подъеду на паре лошадей. Никому только не говори. Я живу так: у меня комната хороша, все есть.

А девка-то обрадовалась как, потому что парня любила. Вот ничего не говорит матери. Она к вечеру готовится, котомку сложила. Он подъехал в первом часу. Мать спит. Подъехал на паре лошадей. Она садится. Едут-едут. Она говорит:

— Как хорошо.

А он:

— Свети, месяц, свети, молодой! Мертвый живую тащит!

Она как это услышала, крестом себя осенила — его отбросило. Она домой вернулась и с ума сошла. (108)

215. Если кто увидит, как покойник к кому ходит, дак это плохо шибко, плохо. К покойнику это. У его самого в доме покойник будет.

У меня мама сон видела. К ней во сне дедушка пришел, она его спрашивает:

— Ты чего?

А он:

— Мне шибко скучно одному. Пойдем со мной.

Вот и умерла тот год. А надо было отказаться. (26)

216. У женщины муж умер. Не умер, а под трактор попал. А она беременная была. И муж говорит, чтоб назвала в честь деда. Ребенок родился, а она назвала его в честь мужа. А потом приходит вся седая и говорит, что всю ночь ей муж снился и говорит:

— Если не перезовешь ребенка, то я его с собой заберу, задушу.

Бабушки сказали, что надо на кладбище сходить помянуть. Она сходила. А на следующий день у нее ребенок умер. Здоровенький был, а на шее (я сама видела) пять пальцев отпечатались. (65)

217. У меня одна санитарочка умерла. Красивая была. Сплю я как-то. Это на девятый день после её смерти было. Проснулась, минут двадцать полежала, вдруг слышу как хохот. Смотрю — сидит она на диване, где умира-ла (а я в больнице спала, дежурила): в халатике, волосы на резинку. Я и спрашиваю:

— Чего хочешь? Чего ты смеешься?

— Да мой ведь жениться хочет.

— Да я этого не знаю.

— Ты ему скажи, что если женится, я его скот весь уничтожу и его са-мого тоже. А если не скажешь, я тебя утащу.

— А зачем ты пришла?

— Да я молока хочу и корову сосу, потому я и смеюсь.

Сказала и пропала. Я с её мужем поговорила осторожно, а у него ко-рова заболела: из титьки кровь идет. Я ему посоветовала подоить её и принести молоко на кладбище на её могилу. А потом обо всем рассказала. Он все-таки женился. Но старая жена к нему тоже ночью ходит, и они с ней спят, как муж с женой. Но пока все хорошо. (213)

218. Когда моя свекровка умерла, мы с сестрой на печь залезли, а му-жу я сказала спать на койке, где свекровь умерла. Он говорит:

— Я боюсь.

Но все-таки лег. Лежу, слышу: одеяло с него сползло, а потом с меня. Я накрылась, оно опять. И так семь раз. Я уже его держать стала, а у ме-ня его силой рвут. Я мужа тоже на печку положила, и все перестало. Когда рассказала одной бабушке, та сказала, что свекровь не хочет, чтобы на её кушетке спали. (213)

219. Одного мужчину в деревне похоронили, на кладбище отвезли, оста-вили. Лесник там был. Тот мужчина, которого похоронили, был хорошо одет. И лесник могилу разрыл и костюм снял и ботинки. Там даже его со-седка шла, и он её хотел в могилу спустить, чтоб молчала. Она его умо-лила, что никому не скажет. Так вот, говорят, этому леснику корзиться ста-ло. Тот человек, которого он раздел, как вечер, так к нему идет и говорит:

— Ты зачем меня раздел?

И он не выдержал и сам жене сказал. Потом опять могилу разрывали и одевали его. (86)

220. Да вот ведь Герман Георгиевич, учитель, углублялся в подполье (а раньше попов-то не туды на кладбище возили, а по эту сторону богатых хороняли, духовное начальство; так ведь уж давно этого кладбища не было, и церква давно прикрыта), накопался в подполье — череп. Тут, видно, могилы, кладбище раньше было. Унес к реке и бросил. Перву ночь слышит — ревет человек. На вторую ночь. На третью ночь спрашивает (они с Верой оба напугались), Герман Георгиевич спрашивает:

— Ты спишь ли?

— Спала, да ты пробудил.

— А ты слышала?

— Нет, — говорит, — они мне ничего не сказали.

Вера на другой день отрезала матерьялу белого, Герман Георгиевич сделал ящичек небольшой — как бы гробик. Она подушечку сшила, головку эту положила и сверху закрыла, из черной ленточки крестик. Унесли на кладбище, закопали эту голову — как Бог свету дал, больше не слышали. (78)

221. А вот у нас рядом у мужчины задавилась жена. И она была очень экономна. Экономна женщина. А все хотела купить туфли-лакировки, пока работала. Пойдет в магазин, а лакировок было всяких много, посмотрит, покрутит и уйдет. Была очень экономна.

Когда задавилась она, её стали собирать: у нее все было в узелочке приготовлено. Ну и её подружка пришла и говорит:

— Вы чего её положили в тапочках? Вы бы ей купили лакировки.

Тут соседки говорят:

— Ну чего?!

И вот она, когда схоронили, она ночью приснилась подружке:

— Фаина, у тебя в полатах лакировки есть. Ты мне их отдай.

Она нищим отдала. И когда человек попросит, надо унести ему на могилу или отдать нищим, чего запросит. (114)

222. Я расскажу только. Я вот слышала это от мамки. Этот случай уж дальше меня. Были две снохи. А ведь раньше и две и три снохи в одном доме живут. Все в одном доме живут. И вот одна у одной украла золотой перстень. Да. Украла. И вот которая украла, она умерла. А эта, другая-то, ещё живет. Погоди! Как? Она умерла, и эта, другая-то, кто умерла, другая заумерла. Ну, уж её в гроб положили, изладили совсем, но ещё не хоронили. Да. И потом вдруг она оживать стала. Вдруг она... Не та сноха, у которой украли, а эта заумирала-ту. А раньше-то эти снохи звались невестками. Невестки. И она в гробу и заговорила. Оживать стала, в чувство входить, заговорила:

— Невестки-то кольцо у тебя, которая умерла, называет и говорит, больно уж за его её мучат там. Дак вот велела, чтобы ты его взяла обратно. Оно за полкой на захабине лежит (полки раньше у стен были). Да. Так на захабине лежит.

И правда. Полку отодвинули — тут и кольцо лежит. Котора умерла-то, она с ней виделась. (93)

223. Был случай. Помер у одной женщины муж. Она все сделала, как старые люди велели, похоронила. А он к ей ходить стал: она шибко тосковала об ём. И вот сороковой день. Она кутью приготовила, блинов напекла, всех-то угостила. Ходила по деревне:

— Возьмите, моего мужа помяните.

А одной старушке-то не понесла. Та-то болела, а женщина эта и подумала:

— Ей помирать, зачем ей и понесу?

А ведь если помирать, она (старушка эта) с мужем её скорее всех свидится. А баба и не подумала об этом. Он-то, покойник, перестал к ей ходить, а тут и снова пришел:

— Пожалела для меня.

Так она и перепугалась, чуть с ума не сошла. (26)

224. Одна, значит, девка вышла замуж. Мужу ней Бога не признавал. Стали молотить, он снопы подавал, его фартуком в молотилку затянуло. Его похоронили и не отпели. Он и ходил все в двенадцать часов:

— Отпой меня!

Она съездила, взяла землю, отпела — и не ходил больше. А раньше ведь не хотел отпеваться. (182)

225. А тут он (младший сын — соб.) мне во сне привиделся:

— Дай мне, мама, денег: у меня коленки замерзли.

А я его хоронила, кальсоны ему новые не положила. А тут сшила новые кальсоны и одному дедушке нищему отдала. Перестал он мне сниться. (123)

226. Мама мне рассказывала. Привиделось ей. Видела она три гроба: один остался на крыльце, а два отнесли на дорогу. И она подумала, что не жить ей. Ещё видела она вещий сон: все разные покойники, в чем похоронены, сидят за столом — вроде праздника.

— Я пришла, — говорит, — поздоровалась. Они говорят: «Присаживайся». Я и присела. Видно, ждут меня на том свете. А ещё, — говорит, — в углу своего мужа видела. Низко ему поклонилась.

Она в начале следующего года умерла. (4)

227. Сын у одной женщины умер. Он с похорон до девятого дня все ходил, стряпал помогал. Пойдет баба-то стряпать ко скотине, одна ведро несет, а ей корзилось все вот эдак, как вроде мужик ведро ей несет. Девять дён прошло, и все ушло. А то как вроде было двое за одно ведро взялись. Так вот со девятого дня не стал он ходить... Поминки прошли — и все прошло. (138)

228. Я вот слышала один случай. Тоже сон или не сон. Один мужчина решил сходить на кладбище. Он ходил в лес, шел мимо кладбища. А у нас на кладбище такой березняк. И он решил веник наломать: уж так березка ему понравилась! И он наломал листу. Пошел домой и ночью увидел сон. Ему приснилась женщина, которая умерла, может, уже сколько годов — четыре-пять. Приснилась она ему ночью, ну и говорит:

— Надо было тебе наломать листу в мое дежурство!

Все говорят: на кладбище листы не ломают. Я её помню: бабушка Сычева. (140)

229. Пошел один парень на вечер с гармонью под Рождество. Слышит — в пустом доме играют. Здесь никогда не играли. Зашел. Там все пляшут. Народу много. У них в деревне один парень умер, так и он там. Этот парень к нему подходит и говорит:

— Садися тут в сутный угол. Садися, не вставай, все на гармони играй.

Все молодые, которые вымерли, собрались и плясали на Рождество. Он им все проиграл. Как петух пропел, никого не стало, один сидит. Молодые покойники миленькие они, миленькие. (131)

КОЛДУН, ВЕДЬМА, ЗНАХАРЬ

230. Вот в д. Слободище был ворожец. Один охотник ходил на охоту. Ходил двое суток — принес одного зайца и говорит:

— А много ли ты набил?

— Да вот зайчика.

— А много ли ходил?

— Трое суток.

— Ой, ты дурак, дурак. Разве эдак охотятся?! Вот, — говорит, — вечер, сейчас я тебя научу, как охотиться надо.

Выходит.

— Пошли, — говорит.

На задворье пришли, сзади двора.

— Вставай, — говорит, — на коленки и целйся. Только не оглядывайся.

Раз — меж ног пробегает заяц!

— Стреляй, — говорит, — его.

Тот говорит:

— Научи да научи. Чего хошь, — говорит, — отдам.

— Как, — говорит, — я тебя научу? Не могу.

Ладно. Учил, учил — не мог научить.

— Ладно, — говорит, — завтра в бане. Жена истопит баню дак и научим, поймешь сразу.

Ну, пошли в баню. Только двери отворил, а там лягуша рот раззила.

— Прыгай, — говорит.

Он взад-пятки. Научился. Были такие люди на самом деле. Вот тут было. (44)

231. Ворону черную убей и вари, чтобы кость у нее одна осталась. Вот у нас парень один убил ворона. В бане сидит и варит в бане. Сел, говорят, и сидит. Надо варить, чтобы всю ночь просидеть. Посмотрел — змея лезет. Это уж ему корзиться стало. Лезет, шипит. Прямо к нему в баню лезет. Все равно сидел, не убежал. Опять сидит-сидит-сидит — бежит курица, та-

щит воз сена, и этот воз вспыхнул. И он опять не смог — убежал <...>. И с этой костью иди в любой магазин, тебя не увидят. Это отец рассказывал. (74)

232. На Ивана Купалу ночью папоротник цветет. Мне мама рассказывала. Один нищий как-то в лесу ночевал (и как раз на Ивана Купалу было). Он шел-шел, заплутал да и заснул. Заснул прямо в папоротнике. Ночью папоротник расцвел, и нищему цветы попали прямо в лапти. Опали в лапти ему — он и сделался невидимкой. Он утром проснулся, из леса вышел и пошел в деревню просить. Зашел в первую избу просить, а они как закричат и бежать из избы. Его-то не видят! А он не знает. Так они за попом побежали. Вот, взяв цветок папоротника, можно очень разбогатеть: невидимкой возьмешь, что захочешь. Богатым будешь. (202)

233. На Ивана Купалу папоротник цветет. Там, где папоротник цветет, надо подойти к двенадцати ночи. Один дядька пошел в лес. А он пьяный был. Шел, шел и заснул в папоротнике. А как раз был Иван Купала. Папоротник зацвел и попал ему в лапоть (раньше-то в лапотках ходили). Когда ухотил, все зашумело. Пришел он домой, а никто его не видит. Он очень удивлялся, а потом, когда разулся, цветок-то и выпал — он стал снова видимым. Теперь он, как захочет стать невидимым, кладет цветок себе в лапоть. (194)

234. Вон в том домике напротив Васюня жила. Только хорошее она знала, да не больно толсто. У ей ратный червь был. Он в лесу живет, его в пирог запекают и очерчивают. Одного она позвала лечиться, он пришел и видел: она лежит на койке, а вошел незнакомый дядя, стал в двери, руки распялил:

— Если ты мало понимаешь, дак не связывайся.

И все видели: с утра она все делала, а вечером он задавил её. (149)

235. Отец рассказывал. У его деда была бутылка, и он говорил, что в ней двенадцать чертей. Он говорил знакомым:

— Ставьте четверть самогона, а я вам чертей покажу.

И действительно, черти на столе плясали. Потом он эту бутылку жене брата передал, тете Ане. У той было двадцать два ребенка, а осталось двое, остальные умерли детьми. Тетка была колдуньей и хотела передать свое колдовство детям, но они не хотели, потому она очень тяжело умирала: вся сгнила, даже кости, а она все жила. Когда матицу подняли, тогда умерла. (231)

236. Мужики пьяные как-то собрались, нализались, заспорили. Один говорит:

— Хошь, покажу лешего?

Только сказать успел, окна, двери, голбец — все открылось, и вихрь по избе прошел, все попереворачивал, посваливал. (214)

237. Помню (девочкой была), у нас колдунья жила в деревне. Их тогда много было, этих старушек: они врагов призывают. Нам к ней ходить не велили. Нам и самим страшно, а мы все равно идем: посмотреть охота. Вот пойдем, у двери спрячемся, а она к печке русской-то подойдет, вьюшки уберет и читает по книжке (книжка у нее была вроде Библии, но не она).

Только вдруг как освистит в трубе, завоет так: у-у-у! Нам страшно, мы и убежим. Кто-то жил у ней в печке-то: враг, наверное, и был.

А все колдуны умирают тяжело. Она-то, как старая стала, ей умирать пора, стала у всех, кому зла наделала, прощенья просить:

— Простите, — говорит, — во всем. Я вот вам то-то и то-то сделала. (43)

238. Ой, я в лесу-то работала, чё было! Мужик у меня там-то работал, очень болел. Он на плотях ходил, и чё-то к нему пристало. Он мне все говорил:

— Ты постели постелю близко ко мне: давят меня.

— Чё ты?

— А мне спать не дают.

Он вот ночью соскочит и побежит на реку. Я бегу, а он сидит, ногам в воде болтает, как не чувствует ничего. А меня мама научила, как: я тычу ему правым мизинцем в крыльца (лопатки — *сост.*) — он очуствовался. Мама велела, кость ему от мяса под подушку положить: тогда не будет ходить. Лекарицу звали. Она баню истопила и повела его. Овсяной соломы на поллок навалила, напарила его:

— Ты лежи здесь, а мы домой пойдем.

Пришла она:

— Есть свинья?

— Есть.

— Лей воды. Пойдем к свинье.

Она всю ей вымыла, задницу ей мыла, потом сбрызнула этой водой его, дала попить, окатить его. А он весь сырой, как не утирался: пот с него прям бежит. Она:

— Ты принеси плохую рубаху и штаны, с собой забери.

Она пошла к реке, свистнула да вниз одежду-то по реке отпустила. А вдруг заревет где-то:

— Ой, утонул!

А мужик-то потом ничего. Это водяная к нему приходила. (183)

239. А Мухуня-то, тот знался с бесами. Они его раз поймали и в воздух подняли и несут. А другой кто-то шел, увидел:

— Бог на помощь!

Он и упал. Бесы у него все время работу просили: он им семя рассеет и велит собирать. (168)

240. Я вот слышал. Мой дядя. Это было в этой деревне, в Огненках. Потерялась свинья с поросятами. А были такие колдуны — откликались их. Вот этого знахаря привезли от Шулаков. И вот привезли, я вот говорил, Веретья-поле. Позвал. Мы забрались человек пять ребят и заинтересовались, что он будет делать. Вот он на горе-то стал и между ног читает молитву. А они упрятались. И вихрь пришел и умолело его вниз. Поднялся на гору и узнал, что мы упрятались:

— Дураки вы. Вы бы мне сказали, я бы вас отговорил, а то мне попало. (146)

241. Мне покойный отец рассказывал. Сноха нехорошая была. Ночь начетя, она:

— Мою семью и лешему-то не надо!

Такой шум поднимется! А он только на печи лежит, Богу молится. А он только какие молитвы знает, читает. Говорит... Шум поднимется, вся изба... Тут уже она до того доклянёт, вся изба ходуном заходит.

— Ребенки, не бойтесь матушки, ничего не будет, ничего не будет.

А изба так и трясется: вот до того доклянёт. Вот уж она топеря мает-ся — туды-суды, туды-суды. (92)

○

242. А вот вы знаете чего. Я не знаю, насколько правда. Вот здесь сын его живёт. Говорят, что он с чертями знался. Вот он жил на участке там один в доме, семья только их жила, четверо детей. У нас в школе была семилетка под деревней, они все там учились, а он лесником работал там. А мой дядя, вот он много нам рассказывал про этого Семена. И говорит, что он с чертями знается: вот что ни подумаешь, он сразу скажет тебе.

— Вот, — говорит, — я его боюсь. Мысли читал. Вот, — говорит, — заходит, а я думаю: «Вот черт несёт его». Ну, так вот подумаю не больно приятно, а он сразу: «Знаю, знаю, что думаешь».

И скажет так слова его, что он думает.

— И вот, — говорит, — раз пришлось ехать к нему. Едем на лошади в лес. И вот, — говорит, — едем по лесу, и он говорит: «Вот сейчас увидишь кунцу». Действительно, — говорит, — там у елки или у дерева у какого-то действительно сидит кунца. И вот он пушнины больше всех сдавал. Он, видимо, загонял: они прямо на него прибегали. А его дочка Тоня со мной вместе училась, сидели на одной парте. Она такая невеселая. Я говорю: «Чего?» Она: «Ой, отец приехал». Я говорю: «Чё?» «А мы, — говорит, — его боимся». Я потом говорю: «Тонь, а Тонь, скажи, правда ли, что у вас, говорят, отец с чертями знается?» Она говорит: «Правда». Я говорю: «А как?» Она говорит: «А как? Не знаю, как. Мы, — говорит, — все на печке спаемся. Вот он когда напьется, где-то чего-то наберет неизвестно (там же ни магазинов, ничего нет, один дом на хуторе), придет. Обычно все разговаривает. Сидит за столом, все кого-то угощает и только бутылки пустые. Полный стол бутылок. А мы на печи сидим, боимся. Говорят, черти на печи не трогают. И вот он уже старый стал. Ему надо, видимо, передать было. И вот он Васю, старшего, видно, уговаривал.

Он же должен передать, а то они тяжело умирают. Я слышала, их начинают бросать. И вот так бросает, бросает — смирять приходится. (63)

●

243. И они вот это знают, эти охотники. У меня вот сестрянка есть, дак у нее мужик-то вот знался, дак все равно вот есть и знался с има. Все равно они впоследствии не стали ему помогать, вот лесные-то. Его медведь измьял. Вот сейчас третий год лежит. Они в охоте ему помогали. Кто видит — не видит, а ему уже все звери есть. Вот как подгоняли они к ему, а он всегда приходил не простой, все принесет: то медведя приволокет, то волка убьет, то он зайцев пять-шесть, то лису. Все вот так ходил каждый раз. Простой не ходил. А потом, видимо, чё забыл попросить, чё-то он пожался вроде бы. И вот они медведя-то науськали, и он его смял. Не мог убить его <...>. Отец научил из своего роду. Молитвы-те он знал. Не молитвы, а как отговариваться и как разговаривать с ими. Передал отец-то все ему, эти молитвы передал, какие вот знал. (143)

●

244. Здесь мельница была. Этот мельник, говорят, он чего-то знал. Пашком звали. Мои-то родители дак они знали его, этого Пашка, а я уж не запомнил. Он когда строить начинал эту вот плотину (так попробуй на речке,

чтобы сделать плотину!), а он, говорят, бросил какую-то шшепу ли чего ли и говорит:

— Держите, наши и ваши!

И на речке, на проходной воде эта палка остановилась. Он говорит:

— Идите, бейте с этой палки сваи.

Сваи стали бить, мельницу сделали. Этот мельник работал до тех пор, пока его не выгнали. Его выгнали, он и говорит:

— Я уйду — и мельница уплывет.

На другой год унесло мельницу, как он ушел, и той же весной. (47)

245. Вот у нас мельница была, где, знаешь, мост большой, высокий. На этой речке было две мельнички. И вот наверху молот. Он с чертями знался. И вот мелешь раз муку — запищит, запищит в этих колесах! А он сходит, свиную полосу бросит им — значит, не визжат. Он мельницу строит первый раз, где-то чашину срубил, елочку несет. И где остановится, там место строится. Небольшая елочка, метров около полутора. Ковдун! Ковдун!

А если ты вот заспоришь с ним и пойдешь домой, так домой приедешь на второй день. Ты полезешь на сосну, образумишься только на сосне: как попал, не знаешь. Еле слезешь. Он умирал, так двое суток: пяты надо резать у него крестом. Раньше некоторые резали кресты. (52)

246. Мельник у нас один был. Он на спор с мужиками зайцев на печку приводил. Сема Миронов его звали, в деревне Серки жил. Он рыбак был злой. Мог ехать вверх по течению без весла: водяной возил его. (147)

247. Колдунья может птицей, свиньей, ксрчагой оборачиваться. Идут парни вечером, видят — огненная корчага катится, искры от нее летят, по улице катится. Фактически это женщина, старушка. (209)

248. Одна старуха была, Матрена. Диковалась над парнями. В двенадцать часов в кобылу обратился. Парни поймали её. Никиту-кузнеца подговорили. Семь мужиков её привязали, передние ноги он её подковал, задние не смог. Отпустили её. Она домой пришла. Назавтра пришли парни посмотреть её — у нее руки завязаны.

— Чего, Матрена, с тобой сделалось?

А они уже знают, что это он её подковал. С того времени не стала диковаться она. (206)

249. Ночью, часов в одиннадцать, сорока по коньку крыши бегаёт (а она должна ночью спать). Отец говорил. Пришел с улицы, мать говорит:

— Дай лошади сено.

Он пошел, дал и видит — сорока по коньку крыши бегаёт, щебечет. А то не сорока была, колдунья пыталась навредить. А раньше лапти плели и, как кору с дерева обдерут, так без лыка лутошки в углу стояли. Взял отец палку эту, сказал что-то и об коленку сломал. Тут вместо сороки упала старуха. Отец схватил кнут и так её уходил, что еле ушла. А он её узнал. Она была не соседка, но не очень далеко жила. Отец к ней на следующий день пошел, а она на печи лежит, стонет. Спросил сына:

— Что с бабкой?

— А она, — говорит, — не знает, пришла, стонет.

Больше она не ходила: боялась. (209)

250. Маленькая я ещё была. Свадьба была. Пригласили как бы сторожить её, лошадей хранить в ограде. Не гулять на свадьбе, а просто позвали лошадей караулить, пока там гуляют. Ну, этот... Ну, он знал. И когда свадьбе ехать, должны за стол посадить угощать (как поезжан угощают). А они, видимо, то ли не догадались, то ли после их хотели поугостить-то и не угостили. Поехали когда со свадьбы-то, он переворотил всю свадьбу в волков. И эта свадьба, что ехали, все волки убежали в лес. Как, чего он сделал? Мне рассказывали. Я уж маленькая была, бабушка рассказывала. Всю свадьбу переворотили в волков. Волки убежали в лес. А потом кто-то под-
сказал:

— Вы вот что сделайте. Вы плохо угостили его. А кто его знает, кто он такой — колдун, еретник.

Вот они пригласить-то пригласили, а угостили-то плохо. Волки убежали. Сказали:

— Идите, просите его, чтоб был доволен.

Позвали его (дескать, угостили вы плохо, может...). Не те хозяева, уж другие, с этого же дома, только другие.

— Не доглядели да уж прости да извини.

Волки бегают по лесу. Ну вот, пошли охотники стрелять волков. А слава пошла, что свадьба в волков превратилась. Вот эти охотники охраняли, значит, кругом. Как волки настоящие бегают! Потом, когда его угостили, он говорит:

— Чего, дескать? Они там гуляют на свадьбе.

Все ведь видели, у всех на глазах. Когда приехали к жениху, они все за столом гуляют. Как бы сон приснился.

Так наяву все это было. Бабушка все рассказывала эту свадьбу. (126)

251. А тут опять так ведь свадьбу волками сделали. Тоже поехали, уж не знаю, с которой стороны: или к жениху они ехали или что. Оборотили эдак-то, ну на свадьбе ли. Все разбежались: ведь волки-то, они не будут же жить дома. Ну, парень, из которого-то дома, он все ходил летом на поветь, спали-то. И отец взял его подкараулил и хотел уж вилами в живот-то ткнуть и в живот ткнул. А потом тот взял расколдовал их, и он пришел домой. Ну, раз поженились, дак они пришли вместе. И у него, все говорили, в животе этот клочок шерсти был: подстригет, подстригет — опять вырастет. (161)

252. Если колдуна не позовут на свадьбу, он всю свадьбу волками делает. Одного колдуна, свекровка рассказывала, не позвали. Он всю свадьбу волками сделал, да они в окошко повыскакивали и все ходят вокруг деревни. Так его, колдуна этого, звали, он опять направил. Они выскочили, жених да невеста, опять людьми стали. (119)

253. Вот один мужик решил жениться. Сосватали ему. Далёко ездил: она в лесу жила. А одна старушка говорит:

— Я тебе её могу показать, но только на свадьбе. Раньше никак.

— Ладно.

Вот сидят на смотрах, а старушка ему вино:

— Выпей.

Он выпил, смотрит — а рядом медведица наряжена сидит. Медведицей ему показалась. (26)

254. Здесь вот тоже женщина замуж вышла и её в медведицу превратили. Она как спать ляжет, кажется мужику медведицей. Это ей тетка сделала. Тетка её не полюбила. А потом кто-то сделал, что все нормально стало. (39)

255. Едет поезд. Одна женщина (хорошо она колдовала!) квашонку руками месила дома, увидела, что едет свадьба, выскочила. А дружка (он тоже хороший, видно, колдун был), он оборотил её медведем, и она вперед свадьбы. И бежит туда, где свадьба, в этот дом. Прибежала. А она куда? Ведь в квартиру не пойдет она, раз не человек бежит, ушла в туалет. Прибежала и сидит. Идут и видят — медведиха сидит. Из того туалета завизжали да и убежали все. И мужчина испугался бы, не только что...

Ну, он засмеялся, ушел, говорит:

— Ну, будешь ли ещё так делать?

Это который её оборотил-то. Она клянется, молится Богу, что больше никого портить не будет. (161)

256. Одна бабка ходила на кладбище, покойников ела. Мужу приготовит еду и уходит. Вот он её спрашивает:

— Ты почему со мной не ешь?

— Не хочу.

В одно прекрасное время он взял и подкараулил, пошел за ней. Она из могилы выплывает и покойников ест. Вот он допирался-допирался да и сказал ей:

— А что ты наладила? Неужели хуже, чем покойников есть?

Она и сказала:

— Будь ты лошадь.

Лошадь оказалась из мужика. И вот до того её догоняли — вся она в поту. И оставила её у магазина. Идет второй колдун и говорит:

— Ишь тебя баба как уладила!

Навел пузырек, пышкнул — и опять из лошади стал мужик, только худой! Её сразу и насмерть колдун сделал. (51)

257. А бывает, приедет жених за невестой и полу нет или как вода: напустят — нельзя ступить. У одних жених с невестой сидели за столом уже и напустили воду, и там как рыбы плавает. Невеста поймала эту рыбу, а потом вода исчезла — оказалось, невеста жениха за х... держит. (157)

258. А вот ещё тут бабы рассказывали. У Ивана Матвеевича брат пошел жениться. А Иван Матвеевич не хотел, чтобы он женился, говорил:

— Не ходи.

А он пошел все равно. Вот шел-шел, видит: вдруг вокруг вода образовалась, он сидит на островке и никуда не пойдешь — вода! Так всю ночь и просидел. А утром смотрит — никакой воды нет! (12)

259. Колдовали, я вот слыхала. Так сделали. Чего делали, я не знаю. Заходит жених, дружка к невесте. Заходит, это учит:

— Откроешь двери, смелее шагай, ничего не смотри, чего тебе покажется.

Он, говорит, открыл двери — ему не показался пол. А раньше, видишь, пиво-то варили, в бочках было пиво, стряпню, всё там унесут в подполье.

Он отворил, говорит:

— Вижу там бочки, стряпню.

Все там видит в подполье. Испугался. Надо дружить, а он испугался. Его толкают — смелее шагай. Как через порог шагнул, как черпнуло, ничего не стало и пол увидел. Пол украли. Можно сказать, что пол украли у его. (158)

⊙

260. Раз знахарь спорил с мужиком. Мужик:

— Ты ничего не знаешь.

А знахарь:

— Поедем на свадьбу.

Приехали, за кольцо у ворот лошадь привязали, сено дали, сели на скамейку, варежки и шапку на колени. Знахаря встретили:

— А этот?

— Это кучер.

Посидели да пошли. Пошли знахаря провожать. Вышли. А в огороде елка пышна-пышна, наверху лошадь за сук привязана. Вот чего сделал! (136)

⊙

261. Мой дед Роман очень сильный колдун был. Он мог что угодно делать: на спор на крыше хлева капкан поставил, сказал, что зайца в него поймает, и действительно поймал. А на телеге прямо на крышу сарая без лошади заезжал. (199)

⊙

262. Все делают: снимают тоску и накладывают тоску. Если парня нужно поружить, бабка наговорит и тебе даст, ты напоешь.

У меня второй муж был, дак старухи с покойника воды взяли, с приговором меня напоили, умыли, я как тень стала, иссохла: развести хотели. И я потом его выгнала, но так дальше и сохла. И потом мне приснилось три сна.

Первый. Только легла, вроде кто-то идет, топает, подходит к моей кровати, наклоняется и говорит:

— Тебе, девка, божат смерти и ждут, когда умрешь.

Домовой ли был, кто. Я встала, вся тряусь.

Второй. Опять после работы пришла, спать легла. Так же вот и говорит:

— Ты умыта и напоена с гнилого, тухлого мяса.

Третий. Не успела лечь, только ещё наклонилась, вдруг из-под подушки огромная белая крыса. Пробежала по ногам, на пол прыг и в угол убежала. Я свет включила, вся обомлела. Обошла кругом, ничего нет.

Потом четвертый сон был. Пришел, говорит.

— Девка, иди лечись. Ищи бабку, лечись.

Я стала искать бабку, спрашивать. Никто адреса не давал. Потом одна сказала:

— В Шарье есть.

Вот я поехала, едва нашла, и она мне помогла. Она мне наговаривала в мыло, в полотенце, в соль, четушку водки наговорила.

А бабка Дуня приходила весной, увидела меня, говорит:

— А ты ещё жива? Не умерла?

Это она испортила. (155)

⊙

263. И вот тоже, значит, дружили парень с девушкой. Он ушел в армию, у нее остался от него ребенок. Вот. И она пошла к одной бабке, чтоб никто не знал: как бы этого ребенка убрать. Она ей сказала. Она пришла и все сделала. Потом, значит, этот парень пришел с армии, к ней зашел. Она его

выгнала. Пришел к отцу. Ему все плохо-плохо-плохо стало. Уже не ходил, умирать собрался. И отец, значит, решил свозить его к знахарям. По врачам сначала возил. Они его к знахарям направили. Повел он его к одному знахарю, и он сказал ему:

— У тебя есть девушка там?

Он говорит:

— Да.

— У нее от тебя остался ребенок.

Он удивляется.

— Она работает на ферме?

— Да.

— Какая-то ей знахарка бабка сказала, как ей избавиться от тебя и ребенка. Она сказала, что закопай этого ребенка с фотографией под свинарник. Свиныи когда раскопают кости и съедят, и он умрет. Ты мне хоть одну косточку принеси, и я тебя вылечу.

Вот и он поехал. К этой девушке они пришли. Она показала, в каком месте. Там ничего не нашли. Так этот парень и умер. (57)

264. Вот один мужик. Он сколько знал, этот мужик! И знаешь? Над своей женой наддиковался. Вилы взял и поставил на улицу и на вилы наколдовал. А он хотел другую женщину-то испортить — соседку. Ну, пойдет по двору да с дороги их уберет — и ей плеснется (она богатая, соседка-то была). И одна была. Мужа-то у ней не бывало. Завидовал, и вот хотел над ней надголиться: к лешему хотел её послать. Он znalся с лешим-то. Наговорил на вилы-те. А у него баба-то шла. Шла, вилы спознала:

— Чё это наши вилы стоят?

Взяла да и домой принесла. И к вечеру-то ушла и три ночи домой не ночевала. Вот. Он пришел, стал спрашивать:

— А где Маришна-то?

Марией звали.

— Где Маришна?

— А чего мы знаем? Все вместе шли. Она домой шла. Вместе с нами шла. Видели: она вилы ли чего забрала.

— О! Дак я теперь знаю, где она.

Трое суток проходила. Вышел на улицу, сосвистел — пришла домой. У лесного в гостях была. (Соб.: А не рассказывала, как там у него была?) А запретил, не велел рассказывать:

— Если ты расскажешь, где была, чего видела, чего делала, тогда мы уйдем.

Нельзя рассказывать. (143)

265. У нас был случай 26 марта. Два года тому назад, в 1987 году, получил по почте извещение на бандероль из Овсянникова, нашего же района. У меня нет там знакомых. Завтра я приду. Прихожу на почту. Завернутая в бумагу, как бандероль. Получил я эту бандероль, распечатал и думал — дай посмотрю. А обратный адрес — Кузьмина И. П. Бумага оберточная, целлофановый мешок опять в бумаге, платок рваный в крови. Это значит — колдовство пришло мне. Разворачиваю — один платок, второй платок, третий платок. И все платки грязные и даже в крови. В четвертом платочке завернута ложка столовая изогнута, две чайные ложки, вилка тоже перегнута (старые, черные), половина бруска, что вот точат косы, и лапка заячья с костями вымазана вся медвежьим салом, вся в пепле, и шнур электрический без

вилки, и нож ещё поломанный без черенка. Получил я это. Посмеялись все на почте.

— Нет, — думаю, — не понесу домой.

На ограду повесил. В дом мы не занесли эту пакость. Я к соседке. Она:

— Я бы в печь принесла и сожгла.

Мы унесли подальше от дому, разложили костер и разожгли, обожгли все это и закопали. Нас научили сказать:

— Ихний приговор и к ним на двор!

Три раза. Четыре платка — плакать, горевать, очиститься, обтереться (умереть — соб.); нож — чтобы муж с женой дрались, как на ножах; лапка с когтями — чтобы царапались друг с другом, а медвежье сало — чтобы соседи боялись их так же, как медведя; брусок — чтобы точили друг дружку без конца; вилка, нож — это мужчина и женщина — чтобы согнуло нас; электрический провод — чтобы дергало; маленькие ложки — чтобы в доме мало велось. (21)

❊

266. А ещё сколдовали мужа сватьи: стал он бить жену. Работали тогда на сахарном заводе. Двадцать девять лет мне было. Она, жена брата, нашла деда, села перед ним, руки на коленях, а дед говорит:

— У тебя все в подушке.

Да ещё сказал, чтоб то, что найдем, я сожгла. Мы домой пришли, подушку ту распорили (а подушка ещё новая была) — а в ней-то клубки волосяные: желтые, красные, голубые, иголки в них понатыканы разные. Я их на шесток положила, заслонку открыла да зажгла — а дом-то как заходил, загудел весь. Я думала — рухнет! Проходит с час — кто-то в ворота колотит. Ну, сватья взяла палку, веник, бьет её по горбу, след замечает. Ну, муж её больше не трогал, а в бочку посадил и камень сверху положил. — два часа просидела. Раньше больше было. (122)

❊

267. Соседка девка плясала больно хорошо. На масленку катушку делала. Та в бане помылась, а соседка под порог чего-то насыпала, нашептала и как отрывать стало ноги у нее. Не ходит, на печи сидит. Так баню истопили, её принесли, бабка её парила, гнула, ломала.

— Я, — говорит, — тебе сделала.

Раньше-то, вишь, кто заплатит, тому и шептали. (117)

❊

268. Ладно ль расскажу — не осуждай. Михайловна стала замуж выходить, и сноха на нее осердилась и сделала что-то. Как лягут спать молодые, дак ничего он найти у ней не может: как сковорода привязана. Дак стали лечить и вылечили. (165)

❊

269. А я как-то знаю. Семеновна рассказывала. Выходила девочка-то. Говорит, пришел нищий. Пришел. Его плохо наделили. Ну, свадьба: не до нищих. А он, говорит, что-то сделал невесте и говорит:

— Если меня будут искать, дак скажите — я тут на Мошкино ушел в деревню.

Вот это посадили жениха с невестой. Сидели, сидели, она вот так платице раскинула, вытащила груди-то:

— Вот как у меня. Видите, как у меня что?

И давай вот эдак щелкать голые-ти титьки, чё-то закричала. А ну-ко, она хорошая девочка была. Все-ти перепугались, гости да жених. Не знают, что делать-то: сдурела! Это чё делать? А кто-то сказал:

— А вот, — говорит, — нищий был да сказал: «Скажите в случае чего, дак я на Мошкино ушел».

Они запрягли лошадей, давай ехать искать его. Приехали. Ищут, ищут по деревне, нашли у одного.

— Где-ка такой-то?

А он уж на печи лежит.

— Вот, дорогой, чего. Поедем на свадьбу. У нас что-то с невестой сделалось.

— Поедем.

Это нынче бы растоптали заразу такую. Приехали, говорит, чего-то наговорил, напоил — она вошла в чувство. А ну-ка, хорошо ли ей? Эдак-то опозорилась! Его спустили внутрь. Пировал весь вечер с гостями. Вот раньше какие-ти колдуны были! (158)

270. Вот один парень женился. Первая ночь прошла, у них ничего не получилось: кто-то, вишь, петушину голову с иглой под порог бросил. От этого и ослабел. Видно, кто-то злой был. У петуха-то гребень не стоит, лежит. Все у него распухло. Надо идти, а он не может. На телегу свалили и отвезли к бабке. Она вылечила (а это рано схватились). (133)

271. У меня который мужик умер, его одна пожилая женщина, баба напояла, значит. Дак она сварила пырей, картошку, кашу и в это положила своего нарубашного и принесла есть. Ну, значит, он и говорит:

— Больно красно у тебя.

— Ой, я жарко наставила: пригорело.

Он все и съел. Потом он так болел! Ты не поверишь. Ничего он не мог. Врачи не признают порчу, кому что сделано. Дак не поверишь: он все ночи сидит, значит, больше делать нечего. Пошли. Вот Маринья была. Она с бесами зналась. Где-то за Вонданками. Вот я его кое-как уговорила. А его все тошнило и тошнило. А она страшная женщина была. Он зашел, руки озябли, сел к печи, а она:

— Я сейчас с тебя шкуру снимаю: не будешь каждой за подол заглядывать.

Потом она, значит, наставила самовар. Она ему наливает стакан вина и перетянула так ремнем туго-туго.

— Она это вино дала. Я на печь пошел. Немного погодя она: «Дошло ли вино до пят?» — «Дошло». Вот я уснул и целый день выспал. Так и ночевал. «Придешь домой, белье это все сними и положи в баню под полок. И пусть, — говорит (а мы в чужу баню ходили), — пускай кто найдет. Оно тут погинет — и болезнь погинет».

Потом второй раз на исходе месяца ходили, и вот она ему ещё раз надела.

— Ой! Все лучше.

И все равно болел желудок. Он третий раз не пошел. Она ему говорила:

— У тебя все застарело.

Она знала, кто сделал,

— Черна женщина. Она сейчас без ног.

И точно. Её паралич разбил. Улезет в голбец, — там такой топоток! А вылезет вся сырая:

— Думаете, мне легко? (174)

272. У нас сват был Федор Лукич. Настолько он много этого знал! Я приехала в гости к нему прясти. Мама давала четыре кулемки прясть. Из

её выходит десять пас. Утром дело было. Я сижу у тетки Дарьи (а тетка Дарья была за его сыном Димитрием). Сват-от подходит и говорит:

— Афанасьюшка, поищи у меня в бороде!

Борода, видно, зудит. А тетка-то:

— Ой, батюшка, не мешай девке-то: не спрядет.

А он мне говорит:

— Знаешь, я что тебе, Афанасьюшка, расскажу.

А тетка опять:

— Полно тебе девку мурожить.

А он говорит:

— Через два часа приедут лечиться ко мне.

Он знал уж это.

— Четверть вина привезут и балебыки.

Немного погодя, не прошло полчасика, заходит из Притыки Василий Павлович. Приехал с женой Палей. Заходит в избу:

— Здорово живешь, Федор Лукич.

— Здорово.

А Федор Лукич уже все знает. Василий Павлович рассказывает ему:

— Я не знаю, правда ли неправда. Старуха одна полоскала белье, а Паля пришла с хорошим бельем, стала её отпихивать: «Ты подвинься книзу!» Паля-то хотела наверху полоскать, чтобы муть бежала к старухе. Ну вот, пошла Паля эта в церкву-то, старуха-то эта по этому месту (пояснице — соб.) провела. А старуха-то, видно, знала и напустила на нее муки. Она только ко свату пришла, как заревела: «Ой, ой, ой!»

А Федор Лукич и говорит ей:

— А ничего себе. Старуху-то ты отпихнула, а она тебе в церкви-то и шоркнула. Она тебе муки-то и дала.

Василий Петрович четверть вина выставил. Он им помог. Он слова знал, но знал он крепко. (172)

●

273. У нас один случай был. Жили муж и жена в ладу-то, а не заладилась вдруг. Все хорошо, а ночь — так он её бьет, лягается, как бык какой. Ну, она к старушке:

— Помоги, бабушка. Я тебе всяко помогу тоже.

А она говорит:

— Это от зависти те сделали. Не приговорили вам люди добрые на свадьбе. Я помогу.

Вот она и говорит скоро:

— Это тебе вот баба какая сделала. Надо перечерпать колодец. Эта баба бросила коровье копыто в колодец, а вы тую воду и пили и не знали. Ты перечерпай колодец-то.

А муж-то идет на работу. Ён тракторист был.

— Чё это я жену ночью бью?

А потом придет и опять бьет её, лягается. Вот они и перечерпали этот колодец. Тетка её святой воды принесла. Муж стал перебирать, а копыто ему в руки. Жена копыто в бане вымыла, святой водой полила и смыла. Все и прошло. **Надо людей добрых спрашивать.** (35)

○

274. У нас вот дядя. Вот в аккурат тоже так сделали. При этом порчу ему пустили. Приехал венчаться. А церковь была обнесена оградой ведь, не так просто стояла. И назывались «царские ворота». А там дружка, видно, не догадался, а чересседельница была расстелена у ворот-то. Когда ехали, не убрали её. А кто-то, видно, подшутил ну вот на вред. Вот он женился и за-

болел, заболел, заболел. Все у него изболело. А ведь это кто-то знает и на хорошо. На Долматове там деревня есть, в Октябре. Там знали крепко мужики. Один мужик, знаешь, знал. Дак Суслонов у него фамилия была. Ну вот. Сделал ему. Приехал к нему, сделал ему, чтобы она вышла оттудова. Вот он напоил его чем-то, он блевал да блевал да и выблевал как ящерицу. Да. И надо было её сожечь.

— А тетка, — говорит, — вынесла, выплеснула на улицу.

Она снова опять ушла в его <...>. Вот чего знали! А вот он опять заболел, опять ему в животе покою не стало. Он опять к этому же мужику стал касаться. Он приехал, сделал, сказал. Говорит:

— Больше не выплескивайте на улицу, а вот на жар в печь. В печи нати-пи больше жару и туда брось.

Бросили в печь её, дак, как из ружья, она сторкала! И больше все, не зашла она в его. Вот он сам про себя рассказывал. (8)

275. Медвежьим салом мажут. Я любила парня. Она меня лечила — как-то в хомут просаживала, в воду глядела:

— Ой! Ты, девка, медвежьим салом намазана.

У нас девка старша была. Дак вот мы с этим Аркашей больше года дружили. И пришел и говорит:

— Зоя, если тебя нет, я с ума схожу, а как увижу, ненавижу.

Я давай маме говорить. Она меня и послала к этой Егорихе. Послала. Вот я пришла. Она карты раскинула. Потом в воду глядела. Она что-то наговаривала и меня три раза просаживала в хомут. И неодинова ещё. И стало лучше. Я это спрашивала, а она:

— Много тут шепотков не надо. (205)

276. Я вот за Колю вышла. Мне тоже чего-то кинули. Ходила я долго. Голова болит. К одной пошла, она уж знает, как мысли читает. Посадила меня под матицу у печи, голову обмерила, воды зачерпнула. На картах потом двух дам и мужика вытащила. Потом как с кем-то разговаривала. И мне говорит:

— Ты через порог переступила, а там мышь перерванная была. За то её положили, что ты стала с парнем ходить.

А я не знала, что он с девкой не по-хорошему ходил: я бы его за десять верст обошла. (61)

277. У нас скот был плохой. А цыганка одна бежит:

— У тебя, Паша, положено. Хозяйка, носи яйцо.

Дырочку в нем сделала и закрыла тряпкой.

— Поди, — говорит, — в ясли, встань спиной и говори: «Сушник-морник, выйди в это яйцо!»

Мама сделала, принесла в избу.

— Дай сковородку!

Отец размял яйцо, а там типа ящерицы. Цыганка все с собой взяла. (136)

278. У нас был лекарь один, он лечил все. Это в деревне Коршунята. Мама ездила: у нее все сердце болело. Там лекарь, говорят, с лучшим знал. Теперь-то он умер уже. Дак поехали они с отцом к нему, напекли пряников, ещё чего-то. Отец стал складывать, а мама говорит:

— Остаёшь ребенкам-то. Чего берешь?

А колдун все знал, что дома говорят. Вот они приехали, стали доставать ему угощение, а он и говорит:

— Не выкладывай пряники, а вези ребенкам.

А отец говорил все, что мама гуляла. А она-то такая женщина была хорошая. Это отец-то выпьет, вот и говорит пустое. Дак колдун не знал об этом, а говорит отцу:

— Напраслину на хозяйку говоришь.

Отцу-то и стало стыдно колдуна. Вот он маму стал лечить. Принес он с улицы четушку горячей мочи и говорит:

— Пей!

А она потом рассказывала. Говорит:

— Не могу пить-то, тошно.

А это моча от лешего была. Он ему лекарства давал. Ну, они потом ночевать остались, домой-то не поехали, а к нему одна женщина прямо ночью пришла и говорит:

— Помоги. Корову у меня испортили: молоко заперли.

Он говорит:

— Ты остатки молока сдои и в туалет слей, тогда все и отопрется.

Она так сделала, и правда — молоко вернулось. (163)

279. На вред он умел делать, Иван Матвеевич. И однажды его свои деревенские даже предупредили:

— Ты ничего со скотом больше не делай, а то плохо будет.

А тут в красном доме у одного скот пропадал, как наделано что. Вот хозяйка к нему опять пришла:

— Не поможешь ли?

Он и сказал:

— В таком-то месте ищите, у вас зарыта кость с приговором.

И сказал, как разрыть, в такое-то время в реку бросить. Уж не знаю, с приговором ли так ли. Дак пошел хозяин кость бросать — и как волны заходили, какой поднялся стон да брызги! (12)

280. Бывало, что скотина пропадала. Теперь нет таких людей. Насколько приссорожит, настоль и проживет. Корову раз испортили. Мать пошла доить и плачет:

— Сходи, — говорит, — к бабке.

Ну, пришла. Бабка говорит:

— Смотри, что я сейчас делать стану.

Углей набрала, наговорила что-то — соседка прибежала другая. Так и отдала то молоко. Коровы не было у нее дома. Вербку через перекладыню она перекинет — и молоко у нее есть: по веревке течет. (121)

281. Ещё чё могу рассказать из своей жизни. Эта же бабка, которая же научила, и говорит:

— У одной бабки овечки велись крепко-крепко: приносила по тройникам. И она хвасталась: «У меня овечка опять принесла тройникам». Ну и эти бабки говорят: «Погоди! Мы её удивим!» Они пошли у нее покупать овечку. Та овечку поймала, им подала, они три раз переговорили: «Не овечку берем, а племечко уведем». И у этой бабки больше племя не развелось: то одного принесет уroda, то барана. (91)

282. Значит, я корову убрала свою. Мне надо было купить корову. Теперь я тут... Одни поехали. Я пошла: так и так, мне надо корову. Мы договорились, и я пошла. Мне мама и говорит:

— За повод возьми.

А мне говорили:

— Ой, эта женщина знает.

А я:

— Ой, что вы? Мы вместе работали.

Такой доброй души женщина была. Мама мне и говорит, значит. Хозяйка берет свою веревку, значит, ловит корову за рога и ведет ко мне и мне отдаёт. И я её поведу. Да. Мама мне теперь рассказала:

— Когда ты возьмешь корову за повод, поведешь, не оглядываясь.

Ну и чё? Мне хозяйка отдала корову. Как за повод взяла, как расперлась корова ногам, я и с места не могла её сдвинуть. Я привела её домой. Я уже домой шла взад-пятки. И когда я её домой привела, и как она рветь начала. И вот с января месяца и до лета она все у меня ревела. Вот и так я её убрала. И тогда мне один дядька и говорит:

— Девка, это у тебя неспроста корова: что-то ей сделано.

Вот. А я ничего не понимала. И она до лета дожила и отемнела, ослепела. И вот после той коровы я пошла за коровой. Я пошла к бабке. Она мне и говорит:

— Как тебе дадут веревку в руки, а ты попережь её три раза: «Не коровушку беру, племечко увожу». Вот. И значит, эту корову доведешь до леса, до крестов, тут ветку сломи и брось её на дорогу: «Как эта ветка лежит, не тоскует ни о чем, как бы и эта корова не тосковала о своем доме». Три раза.

А потом я завела двор и корову эту долго держала. (91)

283. Колдовство, оно есть. У меня мужик с зятем (давно было) поехали в Аникино корову покупать. Муж-то у меня из Аникина. Вот выбирали-выбирали — никто не продает им. Нашли потом хорошую телку, бусую. Редкая масть такая. Повели её в дом к зятю, а она рвется, толкается: как нечистая сила в ней сидит. Зять и говорит:

— У нас в деревне есть женщина. Она с ней сладит, только бы до деревни довести.

Но они еле довели эту телку. Люди-то в деревне говорят им:

— Это не просто. Это кто-то подшутил. Может, эта же хозяйка жалеет свою животину и на вред сделала.

Они пошли к этой женщине, и она им сказала:

— Не волнуйтесь, я к вам завтра рано приду.

Пришла, погладила телку, пошептала, из-под ног земли брала (навсрно, посыпала). И они повели эту же телку, и она как вкопанная, как ученая, никуда даже голову не отвернула. (25)

284. Был со мной такой случай. Когда меня повезли к жениху, к нам пришла какая-то бабка. А мы с её дочкой дружили, вместе на танцы ходили. И она в это время пришла, когда меня отец с матерью иконой благословляли. Подбежала и говорит:

— Ну, я вам устрою номер!

И подошла к саням. А там у саней у нас никого не было. Вынесли подушки, одеяла (нас там закрывали с женихом). А надо там было крестной моей стоять. Потом кто-то из старух подсказал, чтоб крестная туда побегала караулить сани-то эти, чтоб никто ничего не сделал. А бабка-то эта, видимо, сумела что-то, успела. Крестная, видимо, убежала. Ехали-ехали — не могут лошади идти. Не идут и все! Прямо пена с них валит. Так и валит пена. Один и говорит:

— Надо было узду выворотить и на лошадь снова надеть.

А мы никого, ничего не понимали. Вот у жениха встречали лошади ихние. Наши уж все: не могут идти нисколько. А чего она сделала — не знаю. (64)

285. Ой, какие колдуны-то есть! Мама рассказывала. Они на свадьбу не пригласили колдуна, он и осердился. А было семь лошадей. Проехали лошади километра три и одни туда, а другие туда.

— И мы с мужем приехали одни, — говорила мама. — А где сундук везли, и вовсе с места не съедут. И как не запрягут, дуга вылетит: и с сеном запрягали, и носовым платком оглоблю обмотали — не помогло. Что-то неладно. Потом уж оброть переворотил, седло переворотил и поехал. А его уж все ждут, сундук ждут: без него свадьбу не начинают. (147)

286. Сестру-то замуж выдавали, дак было сделано. Накануне жених сидел, соседи пришли и говорят:

— Ехать-то нам недалеко, быстро доберемся завтра.

А это в Макарятах Ключевских было. А соседка говорит им:

— Никуда вы не уедете.

Дак на другой день за невестой они поехали и не могли дорогу найти. И лошади в пене. Дороги не видят, назад идут. Вернулись. Как быть? Так старик Мелеха вышел в ограду, вокруг лошадей обошел, ворота открыл:

— Поезжайте!

Так они очень быстро уехали. (165)

287. А вот я легенду от стариков слышал. Вот церковь в Лопотове знаете? Там поп Борис был. Один раз он пиво варил. А знал крепко. Сусло уже у него спускалось.

По реке ехали разбойники в лодке. Те и кричат:

— Сусло, стой!

А поп:

— Лодка, стой!

Разбойники и закричали:

— Отпусти лодку!

— Отпустите сусло — я отпущу лодку.

Ну, так и поладили. (140)

288. В Папулове Ефим-коновал жил, холостил жеребят. Знал человек. Охотник хороший был и коновал хороший. Ночевал он у нас раз.

— Хочешь, рыбку покажу? — говорит.

Возьмет лист бумаги, потрет — вдруг на руке сорожина окажется. А то хотел воды в дом напустить, да мы отказались.

Так шел он в Грибошино. Под Бухарами один мужик городил огород. А коновал взял в помощь Алексея. У коновала всегда ремни накоса повешены. А шли в сенокос. Время строгое. Мужик-то и пошутил:

— Видишь, легостаи какие! Люди сенокосят, а вы шатаетесь.

Ну, в шутку сказал. Ефим прочитал что-то — мужик кверху ногами и прилип спиной к огороду, заорал. А Ефим со своим партнером сел у канавы покурить. Мужик говорит:

— Отпусти. Пошутил.

— А будешь ли ещё?

Коновалы — непростые люди. Отпустил тогда. Мужик дальше стал огород городить. Алексей подтверждал это. (40)

289. В лесу у Семена балаган был. Один распорил:

— Это неправда, мол, что Семен знает. Я пойду возьму у него что.

Сел, покурил, взял двух зайцев у Семена да так и застыл в том балагане на две ночи. У Семена две дочки было, так за кого хотел выдать, за тех и выдал. Это редко бывало. (145)

290. И это было на Алтае. Старик пас колхозное стадо. Он часто на работе засыпал. Однажды мимо этого луга проезжал директор колхоза и увидел, что старик спит. Он решил его провести и взять одну корову. Пошел он к пастуху, а у пастуха был посох. Так вот. Директор стал ходить вокруг посоха, сам того не желая. Когда старик проснулся, то стал ругать директора за то, что тот хотел сделать. Потом отпустил. (175)

291. Если человек утонул, то надо то место три раза на лодке объехать, и тело оттуда никуда не денется. Тут, наверно, приговор нужен.

У нас одна девка утонула, Акулина. Пошла куда-то, на берегу оставила платок да батожок. Увидели, хватились. Ну, брат мой знал, что надо делать. Он это место объехал на лодке, и она оттуда никуда не отплыла. Но это он в тот же день сделал. С каким-то приговором объехал. А если бы не объехал, тогда бы уплыла. (212)

292. А ещё по Иванов день ведьмы собирались на горе или на дубе. Один мужчина рассказывал, что у него потерялась мать в Иванов день. Ему сказали:

— Иди на гору.

Её ведьма утащила. Плохо вроде она Бога признавала, поэтому ведьма и утащила. Ну, он вот пришел туда, как-то эту ведьму напоил. Ведьма спит, храпит шибко. Страшно! Да парень этот как-то ведьму порешил, не знаю как. (46)

293. А это дед рассказывал. Он сам с Алтая. И вот знал он одну женщину. Люди считали, что у нее в доме нечисто: по вечерам у нее все плясало — ложки, тарелки. Людям это не нравилось. Они вызвали милиционера. Он хотел забрать её в участок, она отказалась. Он взял в помощь еще несколько человек, и они повели её в участок, но по дороге она заставила всех плясать. (175)

294. Я ещё маленькая была. Бабушка мне рассказывала. Я не помню, из какой в какую деревню была свадьба. А женщина была колдунья: оборачивала людей в кого-либо, в животных, если её не угостят или на свадьбу не позовут. Она могла рассердиться, поезд оборотить.

Ну, была эта свадьба. А у жениха отец жил зажиточно. И он нанял другого мужика, чтоб свадьба была как свадьба (против нее, колдуньи). Её боялись и приглашали, а он не позвал, а взял другого-то. Когда поезд ехал, этот колдун, мужчина, обернулся медведем, а та колдунья коровой и хотела обидеть молодых. Он сразу встал (а поезд уехал), а этот человек и давай её бить. Побил, помял, как следует, ободрал её щеки, царапины на щеке стали. Назавтра этот колдун её спрашивает:

— Ну, как себя чувствуешь?

— Ой, да меня ведь медведь сильно покалечил.

Это нам, внукам, бабушка-покоенка рассказывала. Она тогда деревни называла и имена колдунов этих. (208)

295. Ехали мы с мамой в поезде. И к нам попали две бабки: одна помоложе, другая постарше. И, значит, мы тоже завели разговор. И одна стала рассказывать, что жила она со своим мужем. Приехала там к мужу, а свекровь почему-то её не залюбила. И она верила в черта. И говорят: кто перит в черта, они обручальное кольцо на мизинце носят. И она стала понемногу изживать её со свету. Развела её с мужем. Значит, как? Они, ведьмы, никого не жалеют — ни сына, ни внука. И она решила её сначала извести. Сын начал пить (травками опоила). И потихоньку стала её сживать со свету. Вот. А та-то (её Аллой звали), ей все хуже, и хуже, и хуже стало. Она, значит, к знахарю обратилась. Знахарь ей сказал, чтобы она ничего не брала от нее.

— Налей в чистый чугунок воду.

Написал ей слова и чтоб она их прочитала.

— Как прочитаешь, кто сделал, в дом прибежит.

Она не знала, кто ей сделал. Вот она все так сделала, и к ней свекровка прибежала. Она думала, что это совпадение. Она второй раз сделала, и она второй раз к ней так прибежала с водой, стала у нее просить:

— Вот тебе воды, ты вылечишься.

Она как открыла — запах плохой.

— Нет, я эту воду пить не буду.

Она эту воду оставила и ушла. И она с этой водой пошла к знахарю, к которому ходила. Он так посмотрел на свет, а там ногти плавают, волосы.

— Это мертвая вода. Мертвого обмывала и все это тебе налила. Ты бы выпила и умерла.

— Ну, куда мне с этой водой деваться?

Вот, значит.

— Отнеси обратно свекровке, посмотри, что с ней будет.

А эти ведьмы не любят, когда ихнее приносят им обратно. Она, значит, принесла ей и увидела, что она вся затряслась:

— Это не моё! Это не моё!

— Это твоё!

Поставила воду и ушла. (57)

296. Раз мама теленка потеряла. Все выгоны обыскали — нет. На третий день вечером пошла она к Марье Семеновне. Та пошла, взяла воды (она в воду смотрела и на картах гадала), посмотрела и говорит:

— О, не волнуйся, жив твой теленочек. Тебе скажет завтра о нем белокурая девочка.

Наутро она печь затопила и слышит голосок:

— Саня, ваш теленочек под взвозом лежит.

Решила пойти, проверить. Приходит — действительно лежат овцы, а вместе с ними и наш теленочек. (84)

297. На Прислоне был мужик, Иван Матвеевич. Все знал. Ты придешь — он уж знает, зачем пришла. Соседка ботинки потеряла, приходит к нему, ревет, а он ей с порога и говорит:

— Ты чё, девка, реवेशь? Найдутся твои ботинки. У тебя они под окошком в крапиве лежат.

Люди дак припрятали, а он уж знал. (12)

ПРОКЛЯТЫЙ

298. Или сказка, или быль. Мати проклѣяла свою дочь небольшую. Восемнадцати лет вышел срок заклѣтью, пришла в баню к одному хозяину и жила у него в бане. Рождеством, на Новый год собрались в избу, и стал спорить он (хозяин бани — соб.) с другими.

— Не возьмешь в бане камешок с каменки.

— Возьму.

— Не возьмешь.

— Возьму и не один.

И пошел в баню. В бане ничего, темно. Стал брать, его за руку поймало:

— Стой! На что камень берешь?

Сказал.

— А вот возьмешь меня заму́ж, отпу́щу, а не возьмешь, задавлю.

Он говорит:

— А как я тебя возьму из бани?

— А как пришел за камешком, так и возьмешь.

— Возьму заму́ж.

— Возьмешь заму́ж — бери. Завтра и придешь. А не сказывай никому.

Ночь приходит, она приходит к нему:

— Будешь ли брать ли?

Родителям дома не сказал, а не спит ночь, переживает. Другая ночь пришла, он не спит, переживает.

— Ну, будешь ли брать? Задавлю!

Третья ночь пришла.

— Будешь ли брать? Задавлю!

— Ну ладно. Я родителям скажу.

Он утром встал и говорит:

— Мне жениться надо.

— Как? Только Рождество.

— А ведь надо. Я невесту нашел.

— Где?

— А скажи, что жениться можно, так скажу, где невеста. А я не скажу. Спрошу, как подойти к ей.

Она ему сказала:

— Приходи ко мне, я расскажу, как подъехать ко мне надо.

Он пришел, она ему рассказала:

— Будешь лошадь запрягать, к лошади деревом закладывая хомут (наоборот, значит), дугу вкладывая назад кольцом, не крестися и не говори, что «благослови». И народу много не бери. А потом уж дело наше будет.

И вот он домой пришел и сказал:

— Мама...

А он ведь не видит её: красивая — некрасивая. Сказал слово — должен! И говорит матери:

— Я ведь в провал попал: невесту нашел где.

— Где?

— В бане.

— С ума сошел!

— Пойдем, все узнаешь. Папа, мама, пойдем, запрягай лошадь: вот так, эдак надо хомут, как я говорила и дугу кольцом.

— Ты с ума сошел!

— Папа, все хорошо будет.

Запрягли, поехали. Приехали к бане этой. В бане только огонечек, маленькая лампочка горит.

— Мы с ума сойдем.

— Папа, не бойся, ничего не будет.

Она собрала на стол. Неизвестно, что на стол нанесла. Два человека вынесли сундук:

— Вы меня не бойтесь!

Приехали домой. Слава Богу. Высмотрели — красивая.

— Я теперь человек.

Она своей свекровке рассказала:

— Меня мама прокляла (я ещё в зыбке шести месяцев). Со мной дедушка все возился. А вышли у меня года: «Ну, дочка, нам с тобой расставанье. Иди теперь на Божью волю». Я и пошла. Бельё кладут не благословя — его берут. Это у меня все дарено.

Их описали, обвенчали. Она и говорит:

— Как мне домой хочется высмотреть родителей.

А они недалеко.

— Мама, папа! Мы поедем к тестю в гости.

— Поезжайте: недалеко.

Вот они поехали. Поехали. На дороге пришлось ночевать. Старики спрашивают:

— Вы, молодые, вы к кому идете?

— А мы едем к родителям в гости.

— А где они у вас?

— А вот где. Сегодня доедем до их.

Приехали они к родителям:

— Пустите ночевать нас, — дочь у родителей просится ночевать.

— А куда едете?

— В гости к тестю.

А приехали к матери, отцу. А у их в зыбке ребенок лежит, только:

— Ау! Ау!

Самовар поставили.

— Тетенька, а чё в зыбке?

— Дитяtko, ребенок восемнадцатый год. Хоть корми, не корми — все ревет. Восемнадцатый год я вожусь с им.

Она и говорит:

— Тетенька, можно мне его в руки взять?

Она взяла и под порог свистнула — сделалось полено березовое.

— Мама, — говорит. — Вы не с ребенком возились, а с поленом березовым. Я ваша дочь. Это полено, не ребенок. Я взамуж вышла. Это муж мой. И живу хорошо.

Отец и мать чуть с ума не сошли. Спрашивают:

— А дедушка?

— Это черт. Меня все кормил пряникам да конфетам. (169)

299. Одну девушку мужик восемнадцать годов с собой носил. Больно ревела, сказал как-то:

— Хоть бы тебя леший унес!

Он и унес, в зыбку полено положил.

Двое как-то заспорили: кто в баню пойдет, не боится на старый Новый год. За кирпичом надо было. Один пошел в баню за кирпичом. Вдруг какая-то женщина схватила его за руку:

— Возьмешь замуж, отпущу, нет — не отпущу.

Вернулся, даже дар речи потерял. Поженились. Поехали на масленку по домам. Она говорит:

— Ты вожжи не держи, к корзинке привяжи, которую понесешь.

Поехали в первую деревню — ничего. Во вторую деревню приехали — лошадь сама к первому дому подошла. Она, жена, и говорит:

— Сиди, я в дом зайду.

А там старики с поленом в зыбке. Она говорит:

— Кто это в зыбке? Это я.

Они бросились к ней. Радости было! А там муж пришел и пировали. (96)

О

300. Мать свою дочь прокляла. Та маленькая: плачет. А матери надоело: — Да унеси тебя леший!

Девочка-то пропала. А вместо нее — полено. И мать восемнадцать лет в зыбке это полено качала. Вот прошло восемнадцать лет. А в соседней деревне парни гуляли и поспорили: вот кто ночью пойдет в баню и принесет камень с каменки, этому все остальные денег дадут. Был один не очень сильный там парень. Они решили подшутить над ним: думали — не пойдет (камень-то тяжелый). Он пошел. Только руку протянул, а его руку кто-то хватил! Он закричал:

— Ты кто?

Ему и отвечает:

— Если возьмешь меня замуж, дак дам тебе камень самый тяжелый, а будет будто легкий. А когда придешь за мной, одежду принеси мне, сарафан какой: я вся голая.

Он пообещал. Взял камень, принес, показал товарищам. Они удивились: никто этот камень поднять не может, а парень поднимает.

Парень испугался голосу-то, но никому не сказал. Вот первая ночь наступила, он не пошел в баню, как обещал. Заснул. Слышит — кто-то стучит под окошком:

— Это я пришла за тобой.

Он испугался, а мать его спрашивает:

— Ты никому не обещал ничего?

— Я боюсь.

— Не надо было слово давать, говорить. Теперь иди возьми, что обещал, и иди за ней.

Он пошел, сарафан ей принес, она вышла. Он и удивился — какая красавица! Вот они и поженились. Потом она и говорит мужу:

— Ну ладно. Пожили у тебя, теперь поехали ко мне.

— А у тебя разве есть кто?

— Есть.

И говорит ему:

— Будешь ехать, и громко будет плакать ребенок. Там остановишься. Поехали. Едут по деревне. Он слышит: вот в этой избе ребенок громко плачет. Она и говорит:

— Ну, давай сюда проситься.

Они вошли, видят — в люльке ребенок плачет громко, неугомонно. Тут она взяла его из люльки и как бросит! Да на пол! А это и поленом стало. Все удивились. А она к матери своей:

— Ты зачем меня лешему отдала? Меня лешие унесли. (209)

301. У нас в деревне был обменыш. Рафаилом звали. Роженица рожала и вдруг чё-то, то ли труба гремела. И ребенок стал непонятным: пальцы длинные, лицо длинное, глаза навывкате и все ест. Бабки говорили:

— У тебя обменяли парня. Надо его присекать.

А присекать — это собираются две женщины, которая первая родилась и которая последняя в семье, ребенка на порог ложат под корыто, по корыту ножом секут и приговор там ещё есть, да я не знаю, и обменыш умирает. (147).

К Л А Д

302. Разбойники обокрали кого-то, забрали у него золото и хотели куда-нибудь спрятать то золото. А один мужик, он знал тех разбойников, узнал, где разбойники будут клад прятать, залез на это дерево и сидит. Разбойники закапывают клад и говорят между собою: мол, сто голов положишь, достанешь клад. А мужик им с сосны:

— Сто колов.

Они опять:

— Сто голов.

А мужик им опять:

— Сто колов.

Так и сказали:

— Кто положит сто колов, тому и клад достанется.

Закопали его и ушли. А мужик слез с дерева, наломал сто колов и забрал себе клад (28)

303. Я слышала про один клад. Там есть деревня Абросинки. Там жили два брата. Жили богато. Вот в Троицу все ушли в деревню плясать, только хозяин старик остался дома. Приходит женщина к ему (а он лежал в избе на полу). Приходит высокая черная баба и говорит:

— Федот Федотович, мы сегодня уезжаем и оставляем сундук в паскотине. Скажи малому брату: шел бы он туда ночью, убирал этот сундук. В этом сундуке хватит ему и его детям на всю жизнь. Только шел бы один.

И вот когда собралась семья домой, старик рассказал детям:

— Была какая-то баба, сказала про богатый сундук, что хватит тебе и твоим детям, только шел бы один.

А он один идти боится, зовет брата. И вот они пошли два брата вдвоем. Стали к лесу подходить. В лес только зашли — и вдруг откуда ни возьмись ветер, начал деревья ломать да их вершинами хвостать. Они бежать из лесу. А кто-то им вслед приговаривает и хохочет:

— Тебе одному велено идти, а ты начто брата привел?

Убежали они из лесу. А потом нельзя им было жить: чего только ни делалось, как ни кудесило каждую ночь! То скотину выпустит на улицу кто,

то... Они было навешали две жерди веников, так все веники были свалены в ограду. Бабы не стали одни оставаться дома никак. Так вот получилось. И уехали они в другое место, не стали больше жить. И за сундуком уж больше не ходили. (188)

○

304. У нас зять с Волманги был.

— На берегу реки, — говорит, — котел с золотом стоит.

Он место знал, так два раза копал.

— А когда дохожу, — говорит, — до котла, такие виды начинают хлестать по башке! (54)

○

305. Тот, кто клад найдет, это плохо. В следующей деревне была цыганка, сказала нам:

— У вас тут в ограде клад есть.

Они (кому сказала) не стали клад поднимать. Пришла как-то нищая, они её заставили — она умерла у их. Никуды не ушла. Это злющий какой-то человек положил. (138)

○

306. Клады выходят собакой из подполья. У нас дом когда сгорел, а у нас чулан был, кладовка. Перед этим пожаром из этой кладовки в двенадцать часов ночи мужики понесли гроб большущий. Идут, идут. Они клад несли. И ушли туды: там колодец был. И в этот колодец ушел этот клад. А потом дом сгорел. А ещё до горения люди шли, видели — у их свечка горела ночью. А после, как дом-то сгорел, клад унесли в колодец. Среди ночи в этом колодце ночью свечка горела каждую ночь.

Люди по ночам могут поймать клад. А если бы нашли, тот человек умер бы. (180)

○

307. Мы ехали из села. Да в ночное время. Подъезжаем к воротам. Раньше ворота были и огороды были везде. Въезжаем в ворота. Я ворота отворяю, смотрю — гроб! Человек лежит в гробу. Да? Ну, перекрестился и поехали. А это клад, слышь, попадал нам. Такое счастье! Только бы колонуть, витиком бы стегни — он бы весь рассыпался золотом, серебром ли. (179)

○

308. Ещё клад свечкой может показаться. Мамина свекровка рассказывала. Она спала да ей вроде как привиделось, говорит кто-то:

— Иди на повесть, там свечка горит.

А она думала-думала, потом пошла все-таки, дак только секунду-ту видела свечку. Опоздала. Если бы не опоздала, то, может, клад бы был. (73)

○

309. Да. Были случаи. Раньше говорили. Вот все дед рассказывал. Там у нас как называется озеро? И все говорили, как свечушка горела. Раньше все были рыбаки. И он, говорит, видел, как уточка золотая плавала. Он хотел доехать, а он скажет:

— Не твоё счастье, не тебе оно.

И опять она уберется. Клад-то отвечает: видно, не любому, видишь. (120)

○

310. Брат у меня маленький был младший. Мы ещё подростками были. Пошли покосили, стали разгребать, он закричал. А тут береза стояла.

— Нинка! Нинка! Смотри — золотая курица!

— Где? Я не вижу.

— Вот! Вот!

— Люби её!

А больше не стало её. Мама сказала:

— Это тебе клад выходил, а ты его не поймал.

Наверно, счастье его выходило. (71)

❶

311. А мне мама моя тоже рассказывала. А я сама тоже видела клад-то. Зимой ходила по воду, а за мной идет бык золотые рога и так и говорит:

— М-м!

Шел за мной до самой избы. Голову потом на крылечко положил и опять:

— М-м!

Может, мне этот клад и предстоял. Надо было задеть его прутиком или чем, а я не задела. Бык исчез. Да, он шел когда, за ним и следа-то не осталось: он вроде по воздуху шел. (67)

❷

312. Брат у меня. Он маленький ещё был, а я ещё меньше его была. Вот он ходил, мать коров доила, испугался, прибежал:

— Мам, какой-то баран по избе ходит!

С этого места и дом продали и уехали, жить не стали. Мать-то сразу поняла, что тут клад какой-то. А он был-то годов пяти, постарше, дак может, слышал он да не один — мы и стукнули его.

— А рожки, — говорит, — так и поблескивают, как золотые.

Значит, золото было, а не серебро положено. На всю жизнь счастливые бы были. Надо было его стукнуть. (161)

❸

313. А тут опять клад-ти раньше клали. Слыхала! Соберутся люди и пойдут собирать у людей денег. Собирают деньги, собирают. А не будет отдавать, дак раньше были заслонки деревянные, исколют, заслонку зажгут, его положат и сжигают. Страшают хозяина: а последние копейки отдавай. Вот насобирают, выкопают яму это, а деньги в корчагу положат, выкопают яму, похоронят это и одного человека из партии убьют и тут похоронят, чтоб клад караулить. И завет был — сто годов. На сто годов этот клад: сто годов вылежит этот клад.

И такой был случай. Семья. И видно, не знали клад-от. Видно, клад-от в подполье был. Оне не знали. Сидят, прядут, гости приехали. Вдруг из подполья выходит баран. Идет баран вот эдак: губы положит, а не задевает. Одной, другой положит, а не задевает. Забоялись. Третья-то (а та пряла):

— Ну-ка ты, — говорит.

Он рассыпался — одно серебро. Клад-от! Это клад-от вышел. Рассыпалось. Это чё где взялось? А потом разузнали: это клад-от вышел. (158)

❹

314. Это у дедушки брат умер. Клад у него был. Как только ночь, этот клад выходит, и медная корчага по полу катается. Ночевать кого позовут — никто не шел: боялись. А потом мужчины собрались, пришли и разрубили эту корчагу — она оказалась полна денег. Отнесли в церковь, в казну. А если не отнести, то обязательно в том году в доме кто-нибудь умрет. А у них все равно дочка того года умерла. А клад всегда клали с приговором. (165)

❺

315. К одной женщине в дом все ходила курочка. А у них девочка была, дочка. Её оставляли одну дома. Все уйдут, говорят:

— Не скучай.

А она:

— А ко мне ходит курочка, мне не скучно. Я с ней играю.

Вот ей мать и сказала:

— Ты возьми вичку и чикни её.

Она ударила. Они пришли — и куча золота дома. (154)

316. Ткала крестна. И пришла, говорит, черная-черная кошка. А она ткь.. дак у нее челнок. А она челноком её эдак хлопнула — а она, говорит, вся разлетелась и тут, говорит, серебро. Уж не знаю чё — правда ли это, неправда. Это вот я запомнила. (82)

317. Клад какой-то выходил, говорили. Одна женщина пошла как-то раз (на полянке там лен стлали осенью). Вдруг собачка выскочила и лает, лает. Она комком в нее бросила — и это вдруг все зазвенело и золотом рассыпалось. На Варганихе это у нас клад близ монастыря. Были ограбленные, наверно. (101)

ПРОЧЕЕ

318. Бабка мне рассказывала. Женщина ходила слушать. Ступичек, иконку взяла, тетерку хлеба. Заветила — и покати́лась за ней огненная печка. Она бежать, все выронила. Печка ступичек прокатилась, иконку пробежала, а у тетерки остановилась. Тетерка печке:

— Меня палками били, в печи сушили — не возмешь! (136)

319. Один раз ходили девки заветить. Четыре девки и бабушка заветили, а круг не очертили и ответить-то не могли. Они сидели на овчине. И калена печка показалась. Идет на них: черты-то нет. Их сволокло. А уж потом, в логу, за двором бабка-то отговорилась. А девки эти говорят:

— Мы так напугались! В штанах тпруську принесли. (148)

320. А раз девки поспорили там. Ступа в избу прибежала: катится и катится ступа каленая. Чего-то не умела одна отговариваться. Все те девки, что ходили, все в избу прибежали. и ступа за ними прибежала. Дома-то старушка была, помогла им. А коли старушки не было дома, они заболели бы тогда. Ещё мама сказывала, что все трое на печку полезли, а ступа туда не пошла. Старушка поговорила-поговорила, ступа и ушла. (134)

321. На повертки девки ходили, слушали. Заветить, заветили, а ответить не смогли — и кобылий зад за ними побежал. Однако ладно: они бабушку встретили. Она отговорила:

— Кобылий зад, пойдй назад! (153)

322. Ворожили, говорят, девки, очерчивались, молитву читали, да не поспели убратся. Один только от коровы зад из-под овина выскочил да за

ними. Они забежали в дом. Женщина одна квашонку творила, сунула её в порог — тут это и рассыпалось. (104)

323. Ещё вот в зеркало смотрятся. Я тебе расскажу. У меня сын женился, ну, на вдове. Она молоденькая, в его же годах вышла. Мужик-от больно пил вино. Напился и утонул, умер. Ну и вот красивая, хорошая. Подружил-подружил и это — женился на ей. А пока парнем-то был (вон напротив парень ещё), все с им они ходили. И вот они во святки в зеркало-то смотрелись. В зеркало. Ты тоже поди не писала ещё. В зеркало смотрелись. Пепел я из бани принесла имям. Ночью сходила взад-пятки. И кольцо надо только подвенечное, стакан такой тоненький. Воды наливают, во стакан кольцо опускают, вот и ставят зеркало эдак на стаканчик, вот эдак и смотрят. Не в воду, а в зеркало эдак и смотрят и завечают: «Какая моя невеста, такая и выйди!» Дак вот Толя у нас высмотрел, высмотрел эту Тамару. Высмотрел. Парень этот забегал по избе. Мы этта сидели, а они на кухне сидели, смотрели. Забегал:

— Толя! Ты чего? С ума сошел ли чё?

Они зачуркали её. Очуркали её. Я забыла, как очуркать, чтобы она не убралась. И не трясли ничё. И все ходили, смотрели. И я смотрела. У её двое ребенков — парнишка и девчонка — и все они трое сидят. Ага. Витька забегал:

— Толь! С ума сошел! Ты чего это? На ребенков! Неуж ты с ребенком брать будешь? У тя девка в деревне есть. Ты чего?

Все захохотали. Нагляделись все. И вот ушла она и все. На ей и женился. И теперь живет. Хорошая баба. (97)

324. Вот у нас крестная-покойница. Вот она клала (но надо кольцо венчальное). Она в воду спустила это колечко и поставила на шесток.

— И, — говорит, — смотрю в одиннадцать часов, в двенадцать выходит. Выходит парень. А чё? Ведь раньше-то одежи не было. Парень выходит, такой шинельный пинжак на нем, шапка такая длинная, черная. Раньше такие-то шапки были. Высокий такой парень, — говорит, — только одет больно плохо. Год, — говорит, — не прошел и приезжает этот парень её сватать. Заходит, — говорит, — этот шинельный пинжак и шапка эта длинная. Вот и вышла замуж. Вот в стакане высмотрела.

Вот которой замуж выйти, так и высмотреть, а которой не выйти, не высмотреть. (124)

325. Я сама гадала зимой в страшные вечера: кого увидала, с тем и сошлась. Села я к шестку задницей, на стол пепелу насыпала, блюдецко поставила, стакан с водой на него, а в стакан колечко венчальное:

— Какой мой суженой, увидься в кольце!

И смотрела в кольцо. Вижу: мужчина боком идет и двое детей. Я потом ответила:

— Цюр, полно! Цюр, перестань!

Трубку открывали, чтоб лешак высочил. А нынче никто не гадают: все лешаки ушли в колхоз работать. (71)

326. Мама рассказывала. Они смотрели в хомут. Надо хомут от потной лошади. Этот хомут ставят, а потом туда поставят зеркало, возьмут стакан воды (но надо принести взад-пятки) и в стакан опускают венчальное кольцо и приговаривают: «Мой суженый-ряженный, покажися мне».

И мать рассказывала — она точно видела:

— В зеркале мне показался в шинели. Все заметили: «Ой, Степан! Сте-

пан!» А Степан был похож на Тимофея, моего отца. И он пришел сватать в шинели. А потом одной из девочек появился гроб — её жених был убит. (127)

327. Раньше ворожили: женихов вывораживали. Вот, говорят, пришли ворожить, взяли хомут, зеркало и носили в нежилой дом на Крещение. Одна девка села — ноги в подполье, хомут на шею и через него в зеркало смотрит: борода показалась, она сразу в обморок упала. В тот же год вышла замуж за седого старика. Как приехал сватом Яков, так и вспомнила седую бороду. Пошла за него замуж. Чего уж?! (75)

328. Старшая моя сестра, вот они гадали, когда папа на войну ушел. Дак обычно вот гадали раньше: живой? не живой? И вот она гадала. **Открывается труба [я может что и ошибусь, не знаю], ставится стакан, пепел посыпается на дно и вода. И обручальное кольцо туда ложится. И вот отстоит это все и в кольцо смотреть надо не мигая, пока не появится там изображение. Но мигать нельзя: если мигнешь, то уже ничего не покажется. И вот загадываешь там желания. Если девочки, то загадывают: «Покажись, суженый».**

Наверно, ещё чего. Клава у нас:

— Живой ли папа? — загадывала.

Ну и показался, что живой сидит. Как видно наяву! На одной ноге и на другой по ребенку сидят на коленях. А мама спала на печке. Надо где-то в двенадцать часов было начинать. Она прибежала:

— Мам, вот так и так: папу видела — живой!

А похоронки не было. Запрос делали, так пришел ответ, что пропал без вести. Ну, мама села тоже посмотреть. Она сидела, сидела. И надо ж не мигать. А смутнела вода, а когда стало изображение какое-то показываться, она сморгнула и у нее слезы сразу начались. (63)

329. А вот ещё мой отец ходил ворожить за Осиновку. У него был друг Федор. Он сел в голбец со свечой и с зеркалом. И надо чтобы помело рядом лежало. Так полагалось. Он в зеркало смотрит и видит — его несут в гробу. Он видит, что его, и отвечает:

— Чур, полно! Чур, перестань!

Выходит, голову позесил, ничего не сказал, что видел. Когда он заболел бесной, отец к нему подошел:

— Скажи, что ты, Федор, видел?

— А видел я: меня в гробу несут.

Вот несколько дней прошло, он и умер. (66)

330. Сама про себя расскажу. Мы гадали. Клала я ключ в изголовье в Рождестве. Заперла ведра, два ведра, на замок и ключ положила. И при-
снился мне парень. Я во сне это видела. Я еду на лошади, идет мой па-
рень.

— Куда поехала?

— А навоз повезла.

А сама на навозе сижу. А он говорит:

— Нельзя тебе на смотры идти к подруге.

А я говорю:

— Нельзя, ну и Бог с ним! Не пойду.

А он взял, руку подал, я с саней сошла, с ним остановилась. А лошадь у меня в поле и укатила. Я говорю:

— Лошадь-то ушла.

Он говорит:

— Никуда не девается.

Я проснулась. Это мне все во сне виделось. Маме рассказала.

— Ну, девка, какой ты сон нехороший видела.

Отец скоро-скоро умер: меня на праздники и не отпускали год целый. Все правда и получилось. Сон всю правду мне сказал. (66)

❊

331. На себя ведро запырала. Правда, видела. В одиннадцать часов пошла спать когда, на мосту запырла ведра. А на полатах спали. Видела. Пришел на полаты, каккленился и говорит:

— Давай ключ!

Осенью в аккурат такой и приехал. Такой и был, как видела. (132)

❊

332. Ворожили на блюдечках. Я вот, правда, не ворожила. А вот клала я один раз. Какие-то мостики настилали. От веника прутики обломаеть, постелеш два и поперек. Вот на 14 (января — **соб.**) все время гадали. И вот мне приснился сон, что мы с им едем на лошади вдвоем, доезжаем до речки, и вдруг мост провалился, и исчез мой кавалер. Я одна осталась. И вот сон какой сбывчивый! За этого парня я и вышла замуж, прожила шесть лет, и он у меня умер. (100)

❊

333. Дак вот я ячменем обсыпалась на постели на Новый год:

— Если я за ухагера выйду за этого, привидься мне — мы вместе как жнем на этой полосе.

Вот я обсыпалась и увидела его во сне, своего мужичка. Все сбилось. И на эту полосу мы приходили, жали. (79)

❊

334. На святки ходили к кладбищу. Очертим чертой круг и все стоим. Нас шестеро было: три девки и три парня. Стоим и говорим:

— Кто будет замуж пойдет, кто жениться, колокольцы, пойте, звените, кони, топайте, витики, свищите, хлопайте!

И стоим слушаем. В том конце колокольцы поют.

— Ты будешь, Колька, жениться.

И правда, какие-то колокольцы запели. Раньше с колокольцами ездили. Кто-то ехал это. Когда колокольцы запели, мы сказали:

— Чур, полно! Чур, перестань!

И пошли, побежали бегом в деревню. Прибежали в деревню к старухам. Старухи поют сидят трое:

— Илею! Илею!

Мы сидели, слушали. Кольцо опускают в шайку, то кольцо, то булавочку. Кольцо поймают, трясут в шайке и говорят:

— Тебе выпелся охотник и лесник.

Я говорю:

— Вы чего, бабушки?

А так и вышло: у меня мужик и охотник был и лесник. (66)

❊

335. Я в девушках была. В Симкино есть крестовая дорога. Вот мы и собирались девушки на Рождество. Пришли на дорогу, очертили круг, поставили одну девушку в круг:

— Давай гадай про себя: из какой стороны женихи будут, из той послышатся колокольчики. А если несчастье, худо, мологом постукают.

Со мной сестренка была. Она выскочила из круга, говорит:

— Мне послышалось: будто гвозди в гробу заколачивают.

Только я уселась, слышу — ой, кто-то едет: колокольчики брякают, тря-

сутся, будто нас в Косково задавить хотят. А ещё одна девушка немного посидела — как будто ребенок заревел. Зашли к старухе одной, чтобы рассказала нам гадания наши. А она и говорит:

— У тебя, Аннушка (сестра моя), несчастье будет. А у тебя, Графия, женихи будут.

А третьей сказала, что она на втором месяце беременности. Ну, мы опять на пляски пошли. А в этом году у нас у Аннушки жених стал свататься и не вышло. Ей обидно стало: вот ведь не напрасно все. Старуха умерла, тетка её. Я замуж вышла. А та, третья девушка, родила. Вот ведь все правда. (14)

☉

336. На росстани водила нас одна женщина. В аккурат цветье бывает. В рожь ходили, на угоре там посеяна. Вот нас сколько было, круг оцртили вокруг себя. А у ей мужик служил. Кончилась война, а у ей мужика нет и похоронной нет. Ну, она заветила на себя. И вдруг на этом поле он заговорил. Потом Катя (Катей девушку другу-то звали), она спрашивает:

— Как буду жить: хорошо ли, плохо ли?

Вдруг заиграли гармони и песни запели. А у третьей заветили про её и вдруг:

— Ого-о-о-о!

Да так громко! Да три раза! Да у ей брата посадили и мать посадили. Уж что-то тут есть. (3)

☉

337. Слушаться в Новый год ходили. Я у свата в гостях была. В Крещение это все делался. Девки вот собрались [нечетное нужно число] да в двенадцать часов ночи пошли на развертки. А там слышалась песня така под гармошку:

Скоро, скоро с елочки

Шишки упадут.

Скоро, скоро нам, товарищ,

По винтовочке дадут.

Дак завечали на двух парней — Аркашку и Ваньку. Их-то скоро и в армию забрали. (142)

☉

338. Один раз я ходила, рожь цветет. Война была. Пять человек нас было. Одна знать должна, как чего. Взяли мы квашенник, на котором хлеб отваливали, поскребенник и тестеник (ножик). Уселися кружком, ножом обвелись, квашенником закрылись, хлеб в середине. А у меня сестра училась. Заветили и слышно: ребята зашумели. Так она всю жизнь учительница. (135)

☉

339. Свекор у меня был портной. Когда умирал, благословил нас золотыми монетами, по две монетки. Ему принесли шить. Раньше называли — кошуля: делали из овчины и тканью покрывали. И вот ему принесли шить кошулю и пуговики. Ну и вот. И он говорит... У него была сестра. Она пошла петь илею. Смотрит — лежат пуговики. Она схватила пуговку и пошла петь илею. И ей выпала песня, что умрет нынче. Пришла, ревет. А когда отец стал шить, одной пуговицы нет. Ищет. Она посмотрела на пуговицу:

— Ой, я же с этой пуговицей ходила илею петь.

И женщина эта умерла, которая приносила кошулю шить. (127)

☉

340. Раньше выносили гребни, на крыльцо вешали. Тоже вот я от мамы наслушалась. Она выносила гребень. Вот. Вынесешь гребень, вешаешь его на нитку и завечаешь: «Какие у меня у суженого будут волосы, если выйду на сегодня году взамуж!»

И вот мама говорит:

— У меня каштанового цвета полный гребень начесан был.

У папы-то каштанового цвета волосы-ти и были. (36)

341. Меня сноха сомутила:

— Давай поворожим, жив ли Андрей, а у меня Миша.

Давай, дескать, хлебом поворожим. Горячий хлеб эдак на пальцах в квашне:

— Если Андрей жив, дак иди по солнышку, коврижка, а не жив — против солнышка!

У меня повернулось против солнышка: у меня убили в самом начале. (171)

342. Воразивали и это. А вот раз завечала девушка одна. Вот покружают петуха и курицу под лукошком:

— Вот если выйду замуж, то курица и петух пойдут за стол, а не выйду — разойдутся.

Ну, интересно: эта девушка и вышла. Петух и курица залетели за стол и ишшо поют у колодки. (77)

343. А ещё мамину легенду расскажу. Ходила она на Иванов день за дом крапиву заламывать. На меня заветила, на себя, на всех. А через несколько дней и говорит мне:

— Пойдем, дочка, крапиву смотреть.

Приходим. Одна крапива высохла — умерла, другая — криво, но выросла. Остальные нормально встали. Стала я спрашивать, чья крапива погибла, но она ничего не сказала. А когда муж-то мой умер, мама мне и говорит:

— Галочка, ведь это Володина крапива тогда умерла. А кривая крапива-то мамина была.

Она долго и тяжело болела, но выжила. Вот как бывает. (175)

344. Помер папа у нас. Нет. Не помер папа ещё, жив был. А он больной уж был. К маме-то пошли мы с сестрой на могилу, а они селянку делали на сковороде. Я и заветила:

— Если проживет (тятенькой звала раньше так) тятенька год — чиста селянка, а не проживет год — дак могила будь.

Вытащила селянку-то — а так вот могила, такая могила выздубилась. А тут подле этой ямки какая-то маленькая. Она в положении была, Анна-то.

— Ой, — говорит, — тятя у нас умрет.

Так и сбылось. Помер тятя у нас, и этот мальчик помер у Анны. Вот это уж лично знаю. (110)

345. Ходили на ручей слушали. Девушка загадывает: «Выйду ли на сегодня году взамуж, так услышу колокольцы. А если что случится, так тако и услышу».

И вот одна девка (мама рассказывала) тоже зимой ходила, слушала:

— Пойдем, Симка, на ручей.

Пришли они на ручей. Она только пала и услышала мамин плач. Приговаривает:

— Господарево дитятко! Господарево милое!

Вот как соскочит, побежит.

— Пойдем, Симка, ещё на дороге послушаем, на разъезд.

На кресты это. Ну, пала и точно такие же слова услышала — материн рев.

— Пойдем на снег ляжем, картинки сделаем.

Ну, пали на снег. А картинки как делали? **Падешь на снег на спину** (раскинув руки — **соб.**) и: **картинка выйдет хорошая** — хорошо год проживешь, **появится вторая картинка** — **замуж выйдешь**. Мы уж ничего не гадали. И у этиё у девушки (Паранькой её звали), и'у этой Параньи вся картинка взбуровлена и даже наложено в левой руке. И значит, она до сенокосу дожидла и утонула. Вот мама-то ревела у нее. (36)

⊗

346. В войну ходили бабы гадали. Моя хозяйка, где я жила, говорит-то:

— Пойдем погадаем, жив ли не жив де мужик мой.

А ей пришла похоронка. Пришли, она снег в подол гребнула и давай полоть:

— Есть у меня Толя жив, послушьясь кто-нибудь, иди!

Вот она полола, подол отряхнула, как с крыши доски повалятся: хлоп-хлоп! А я девка была молоденькая, у меня волосы ежом встали. Я так испугалась! Она ответила и все перестало. Она говорит:

— Я второй раз пополю.

Не верит. Как опять доски повалят: как ровно доска на доску с крыши! Ой, сколь страшно! И так ей муж не пришел. (210)

⊗

347. Как-то (я уж бабой была, у меня ребята невелики были) я пошла лен мять — три километра от дома нашего, в другую деревню ходили лен мять. И вот с соседкой идем, двое. И две вороны летят. И вот каркали, каркали они, зная:

— Кр-р!

И потом низко мимо нас пролетели с перевертышем.

— Ой, Женья, к чему-то нехорошему ведь, говорят.

Она же говорит:

— Чему быть, того не миновать.

И вот на второй день после того у меня мать умерла, а у нее мужика избили, опоили в общем, умер! Вот он (ворон — **соб.**), видимо, что-то определяет. (143)

⊗

348. Говорят, **перед смертью хозяина бывает** — **два голубя схватятся и кинутся в окно**. И вот у нас было. Племянник погиб в учебном бою, так в этот момент я у печи сидела. Вдруг мне птица в окно. Грознуло мне. А дня через два Ване, мужику моему, тоже птица в окно грознула, воробей. Мы ведь кровные ему были, дак вот и предсказание. А вот ещё он крещеный был, потому и предсказание было. А зять вот некрещеный умер, вот мы и не знали ничего. **Лучше, если человек крещеный**. (25)

⊗

349. Есть птичи такие — в **судьбу**. Я раз вот это чула: кто-то ковыкает. Я сунулась к окошку, поглядела — нигде нет. А один парень неженатой (ему годов-то дивно было) пошел на работу в пять часов. По прямой дорожке пошел. А это все ковыкает. Пойду на повесть — сорока на слеге рывкала. Я без всякой задней мысли сороку угнала. Слетела. Только время, наверное, четвертый час дня, говорят:

— Сережка утонул!

Который мужик этот прошел. Видишь — она, сорока-то, провожала его. (53)

350. Как опять бывало. Я тоже робила на участке. Пошла в пять часов на работу. Где пекарня, ложок этот-то. А от пекарни тут раз мне кто-то в голову. Я отступила в сторону — передо мной на дорогу птица пала. Она на голову-то ушиблася. Я постояла перед ней. Я этаким птичи-то и не видела. Спорхнула, улетела. На работу пошла, день отработала, опять домой иду. Подхожу к реке (я тут была с утра), женщина догнала. Я через реку ещё не переехала — Коля, мужик, удавился того же дня. Видишь, кака птича-то, вещая. (53)

351. Вот у меня был гвоздик вколочен. Повесила на гвоздик подойник с молоком. Пока убирала, бежали по матице две мыши и упали в аккурат в ведро. И в этом году два покойника было — свекор и муж.

У нас считается: если мышь залезет в молоко или куда хочешь, несчастье будет. (21)

352. Выхожу на поле, смотрю — заяц не заяц, кроль не кроль. Смотрю — уши серые, лапки белые, а сам весь белый. Отскочил, опять на меня смотрит. Одела очки: ну точно — заяц! Я отошла, он до леса не убежал.

— Ой, зайца видела — не к добру.

И точно: Ваня запил, корова заболела, ногу нарушила (через ограду ползла). (20)

353. А ещё такой случай был у нас. Одна женщина пришла домой, смотрит — по комнате ходит такой черный большой кот. Она давай за ним. А кот в трубку в печке прыг и убежал. Она подумала:

— К беде это.

И правда: сын у нее утонул <...>. Как бы поманило её этим котом, что, мол, неладно с Колей-то, с сыном. Наверно, чувство телепатии было. Чувствует сердце-то. (28)

354. Вот у нас в деревне девушка одна жила. Война-то началась, она на фронт попросилась. А были у нее такие косы хорошие, так она их отрезала: под пилотку-то неудобно было. Отдала косы матери, а та их за зеркало положила. Ну да времени сколько-то прошло. Мать косы-то из-за зеркала достала, а они и рассыпались у нее прямо в руках — через несколько дней похоронка на дочь пришла. (141)

355. Я вот видела во сне, будто дочь моя купила себе платье красное, цветок вышит красный во всю грудь. Она (дочь) говорит:

— Хорошо ли платье?

А я говорю:

— Не больно оно тебе подходит: красно.

А отец-то покойник говорит:

— Самый раз тебе подходит.

Так она вскоре родила и грудь у ей болела та самая, на которой цветок был вышит. (115)

356. Как-то на Рождество или на Новый год приснился мне сон, будто идем мы на ферму. Сын позади меня идет. Вдруг чувствую — его сзади нет. Оборачиваюсь — его и вправду нет, он в землю провалился, и голос из земли слышу:

— Мама! Я задыхаюсь!

И вот в том же году ему горошина в горло попала. Еле вытащили: чуть не умер. (34)

357. Мы там жили у Бушуют. А раньше ведь косить не больно разрешали. Надо корову чем-то кормить. Пошел отец. Где-то ушел осенью. Да. Там у нас поляна большая была, Хонихой звали. И раньше на эту Хонику от той стороны народ ходил, с нашей стороны народ ходил, плясали в праздники-ти вот (Троицу да там ишшо, может, какие праздники есть). Летом-то собирались, ходили, шибко плясали ведь раньше. Молодежи-то много было. Теперь ведь все в города уехали. Да. Отец вот ходил там, покосил. Да. А потом не рано, он уже перед вечером:

— Пойду, — говорит, — сгребу.

Да. Погреб там немного, и ему помлило.

— Помлило, — говорит.

А это ведь тоже млит, тоже предвещает. Предвещанье бывает. Да. И вот прибежал.

— Все, — говорит, — бегом бежал.

Недалеко он бежал: с километр или полтора. Прибежал, весь запыхался, спрашивает:

— Ты чего больно запыхался?

— Ой да и не говори, Марина. Я там греб да мне помлило.

— Как помлило?

— А вот как вот тес дескать, доски раскатились. Вот доски раскатились.

А один в лесу: испугался.

— Да ладно, — мама засмеялась. — Ой да и правда?

— Правда.

И на второй день у него братан помер. Вот ты говоришь. (105)

358. В 1980-м году Олимпиада была. Я села под корову, дою. А сено так плотно было — не потаскать. Попросила сына. Говорю:

— Сережа, иди потаскай!

Сижу во дворе. Вдруг он прибегает и говорит:

— Мама! Что это пало?

Я говорю:

— Не знаю. Я все время здесь была.

Он на потолок сунулся — нигде нет ничего. Ему помстилось. А через неделю я упала и почку раздавила. Лежала в больнице, чуть не померла. Говорят ещё, что двоим манит, а троим нет. (18)

359. Меня манило перед смертью старика. Сидим вечером. Вдруг ограда бухнула: эдак рухнула, аж дом сдрожал! Он говорит:

— Сходи: может, ограда упала.

Я сходила. Ограда не падала. Ну ладно. Прошло. Утром хотела печь топить, вдруг на улице — тор-тор-тор! Слушам сидим. Кто-то вроде стену разбивает. Я сходила посмотреть — нигде никого нет. И после этого умер мой старик. (60)

360. А вот бабушка рассказывала. Она овдовела молодая. Осталась она со свекром, со свекровью. Теперь свекор уехал на лошади: тогда возили зерно. Они его ждали. Старухи пряли, пряли, легли спать. Свекровка уснула:

— Слышу — на подволокe тес лежал на гроб, и навроде эти доски потащил по потолку и в окно вроде вытащил. Так я, — говорит, — испугалась!

Да. Взглянула в окно — ничё нет. И на следующую ночь лошадь пришла домой, а свекор мертвый. И подлезли под потолок и потащили в это окно. Как предвещанье было. (99)

361. В другой раз пошли мы с мужем в баню. Стал он раздеваться, и вдруг с кладбища стук раздался, как будто гроб заколачивают. Я испугалась, а он успокаивает. Я сама чувствую, что Володя тоже боится. И опять услышали этот стук. А через некоторое время он умер. (175)

362. А то ещё рассказывал. Он когда на шахте работал в Нижнем Тагиле, там тоже манило: **если слышится — поют, играют на гармонике, так к несчастью, обязательно к обвалу.** Они были вдвоем. Вдруг с выработанного места слышат — идут, на гармошке играют. А с ним старый был шахтер. Говорит:

— Убегаем, Мишка, с этого места!

Так тут же обвал был на этом месте. (75)

363. Меня как-то поманило маленькую перед бабушкой. Три года было. Я играю в песке. Вдруг показалось на крыльце — красный сарафан с галунами и ноги, а лица, головы не видела. Я побежала к маме:

— Мама, к нам гостя пришла.

Мама и говорит:

— Тебе это поманило — и умрет кто-то.

И умерла бабушка. (49)

364. А это была Отечественная война. Там у меня братья работали. Там мы ещё жили, в Слободском. Ну и пошли домой со второй смены и говорят:

— Мам, на небе красные столбы, красные, зеленые, синие, всякие. Так вот они переходят. Так, мам, страшно!

Да. Ну, она правда сходила, мама, на улицу. Пришла и говорит:

— Это, ребята, перед войной. Это обязательно перед войной, — говорит. Правда. И война случилась. (82)

365. Вот случай был. Брат Миша пошел в деревню на гулянку. А раньше пиво варили. Это рожь-то две-три ночи мочат. Она вырастет, её три-четыре ночи парят на печи, потом надо сушить, усолодить, значит. Так вот шел от девки. Да поздно уж было. И шел, значит, лесом возле речки. Там как раз поварня стояла. И дорога там под гору и в гору. Он спускается, видит — пиво варят, искры из трубы летят. Перекрестился!

— Бог с тобой!

Без Бога не до порога. А как на плечо кто-то сел тяжело так. Он стряхнул, значит, с левого плеча. Говорит:

— Не помню, как на гору взлетел.

Это не перед хорошим. Того году война началась. Он на ней руку потерял правую. (59)

366. Примета такая есть. Внук уезжал в армию, документы дома оставил вернулся. Все старушки заохали:

— Нехорошо будет! Нехорошо будет!

Уехал он. Сначала был тут у нас, потом в Афганистане. Писал сначала, а потом — нет письма, нет письма. Что такое с парнем? А я как-то картошку копала, вдруг вижу — Коля Федосин ко мне в огород. А у него есть телефон. Я к нему:

— Сказывай, что сделалось?

Вот сердце как учувствовало. А он мне:

— Сереженьку у вас убили.

Примета вот верная была. (66)

367. Я вот тоже увидела отца Веры Павловны: он около церкви стоял. Я к нему побежала навстречу, здороваюсь. Он молчит, на реку смотрит. Я его обошла, опять здороваюсь, а он молчит. Я пошла и встретила Веру Павловну, рассказала ей, что отца её видела, а она говорит:

— Да он же дома на диване спит.

Через три месяца он умер. (213)

368. Я на стол ребенка положила после родов. Вдруг вижу — мужчина идет ко столу. Это мне показалось так. Я как заорала, схватила ребенка и на печь. Ой, думаю, неладно. А мне старушка одна разъяснила:

— Неладно, — говорит, — молодушка. Видно, по девку приходил.

И девка через два дня у меня умерла. (69)

369. У меня сестра. Так вот она себе звала смерть, чтобы умереть скорее. И вот пришла к ней старая старушка на крыльцо, постучала. Сестра вышла, а та ей говорит:

— Ты меня звала, я за тобой пришла.

А сестра говорит:

— Я сейчас ещё не хочу.

Тогда смерть говорит:

— Тогда я за тобой не скоро приду.

И вот она ещё много лет прожила. (86)

370. Даже вот рассказывал дед. Он же не женился: отец-то одиннадцать лет остался.

— Вот однажды, — говорит, — навозные возки...

А возили собирались все поочередно: сегодня у одного крестьянина возят, завтра у другого, назавтра у третьего. Дед корову подоил.

— Иду, — говорит, — в избу — женщина в белом платочке так вот поджалась, ходит по избе взад-вперед, ходит и ходит. Я, — говорит, — стал читать молитву «Отче наш» — вдруг никого не стало.

Ну, сколько он рассказывал!

— То вот войдешь в ограду, видишь — головешка тлеет. Ну вот такой обрубок. Ну, прямо искорки-искорки тлеют, тлеют и тлеют. А уже приспособились и не очень боялись. Подойдешь, — говорит, — пнешь — ничего нет! Никакой головешки нет! Я уж не боялся, приспособился. Но все равно было неприятно. Ну и что посоветовали? Поднять один угол избы и заложить туда какую-либо молитву. И все. И больше никого не было. (127)

371. Мне в больнице ещё вот что рассказывала одна пожилая женщина про свое детство. Девочка осталась с подружкой дома, а мать ушла на ферму на всю ночь. Они поиграли, поиграли — не могут заснуть. Потом видят — из двери, из шторки выходит женщина, как бы плывет. В старинной одежде, в белом, с большой косой. И что-то им сказала:

— Спите!

Рукавом повела — они заснули. А наутро проснулись, уже не было никого. (186)

О.

372. Я лично видела. Была я на вокзале. У меня раньше мама на вокзале работала врачом. Поезд уже уехал, и мы уже собрались с мамой уходить домой. Я вышла первая, а мама свет там выключала да всё. Вот. И вдруг увидела: перрон, лестница, спускается образ женщины высокой, как дым, фата черная, платье черное, но она прозрачная, как дым. И спускается она, значит. Я испугалась и убежала обратно. С мамой мы вышли, и уже ничего не стало: рассеивается. Но после этого мы приехали к бабушке — два брата утонуло. (57)

О.

373. Я работала учителем в Нагориных, а по праздникам ходила домой в Калабино. Иду по дороге. Уже темно. Прохожу мимо речки (она около перелеска текла). Вдруг смотрю — в перелеске огонь горит, а вокруг него хоровод водят люди. Сами люди-то как из огня. И хоровод молча ведут. Я испугалась, побежала быстрее домой. А на обратном пути уже ничего не было. И следа от костра не осталось. (197)

О.

374. Раз просыпаюсь ночью, потому что меня кто-то за руку трогает. Смотрию — три мужика стоят в розовых рубашках и говорят:

— Давай нам вина, мать.

Я испугалась, говорю:

— Да нет у меня вина-то.

А они мне:

— Да как же? В погребе две бутылки стоят.

А так и вправду было. Я взяла и перекрестилась. Смотрю, а их уже и нет. Пошла я тогда к двери — она на крючок изнутри заперта. Тогда на следующий день я пошла к бабушке и рассказала. Она мне сказала: соли на порог положить и в угли посыпать. Я так и сделала — больше никто не ходил. (192)

О.

375. Раньше у нас Петухова гора была, дак там все млило. Ехал мужик под гору, и выпала баба, убилая. Да тут схоронили на угоре. Так там все млило.

У меня свой мужик шел из Окатьева. Ему тоже помлило: за им бежало, затопало. Казался как мужик. Дак он два километра на костылях скакал до дому. Прибежал, окошко сразу сохвтал:

— Открывайте, за мной бегут!

Сухало да сосвистало, дак он бежал без оглядки. (185)

О.

376. Еще такой случай мне рассказывали. Один парень нашел пятак ранешний. Ему мати говорит:

— Храни его теперь. Это Богом дано. Как его потеряешь, так и голову свою потеряешь.

Вот он хранил, всю войну с ним прошел, да потом и потерял. А один раз он сон видел: под бомбежкой он голову под корень пихает. Пошел он рыбу ботати да и утонул. Пятак потерял — так и человек потерялся. (73)

О.

377. Вот свекровка это рассказывала. Эдак мати шанежки пекла, а ребенок говорит:

— Дай шанежки!

Она говорит:

— Провалиться тебе сквозь землю!

Ребенок стал валиться: вот эдак по пояс ушел. Она побежала за попом.

А поп говорит:

— Ничего, — говорит, — нельзя сделать. Три поклона положи, перскрестись, чтоб он провалился.

И он провалился. А когда провалился, все кричал:

— Мама! Дай шанежку! (119)

378. Бабушка у нас, мать маминой мамы, умирала. А после этого двенадцать лет жила. Её спрашивали, что там-то было, а она говорит:

— Ничего нельзя говорить: запретили. А только отпустили ещё двенадцать лет пожить да сказали, что запирать молоко у коров самый непощенный грех.

Вот она двенадцать лет еще пожила и умерла. (164)

379. Кикимора в озере живет, как блоха, маленькая, черненькая. Татары их ловили и бросали всем. Поймает и бросит, а она потом вырастет, человек падает, глаза, рот раскрывает, а кикимора рассказывает, что видела, что слышала, с кем он жил — все подробности, все грехи, все измены.

Одна женщина поймала, кикимора-то и говорит:

— Ты чай пила, а я на больнице сидела. Ты чай пила, не благословясь, я в чашку и прыгнула.

Все рассказывала: с кем она была ночью. Только в церкви выгнали. Поп отчитывал. (116)

380. Кикимору берут с болота и сажают в человека. Сестру просватали, так ей посадили: у нее живот рос. Она когда умирать стала, кикимора у нее изнутри заговорила человеческим голосом. Когда сестра умерла, ничего, никакого живота не стало и форточки выбило. Это берут с наговором с болота, может быть, и миру лягушечью. На три года была посажена. Когда пить хотела, так не своим голосом говорила она (61)

381. Одна женщина воз сена везла через лес. С лесу, с веток к ней на воз порча прыгнула (на коми — «вшея» или вроде того что-то) и залезла в нее. У её душила. Захочет она выпить и душит. А женщина эта, если она вина не купит в магазине, она её повалит и душит. А выпьет вина, она веселая. Она там внутри нее говорит, внутренний голос. Это мне рассказывала наша секретарь-машинистка. Она к этой женщине ходила. Женщина эта с ней разговаривала, с порчей:

— Ты почему внутри меня живешь? Выбирайся!

— А как я выберусь? Я уже большая выросла: не выберусь.

— А если операцию сделать?

— Меня не поймать, если операцию сделать: я в ногу выберусь. Я бы тебя задушила, только, — говорит, — жалко: ребенок маленький.

А любит, видимо, вино. В самую грязь свалит и будет давить. Не поправится что-нибудь, она её душит. В Коми очень много колдунов. Мы не всм, а ведь есть много. (5)

382. Вот в нашей деревне (это когда-то давно рассказывали) жил колдун. На нашей улице, наверно. И вот все боялись к нему даже ходить: мало ли чего он сделает. Боялись просто его и все. И вот была подружка у меня Катя. Она сейчас в городе живет. Так вот у её матери там какая-то родня была, так вот она пострадала от этого колдуна. Я не буду сейчас говорить всю родословную. Так он за что-то на них разозлился и сказал им:

— Смотрите! Ещё попомните меня!

А у них была дочка. Восемнадцати ещё не было.

— Я, — говорит, — сама это все видела, а так кто-нибудь сказал бы — не поверила.

Он ей посадил что-то внутрь. Ну вот, в общем, она, эта девушка, она как будто говорила не от себя. Представь себе, что она разговаривает не от себя, а как будто внутри у нее кто-то говорит — двое. И это, и эта девчонка (я забыла, как они назывались-то — Маня и Ваня как-то). И вот она говорит:

— А Мани есть хочет!

Или вот Ваня говорит устами этой девушки. Ну вот говорят, она ела, так много съедала. И вот ложку бросит:

— Ваня не будет это есть <...>.

И вот когда она засыпала, рот у нее всегда был открытым. И, говорят, у нее вылетали две птички и садились ей на грудь. А как она начинала просыпаться, они обратно убирались. В общем, она очень мало, три года всего, прожила после того, как это с ней случилось. А до этого-то нормальная была. (63)

383. Я вот ездила в гости к сыну. Дак вот в эти года была кикимора посажена в старушку. А она больно воровала. Ну и вот она придет в церковь, ко кресту ее не пускают, ведут ее под одну руку и под другую — и она вот заклыхчет-заклыхчет, делается как не своя. <...>. А как поведут её ко кресту, ей совсем плохо. (171)

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

(С УКАЗАНИЕМ МЕСТА И ГОДА ЗАПИСИ)

ПОДОСИНОВСКИЙ РАЙОН [1988]

д. Бреньково

1. Литовальцева Клавдия Петровна, 1924 г. р. — 135

с. Лодейно

2. Замятина Александра Сергеевна, 1925 г. р. — 169

с. Октябрь

3. Головкина Анна Егоровна, 1922 г. р. — 336

д. Останино

4. Куковерова Ольга Евгеньевна, 1914 г. р. — 226
5. Мызина Антонина Ивановна, 1927 г. р. — 381

д. Погорелово

6. Чащина Екатерина Максимовна, 1913 г. р. — 146

д. Серкино

7. Тестова Ульяна Ивановна, 1917 г. р. — 75

д. Токовица

8. Мызина Мария Михайловна, 1919 г. р. — 274

д. Черницыно

9. Курдюмова Валентина Александровна, 1934 г. р. — 73

д. Щеткино

10. Зайкова Любовь Степановна, 1924 г. р., — 213

ЛУЗСКИЙ РАЙОН

д. Березино [1991]

11. Румянцева Авдотья Ивановна, 1908 г. р. — 49, 199
12. Румянцева Анна Назаровна, 1914 г. р. — 258, 179, 297

д. Боровица [1989]

13. Пономарева Лидия Васильевна, 1913 г. р. — 205

д. Букозьно [1989]

14. Буковская Графия Ивановна, 1904 г. р. — 335
15. Логунова Нина Михайловна, 1919 г. р. — 128

д. Бухары [1989]

16. Семерикова Римма Николаевна, 1926 г. р. — 52
17. Ссольникова Павла Александровна, 1910 г. р. — 2

д. Волбаз [1989]

18. Бачуринская Тамара Всеволодовна, 1928 г. р. 358
19. Дружинина Лидия Александровна, 1911 г. р. — 36, 190
20. Суханова Татьяна Ивановна, 1946 г. р. — 348

д. Дресвище [1989]

21. Жуков Вячеслав Иннокентьевич, 1929 г. р. — 265, 351

д. Емельяново [1989]

22. Ледышева Александра Степановна, 1914 г. р. — 35
23. Плюснина Авдотья Сидоровна, 1911 г. р. — 71, 133

д. Ершово [1991]

24. Долгополова Елизавета Макаровна, 1912 г. р. — 56, 140, 200
25. Симушина Зоя Семеновна, 1927 г. р. — 283, 348
26. Чабаяевская Лидия Александровна, 1912 г. р. — 215, 223, 253
27. Шмакова Евдокия Николаевна, 1929 г. р. — 249

д. Еськино (1989)

28. Пластинина Нина Зосимовна, 1939 г. р. — 302, 353
29. Сапронова Екатерина Петровна, 1939 г. р. — 98

д. Заборье [1991]

30. Воронина Зоя Ивановна, 1915 г. р. — 31
31. Гусева Надежда Прокопьевна, 1954 г. р. — 33
32. Плюснина Серафима Михайловна, 1918 г. р. — 49

д. Загарье [1991]

33. Захарова Галина Николаевна, 1929 г. р. — 88

д. Залесье [1989]

34. Шахматова Нина Егоровна, 1934 г. р. — 356

д. Куликова [1991]

35. Мартыанова Нина Ильинична, 1934 г. р. — 273

д. Лопотово [1989]

36. Литвинова Дина Степановна, 1925 г. р. — 9, 15, 187, 340, 345

д. Лунданка [1991]

37. Гладышева Александра Петровна, 1913 г. р. — 153, 186
38. Гладышева Галина Александровна, 1925 г. р. — 186
39. Мельчакова Зинаида Семеновна, 1921 г. р. — 82, 254

д. Месино [1989]

40. Зимирев Василий Михайлович, 1913 г. р. — 287, 288

д. Овсянниково [1991]

41. Захарова Лидия Ивановна, 1905 г. р. — 95, 178

д. Огорелицы [1991]

42. Горячевская Лидия Николаевна, 1914 г. р. — 48, 139
43. Чернышева Павла Васильевна, 1914 г. р. — 237

д. Пловска [1991]

44. Пупышев Сергей Иванович, 1918 г. р. — 230
45. Притчина Галина Николаевна, 1929 г. р. — 126

д. Погост [1989]

46. Носова Серафима Львовна, 1909 г. р. — 16, 292

д. Прислон [1989]

47. Белоглазова Валентина Николаевна, 1954 г. р. — 244

д. Ручеры [1989]

48. Богданова Зоя Павловна, 1921 г. р. — 170

д. Угол [1989]

49. Дружинина Валентина Анатольевна, 1929 г. р. — 363
50. Симириякова Нина Алексеевна, 1929 г. р. — 148

д. Учка [1990]

51. Михайлова Пелагея Егоровна, 1904 г. р. — 256

д. Филино [1989]

52. Белоглазов Иван Михайлович, 1908 г. р. — 102, 245
53. Туганова Тамара Ивановна, 1935 г. р. — 17, 349, 350

ОПАРИНСКИЙ РАЙОН [1990]

д. Березовка

54. Конасов Алексей Артемьевич, 1921 г. р. — 110, 304

д. Волгарица

55. Бестужева Прасковья Осиповна, 1906 г. р. — 116
56. Пономарева Екатерина Дмитриевна, 1919 г. р. — 101
57. Терентьева Елена, 1975 г. р. — 263, 295, 372

д. Ворошилово

58. Дудина Ольга Васильевна, 1921 г. р. — 204

д. Дуванное

59. Шахматова Лидия Андреевна, 1979 г. р. — 365

д. Комарово

60. Плосконосова Мария Ивановна, 1916 г. р. — 359

с. Молома

61. Бабкина Екатерина Николаевна, 1924 г. р. — 276, 380

62. Воронина Наталья Ивановна, 1925 г. р. — 197

63. Дубровская Галина Дмитриевна, 1937 г. р. — 242, 328, 382

64. Наныльникова Лилия Николаевна, 1928 г. р. — 284

65. Рябова Любовь Васильевна, 1968 г. р. — 130, 213

д. Нижняя Волманга

66. Степанова Наталья Васильевна, 1910 г. р. — 329, 330, 334, 366

67. Суровцева Антонина Васильевна, 1909 г. р. — 51, 141, 172, 311

68. Чебыкина Мария Ивановна, 1932 г. р. — 207

д. Нижняя Паломница

69. Бетехтина Евдокия Семеновна, 1914 г. р. — 368

70. Желобова Трифена Семеновна, 1915 г. р. — 203

71. Кикирева Нина Васильевна, 1923 г. р. — 310, 325

72. Степанова Любовь Дмитриевна, 1906 г. р. — 195

д. Нижний Починок

73. Шушарина Мария Федоровна, 1910 г. р. — 308, 376

д. Стрельская

74. Котельникова Августа Андрияновна, 1908 г. р. — 231

д. Шабурь

75. Герчиков Федор Николаевич, 1924 г. р. — 327, 362

76. Рыбакова Галина, 1965 г. р. — 38, 166, 202

д. Шадрино

77. Новоселова Васса Даниловна, 1904 г. р. — 342

КОТЕЛЬНИЧСКИЙ РАЙОН

д. Барановщина [1991]

78. Тарасова Любовь Константиновна, 1917 г. р. — 86, 203, 217

с. Боровка [1992 з]

79. Гурдина Харитина Михайловна, 1913 г. р. — 333

80. Кислицын Петр Алексеевич, 1927 г. р. — 115

с. Вишкиль [1991 з]

81. Боброва Александра Николаевна, 1924 г. р. — 175

82. Веснина Клавдия Алексеевна, 1913 г. р. — 172, 312, 364

83. Конева Евдокия Николаевна, 1921 г. р. — 64

84. Рычкова Августа Павловна, 1921 г. р. — 42, 55, 296

85. Садырин Николай Семенович, 1920 г. р. — 216

86. Садырина Павла Григорьевна, 1911 г. р. — 369

87. Спирова Зинаида Ивановна, 1904 г. р. — 147

д. Воронково [1991]

88. Шалагинова Надежда Алексеевна, 1914 г. р. — 59

д. Глушковы [1992 з]

89. Глушкова Анастасия Игнатьевна, 1924 г. р. — 196

д. Гребенята [1993 з]

90. Гребенева Наталья Тихоновна, 1912 г. р. — 97, 207

с. Катин [1993 з]

91. Сыкова Ефросинья Дмитриевна, 1914 г. р. — 281, 282

92. Казановцева Ефросинья Степановна, 1906 г. р. — 241

93. Мигутина Мария Дмитриевна, 1914 г. р. — 219

94. Овчинников Петр Афанасьевич, 1927 г. р. — 123

95. Сибирякова Зоя Ивановна, 1926 г. р. — 122

96. Сибиряков Леонид Григорьевич, 1928 г. р. — 299

97. Хорошавина Матрена Харитоновна, 1912 г. р. — 323

98. Шерстков Алексей Филимонович, 1926 г. р. — 74

99. Шерсткова Елизавета Ивановна, 1930 г. р. — 360

с. Козловка [1993 з]

100. Краева Ольга Евдокимовна,
1928 г. р. — 168, 332

д. Кужлевка [1991]

101. Малкова Анна Петровна, 1911
г. р. — 313

с. Курино [1991]

102. Елсукова Анна Гавриловна,
1914 г. р. — 189

с. Макарье [1991]

103. Галашева Галина Сидоровна,
1928 г. р. — 30
104. Попцова Серафима Васильев-
на, 1902 г. р. — 183, 318

д. Малая Шиловщина [1991]

105. Береснева Надежда Ионовна,
1928 г. р. — 357
106. Шилова Вера Дмитриевна, 1918
г. р. — 3

д. Мишотино [1991 з]

107. Боброва Александра Никола-
евна, 1924 г. р. — 19, 167
108. Боброва Александра Федось-
евна, 1923 г. р. — 211
109. Пасынкова Прасковья Андре-
евна, 1928 г. р. — 119

д. Морозовы [1992 з]

110. Шадрина Анна Васильевна,
1911 г. р. — 164, 192, 344

д. Нижняя Мельница [1991]

111. Кырчанова Анастасия Андре-
евна, 1921 г. р. — 191
112. Малкова Галина Степановна,
1924 г. р. — 58, 161
113. Плюснина Мария Ивановна,
1927 г. р. — 130, 188
114. Щеглова Фаина Степановна,
1940 г. р. — 154, 218

д. Овчинниковы [1991]

115. Глушкова Анна Яковлевна,
1914 г. р. — 176, 355

пос. Разлив [1992 з]

116. Воронцова Валентина Никола-
евна, 1922 г. р. — 22, 125, 379
117. Щелчкова Александра Иванов-
на, 1920 г. р. — 267

д. Скурихинская [1991]

118. Глушков Василий Дмитриевич,
— 65, 165

119. Михеева Таисия Андреевна,
1924 г. р. — 27, 209, 252, 377
120. Наумова Любовь Михайловна,
1934 г. р. — 137, 309

д. Слобода [1991]

121. Весетенко Софья Ивановна,
1928 г. р. — 280
122. Замуриева Тамара Павловна,
1937 г. р. — 266
123. Коренева Наталья Яковлевна,
1909 г. р. — 225

с. Спасское [1991]

124. Краева Валентина Тихоновна,
1924 г. р. — 324
125. Семникова Анна Васильевна,
1918 г. р. — 7, 83
126. Шмакова Евдокия Николаевна,
1921 г. р. — 250

с. Чистополье [1992 з]

127. Кротова Антонина Тимофеевна,
1925 г. р. — 13, 121, 326, 339, 370

с. Юрьево

128. Абрамов Петр Васильевич,
1916 г. р. — 89
129. Зыкова Фаина Васильевна,
1932 г. р. — 85
130. Мышкина Клавдия Спиридо-
новна, 1909 г. р. — 212

д. Ярушниковы [1991]

131. Молчанова Александра Михай-
ловна, 1915 г. р. — 211, 229
132. Пономарева Наталья Егоровна,
1914 г. р. — 321
133. Яровикова Елена Владимиров-
на, 1937 г. р. — 28, 29, 270

НАГОРСКИЙ РАЙОН [1992]

д. Зуевцы

134. Исупова Анастасия Алексеевна,
1929 г. р. — 320
135. Торкунова Зинаида Гавриловна,
1918 г. р. — 338

д. Игнашата

136. Норсеева Анна Поликарповна,
1911 г. р. — 10, 14, 143, 260, 277,
318

д. Исаковцы

137. Шуплецов Николай Степанович,
1930 г. р. — 112
138. Шуплецова Любовь Васильев-
на, 1933 г. р. — 227, 305

д. Качонки

139. Рыбакова Мария Николаевна, 1929 г. р. — 104
140. Торкунова Галина Ивановна, 1946 г. р. — 47, 191, 228
141. Торкунова Екатерина Гавриловна — 354

пос. Липовое

142. Самоделкина Таисия Гавриловна — 337

с. Мулино

143. Булычева Юлия Дмитриевна, 1932 г. р. — 41, 45, 93, 243, 264, 347
144. Докучаева Антонина Алексеевна, 1928 г. р. — 12, 124
145. Докучаева Зинаида Алексеевна, 1926 г. р. — 289
146. Кочкин Дмитрий Степанович, 1927 г. р. — 240
147. Кочкина Юлия Васильевна, 1919 г. р. — 26, 70, 179, 185, 301
148. Рычкова Любовь Николаевна, 1927 г. р. — 319
148. Рычкова Мария Федоровна, 1922 г. р. — 66, 11, 234
150. Усатов Николай Павлович, 1927 г. р. — 92, 118

д. Сабельцы

151. Коротких Юлия Афанасьевна, 1911 г. р. — 78, 99

д. Шулаки

152. Исупова Любовь Алексеевна, 1938 г. р. — 157

д. Шуплецы

153. Шуплецова Валентина Николаевна, 1932 г. р. — 109, 321

ШАБАЛИНСКИЙ РАЙОН [1993]

д. Галкины

154. Галкина Анисья Ефимовна, 1914 г. р. — 315
155. Коврижных Кирилл Федорович, 1912 г. р. — 262

с. Красногорье

156. Мехрянова Ирина Даниловна, 1916 г. р. — 144

с. Черновское

157. Бочарикова Наталья Эристовна, 1906 г. р. — 257
158. Гордеева Полина Филипповна,

1909 г. р. — 158, 259, 269, 313

159. Жукова Евгения Феофановна, — 177

160. Зимина Елена Ефремовна, 1909 г. р. — 18

161. Иванова Лидия Павловна, 1920 г. р. — 156, 251, 255, 312

162. Комлева Валентина Аркадьевна, 1954 г. р. — 205

163. Краева Надежда Павловна, 1926 г. р. — 25, 278

164. Кудреватых Александра Акимовна, 1923 г. р. — 120, 378

165. Мочалова Федосья Касьяновна, 1906 г. р. — 268, 286, 314

166. Якшина Александра Михайловна, 1929 г. р. — 39, 202

ДАРОВСКОЙ РАЙОН

д. Большая Лукинская [1993]

167. Попова Анна Родионовна, 1934 г. р. — 136, 239

168. Пономарева Анна Родионовна, 1934 г. р. — 71

д. Вонданка [1993]

169. Горохова Параскева Ефимовна, 1908 г. р. — 298

с. Кобра [1993]

170. Комарицына Ефимья Михайловна, 1909 г. р. — 8

171. Чуланова Александра Васильевна, 1919 г. р. — 138, 341, 383

с. Красное [1993]

172. Воронина Афанасья Семеновна, 1912 г. р. — 272

173. Женихов Владимир Алексеевич, 1927 г. р. — 174

174. Кордакова Елена Петровна, 1919 г. р. — 271

175. Мариева Галина Петровна, 1927 г. р. — 131, 155, 290, 293, 343, 361

176. Олюнина Ефросинья Яковлевна, 1914 г. р. — 37

177. Рожкин Михаил Михайлович, 1914 г. р. — 24, 67

178. Соколова Ирина Васильевна, 1910 г. р. — 160

с. Кривец [1993]

179. Бушуев Иван Федорович, 1904 г. р. — 113, 132, 159, 307

180. Симкина Антонина Прокопьевна, 1925 г. р. — 306

д. Лузяки [1993]

181. Жидлова Агриппина Григорьевна, 1910 г. р. — 100
182. Подсухина Серафима Григорьевна, 1914 г. р. — 224
183. Пупышева Татьяна Васильевна, 1903 г. р. — 163, 238

д. Остальцы [1991]

184. Арбузов Василий Андреевич, 1933 г. р. — 80
185. Бушуева Анастасия Петровна, 1924 г. р. — 375
186. Кузьмина Светлана, 1977 г. р. — 371

д. Перетягины [1993]

187. Перетягина Наталья Андреевна, 1905 г. р. — 63, 152

д. Подугоряне [1991]

188. Комарова Надежда Палладиевна, 1914 г. р. — 54, 81, 303

д. Шубены [1993]

189. Раиса Николаевна — 127

БЕЛОХОЛУНИЦКИЙ РАЙОН [1994]

д. Антипята

190. Катаргина Клавдия Федоровна, 1937 г. р. — 233, 179
191. Сюткина Анна Афанасьевна, 1918 г. р. — 96
192. Сырчина Анастасия Михайловна, 1917 г. р. — 374

с. Всехсвятское

193. Исулова Глафира Васильевна, 1932 г. р. — 198
194. Леушина Пелагея Николаевна, 1914 г. р. — 1, 62, 107, 180, 233

пос. Дубровка

195. Булатов Александр Васильевич, 1956 г. р. — 76
196. Булатов Василий Игнатьевич, 1930 г. р. — 72
197. Катаргина Раиса Андреевна, 1936 г. р. — 4, 373
198. Котова Елизавета Григорьевна, 1922 г. р. — 106
199. Пономарев Вячеслав Иванович, 1923 г. р. — 108, 261

д. Леушинцы

200. Красноперов Геннадий Григорьевич, 1929 г. р. — 69

201. Красноперова Муза Федоровна, 1921 г. р. — 77, 173

д. Мезень

202. Ушакова Валентина Алексеевна, 1928 г. р. — 232

с. Полом

203. Двоеглазова Таисия Михайловна, 1923 г. р. — 5, 94, 151, 185
204. Катаргина Лидия Васильевна, 1927 г. р. — 184
205. Коробейникова Зоя Васильевна, 1932 г. р. — 275
206. Костылева Нина Григорьевна, 1931 г. р. — 68, 79, 87, 248
207. Леушина Августа Алексеевна, 1918 г. р. — 90, 91
208. Смехова Александра Александровна, 1922 г. р. — 44, 53, 114, 119, 193, 294
209. Смышляев Михаил Григорьевич, 1930 г. р. — 150, 247, 300
210. Спекова Лукерья Егоровна, 1921 г. р. — 346
211. Шабалина Валентина Петровна, 1916 г. р. — 43

с. Сырьяны

212. Кашина Александра Егоровна, 1925 г. р. — 178, 287
213. Коршунова Мария Николаевна, 1932 г. р. — 84, 105, 214, 218, 235, 367
214. Пьянков Анатолий Ефимович, 1927 г. р. — 117, 236

с. Троица

215. Воронина Антонида Егоровна, 1928 г. р. — 6, 61
216. Катаргина Валентина Егоровна, 1919 г. р. — 20, 21
217. Катаргина Елизавета Григорьевна, 1919 г. р. — 60

СВЕЧИНСКИЙ РАЙОН [1994]

д. Барановщина

218. Мочалова Анфиса Алексеевна, 1916 г. р. — 34

с. Круглыжи

219. Пшеницын Василий Евлампиевич, 1903 г. р. — 129

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ

- Алпатов С. В. — 85, 129, 331, 365
- Баркова А. А. — 36, 129, 148, 190, 335, 358, 363
- Балашова О. Б. — 49, 50, 88, 95, 153, 177, 178, 199, 208, 223, 230, 253, 273, 300
- Бородин П. А. — 250, 284
- Васильцова Е. В. — 131, 155, 290, 293, 343, 361
- Величко Ю. М. — 48, 71, 82, 126, 133, 139, 258, 279, 283, 297, 348
- Волков С. В. — 73, 78, 141, 171, 195, 210, 213, 311, 359, 368
- Горбунова Е. А. — 36, 128, 148, 190, 242, 328, 335, 358, 363, 382
- Гуржий Т. Г. — 19, 38, 42, 55, 57, 119, 130, 147, 166, 167, 175, 189, 202, 214, 216, 219, 296, 357, 369
- Давыдова Ю. А. — 20, 21, 60, 69, 77, 117, 173, 232, 236
- Добровольская В. Е. — 17, 102, 28, 142, 205, 211, 229, 245, 270, 349, 350, 265
- Ермолаев М. С. — 19, 38, 42, 55, 57, 97, 119, 122, 130, 147, 167, 175, 189, 197, 202, 207, 214, 216, 219, 241, 296, 299, 357, 369
- Зорина А. В. — 127, 157, 337
- Иванова А. А. — 5, 9, 13, 15, 41, 44, 45, 47, 58, 74, 93, 94, 101, 113, 121, 132, 134, 137, 138, 149, 151, 154, 159, 161, 162, 164, 168, 172, 174, 185, 187, 191, 192, 193, 194, 221, 222, 228, 231, 240, 243, 263, 264, 265, 271, 274, 275, 282, 282, 295, 307, 309, 310, 316, 323, 325, 326, 332, 333, 336, 339, 340, 341, 342, 344, 345, 347, 351, 360, 364, 370, 372, 375, 383
- Иванова И. В. — 16, 51, 52, 73, 78, 141, 98, 171, 195, 210, 213, 292, 302, 308, 311, 353, 359, 368
- Киселев М. В. — 156, 158, 201, 251, 259, 262, 269, 312, 313, 315, 378
- Киселева Ю. М. — 156, 158, 201, 251, 259, 262, 269, 312, 313, 315, 378
- Колпаков К. В. — 22, 68, 86, 87, 123, 125, 206, 221, 248, 267, 324, 379
- Коробова А. В. — 37, 115, 196, 276, 298, 352, 380
- Крылова Н. Д. — 68, 87, 248
- Либо М. В. — 245
- Лобанова И. В. — 8, 10, 12, 14, 26, 30, 31, 40, 59, 66, 70, 100, 109, 111, 110, 124, 136, 143, 163, 182, 212, 224, 225, 234, 238, 239, 246, 260, 277, 285, 287, 288, 301, 304, 318, 321, 322, 338, 362
- Мельникова Н. Е. — 131, 155, 290, 293, 343, 361
- Михеева Н. М. — 170, 356
- Мурашова Ю. М. — 127, 157, 337
- Нарбутовская Л. И. — 18, 25, 39, 144, 268, 278, 286, 314
- Нехай Л. В. — 24, 27, 46, 53, 54, 63, 65, 67, 78, 80, 81, 89, 92, 99, 104, 112, 114, 116, 118, 145, 152, 160, 165, 169, 176, 188, 203, 204, 209, 225, 227, 252, 272, 294, 303, 305, 306, 319, 330, 334, 346, 355, 371, 377, 381
- Нешина А. Ю. — 1, 4, 23, 62, 72, 76, 79, 84, 96, 105, 106, 107, 108, 150, 179, 180, 184, 198, 217, 218, 233, 235, 247, 249, 261, 367, 374
- Обижаева М. Г. — 86, 206, 221, 289, 320, 324
- Полиектова Е. Е. — 11, 33, 56, 140, 185, 200, 237, 266, 280
- Полуэктова М. Ю. — 1, 4, 23, 62, 72, 76, 79, 84, 96, 105, 106, 107, 108, 150, 179, 180, 184, 198, 217, 218, 233, 235, 247, 249, 261, 367, 374
- Савушкина Н. И. — 256, 265
- Пушкарёва О. В. — 64, 242, 328, 382
- Садовая Е. — 17, 102, 142, 205, 245, 349, 350
- Сатыренко А. С. — 3, 7, 83, 110, 287, 288, 304, 317, 362
- Согомонян А. Е. — 34
- Токарева Ю. В. — 34
- Торопов А. В. — 35, 135
- Фадеева Л. В. — 6, 18, 25, 39, 61, 90, 91, 103, 144, 181, 268, 278, 286, 291, 314

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

- Божить** — обожать, боготворить, желать
Ботать — загонять шестом рыбу в сети
Бусый — темно-бурый с синевой
Взвоз — настил со двора в верхний сарай для въезда туда возом
Видко — видно
Вица (витик) — прут
Вызнять — поднять
Голбец — загородка, чулан между печью и полатями, подпол
Егешный, егонный — его
Еретник — колдун
Заветить — загадать
Каменка — банная печь, сложенная из булыжников
Клеть — кладовая
Корзиться — казаться
Кошакаться (лешакаться) — поминать кошака (лешака)
Кошуля — шуба из овчины, крытая сукном или китайкой
Кресты — перекресток
Круглыж — круглый стог сена
Кудесить — колдовать
Кулемка — связка пакли
Легостай — ветреный, опрометчивый
Лопоть — верхняя простая рабочая одежда
Лутощка — липка, с которой снята кора
Матица — брус, лежащий поперек избы, на который настилался потолок
Млеться, млиться — чудиться, видеться
Новина — холст, полотно длиной в четырнадцать метров
Натакать — наставить
Оборотиться — превратиться
Оброть — недоуздок, конская узда без удил с одним поводом для привязи
Огин — строение для сушки снопов перед молотью
Одиноза — единожды, один раз
Охлупень (схлупень) — гребень крыши, верхний стык стропил
Пестерь — плетеный кошель
Поветь — сеновал, расположенный над скотным двором
Подволока — чердак; толстая доска от полатей до стены переднего угла
Подворотница — доска, которой заставляют собачий лаз
Полати — дощатый настил от печи к стене, на котором спят
Псмститься — показаться, почудиться
Починок — начало или закладка новой пашни в лесу; выселок

Поскресбеник — нож
Прикоснуть — сглазить
Прясло — звено изгороди
Рёхать — сопеть, храпеть
Робить — работать
Розвертки — перекресток
Сачить — ловить рыбу
Стожар — шест, втыкаемый твердо в землю посреди стога, чтобы он не
клонился
Тамотки — там
Тестеник — старый нож, используемый для скребки теста
Тетерка — яичный хлебец
Чересседельница — ремень, держащий оглобли на седелке
Шсхра — лес по болоту

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРСОНАЖЕЙ

- Банник — 48, 49, 50
 Батаман — 12, 26, 32, 41
 Батаманиха — 41
 Бес — 63, 127, 145, 159, 162,
 163, 165, 168, 187, 212, 239, 271
 Божья мать — 192
 Ведьма — 292, 293
 Водяная — 238
 Водяница — 59
 Водяной — 246
 Ворожец — 230
 Враг — 156, 158, 205, 237
 Господь — 190
 Дед-домовой — 18
 Дедушка-суседушка — 15, 16, 36
 Дедушка лесной — 70
 Домовой — 1, 4, 10, 19, 25, 34,
 35, 181, 262
 Дядя лесной — 65
 Еретник — 186, 250
 Змей — 178
 Знахарь — 95, 149, 240, 260, 263,
 295
 Каленая печь — 319
 Каленая ступа — 320
 Кикимора — 43, 44, 45, 46, 47,
 379, 380, 383
 Клад — 163, 302, 303, 305, 306,
 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313,
 314, 317
 Кобылий зад — 321
 Колдун — 165, 178, 200, 235,
 237, 240, 245, 247, 250, 252, 255, 256,
 261, 269, 278, 282, 294, 331
 Коровий зад — 322
 Лекарь — 238, 278
 Лесной — 72, 78, 99, 105, 108,
 109, 111, 264
 Лесной человек — 72, 93, 152,
 184, 243
 Лесовой — 120
 Лешак — 75, 84, 88, 96, 111, 159,
 169
 Леший — 63, 68, 69, 72, 74, 76,
 77, 79, 80, 82, 83, 87, 88, 90, 91,
 92, 94, 95, 96, 98, 104, 105, 106,
 107, 110, 114, 115, 117, 118,
 122, 123, 124, 236, 264, 278, 299,
 325
 Маниха — 113
 Нечистая сила — 52, 53, 126,
 130, 135, 159, 185, 204
 Нечистый — 152, 163
 Нечистый дух — 54, 138, 144,
 185, 306
 Обменыш — 301
 Огненная печь — 318
 Огненная стрела — 182, 183
 Огненный змей — 179, 181
 Огненный меч — 185
 Огненный сноп — 149, 150, 180,
 181
 Окаянный — 140
 Окутиха — 42
 Остожиха — 42
 Покойник — 186, 187, 188, 189,
 190, 191, 192, 193, 195, 229, 262
 Порча — 331
 Смерть — 360
 Соседко — 7, 11, 13, 15, 16, 21,
 22, 27, 28, 31, 34, 38, 40
 Соседушко-батамушко — 6
 Суседчиха — 9, 24
 Хозяин леса — 92, 98
 Черт — 116, 125, 129, 131, 132,
 134, 136, 137, 139, 141, 143, 146,
 147, 150, 153, 154, 155, 159, 161,
 163, 165, 166, 167, 168, 172, 173,
 175, 213, 235, 242, 245, 306
 Чертовка — 57, 171
 Шпикун — 174, 175, 176, 177

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. Вылегжанин. К читателям	3
А. Иванова. Мифология Вятского края	4
Домовой (№№ 1—42)	13
Кикимора (№№ 43—47)	20
Банник (№№ 48—55)	22
Русалка (№№ 56—62)	24
Леший (№№ 63—124)	25
Черт (№№ 125—173)	41
Шиликун (№№ 174—177)	55
Огненный змей (№№ 178—185)	56
Покойник (№№ 186—229)	58
Колдун, ведьма, знахарь (№№ 230—297)	70
Проклятый (№№ 298—301)	88
Клад (№№ 302—317)	91
Прочее (№№ 318—383)	94
Список исполнителей	108
Список собирателей	114
Словарь диалектных и малоупотребительных слов	115
Указатель персонажей	117

ВЯТСКИЙ ФОЛЬКЛОР. МИФОЛОГИЯ.

Редактор Анатолий ВЫЛЕГЖАНИН.

Лицензия Комитета РФ по печати Плр № 040071 от 19 июля 1994 г.

Сдано в набор 1.10.96 г. Подписано в печать 15.11.96 г. Печать высокая.
Условных печатных листов 7,5. Заказ № 1422. Тираж 1000 экз.

Цена договорная.

Отпечатано в Котельничской типографии управления по печати и информации администрации Кировской области, г. Котельнич, ул. К. Маркса, 7.

